

МИР

№:9 1926

ПРИКЛЮЧЕНИИ

Изд - во

«П. П. СОЙКИН»

ЛЕНИНГРАД СРЕМАЯ ПУТЬ 8

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ»	1
«НИГИЛИЙ», — фантастический роман Р. Эйхакера; перевод Анны Бонди; иллюстрации М. Мизернюка	3
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДОКТОРА ПИРСА», — рассказ В. В. Рюмина, иллюстрации А. Ушина	16
«СОБАКА», — рассказ Вигго ф. Меллера; перевод А. Ганзен; иллюстрации В. Изенберга	30
«В СУМЕРКАХ», — рассказ Вигго ф. Меллера, с иллюстрациями .	42
«НЕВИДИМКИ», — рассказ Н. Копылова, илюстр. М. Кочергина .	54
«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ»: «МЕСТЬ», — рассказ В. Соловьева, иллюстрации И. Владимирова	82
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ» — «ПУТЕШЕСТВИЕ В НЬЮ-ИОРК В 3.000 ГОДУ», — рассказ Фезандие, с иллюстрациями	92
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» — Испытайте Ваши способности! — Задачи №№ 30, 31, 32 и 33	106
«САМОЕ СТРАШНОЕ», — рассказ М. Джигана, с иллюстрациями .	108
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» — Решения задач	114
«ВОНЮЧКА», — рассказ К. Клаузена; перевод Г. Зуккау, с иллюстрациями	116
«ЛЬВЫ АРТИСТЫ», — очерк М. Н-го	128
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». — Откровения науки и чудеса техники: «ПЕРЕВОРОТ В КНИГОПЕЧАТАНИИ», — очерк инженера В. Д. Никольского, с иллюстрациями	132
«ОТВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ У МОРЯ», — с иллюстрациями	158

Обложка художника М. Кочергина.

Содержание романа „Нигилий“.

(См. №№ 6-й, 7 и 8-й журнала „Мир Приключений“)

Громадный метеорит, упавший в Японии и, отчасти в океан, взволновал и встревожил весь мир. По международному решению, куски метеора, находящиеся на земле, переданы знаменитому ученому доктору Вердту, который выстроил в Бомбее целый научный городок для изучения болида. Но у Вердта есть соперница, странная красавица, которую все называют повелительницей индусов, Неограниченно богатая и могущественная, она надеется властвовать над миром, завладев разгадкой тайны болида. Действие разворачивается в экзотической Индии и, наряду с описаниями замечательной лаборатории и любопытных химических и электрических опытов с метеором, перед читателем проходят колоритные картины жизни туземцев, факиров и погов. Доктор Вердт открывает „Нигилий“, — первичную материю, но решительному опыту мешает повелительница индусов, попирающая ученого. Ставленник ее, профессор Кахин, не может справиться с таинственным „Нигилием“, заключающимся в болиде, в лаборатории Вердта взрывается. Весь мир помогает Вердту построить подводную лодку, чтобы спуститься в глубины океана за осколками метеорита. Весь мир провожает отважного ученого в это походное путешествие. Но повелительница индусов приобрела подводную лодку другой конструкции и также стремился в неизведанные бездны. В этой, 9-й книжке журнала, — развязка событий, занимающих все человечество.

Редакция журнала «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ»
О Б Ъ Я В Л Я Е Т

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

НА ОРИГИНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ РАССКАЗЫ,

с 10 премиями по 3.150 рублей.

Первая премия — 1.000 рублей.

Премии распределяются большинством голосов читателей, после избрания 10 лучших беллетристических произведений Литературно - Научным Жюри Конкурса.

Литературно Научное Жюри составляют: Председатель—Академик, профессор, Директор Пушкинского Дома Академии Наук СССР, С. Ф. ПЛАТОНОВ, и члены (по алфавиту): А. Н. ГОРЛИН—Заведующий Отделом Иностранной Литературы Ленинградского Отдела Государственного Издательства; Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК—литературный критик; Б. Л. МОД-ЗАЛЕВСКИЙ—Член-Корреспондент Академии Наук, Старший Ученый Хранитель Пушкинского Дома; Ф. К. СОЛОГУБ—Председатель Союза Писателей в Ленинграде; Н. А. ЭНГЕЛЬ—литератор, Ответственный Секретарь Секции Печати Ленинградского Отдела Союза Просвещения, и от Редакции «Мира Приключений»: П. П. СОЙКИН и В. А. БОНДИ (член-секретарь Жюри).

В зависимости от темы и содержания присланных на конкурс рассказов, в случае надобности, состав Жюри будет увеличен выдающимися учеными-специалистами СССР. Фамилии их будут опубликованы дополнительно.

Условия конкурса.

1. Издательство «П. П. Сойкин» ассигновало на премии 3.150 рублей, распределяемых в таком порядке: 1-я премия—1.000 руб.; 2-я премия—500 руб.; 3-я премия—300 руб.; 4-я премия—300 руб.; 5-я премия—200 руб.; 6-я премия—200 руб.; 7-я премия—200 руб.; 8-я премия—150 руб.; 9-я премия—150 руб. и 10-я премия—150 руб. Итого 3.150 рублей.

2. В конкурсе могут участвовать все граждане СССР.

3. На конкурс принимаются не бывшие в печати оригинальные русские рассказы размером от $\frac{3}{4}$ до 1 печатного листа (приблизительно 40.000 букв). Рассказы должны представлять собою законченное художественное целое, иметь интересную и незаимствованную фабулу—бытовую, или историческую, или научно обоснованную фантастическую. В последнем случае темой, например, могут служить успехи радио, дальновидения, электричества, химии, бактериологии, воздухоплавания и т. д. Рекомен-

дуются обратить внимание на динамичность повествования, т. е. на силу и энергию в развитии действия рассказа.

4. Рассказ должен быть написан (лучше — напечатан на машинке) четко и подписан девизом. К рукописи прилагается отдельный запечатанный конверт, на лицевой стороне которого пишется название рассказа и девиз, а внутри — повторяется девиз и точно указывается имя, отчество, фамилия, псевдоним, — если он есть, — и полный адрес автора.

5. Последний срок представления рассказов на конкурс — 1-е Марта 1927 г. Авторы из дальних местностей должны сдать на почту свои произведения во всяком случае не позднее этого числа. Почтовый штемпель будет служить доказательством времени отправки.

6. В Марте месяце Литературно-Научное Жюри Конкурса изберет десять достойнейших премирования рассказов и опубликует свое решение. Иллюстрированные лучшими художниками, эти произведения будут последовательно напечатаны в «Мире Приключений» под девизами авторов.

Примечание. Не удостоенные премии рассказы, по соглашению авторов с Редакцией, могут быть приобретены для помещения в «Мире Приключений».

7. Все постоянные читатели «Мира Приключений» получают при журнале особую карточку с 10 графами, в которых, по своему выбору, в нисходящем порядке граф, напишут названия 10 отобранных Жюри рассказов. Таким образом, например, помещение рассказа в 1-й графе обозначит присуждение ему читателем 1-й премии, в 5-й графе — пятой и т. д. На особо обозначенном месте карточки должен быть наклеен печатный адрес с почтовой бандероли, как доказательство, что распределение премий исходит от постоянного читателя «Мира Приключений». Эти анкетные карточки могут быть возвращены, как открытые письма.

8. Анкетные карточки будут подсчитаны Комиссией с участием членов Жюри и особо приглашенных представителей литературно-профессиональных организаций. Большинство голосов читателей, следовательно, распределит премии между авторами.

9. По окончании подсчета, в публичном, для всех доступном заседании, будут вскрыты 10 конвертов с девизами и оглашены имена авторов, удостоенных премий. Остальные конверты с девизами будут сожжены в интересах сохранения тайны авторов.

10. Премии уплачиваются вслед за опубликованием имен получивших их.

Примечание. Так как премии распределяются между произведениями, а не между авторами, имена которых до вскрытия конвертов остаются неизвестными ни Жюри, ни читателям, то не исключен случай, что одно лицо получит и две премии.

11. Рукописи, предназначенные на Конкурс, должны быть направляемы заказным порядком в Ленинград, Стремянная, 8, Редакция «Мира Приключений», с надписью: на Конкурс. Личные объяснения по делам Конкурса даются в Редакции каждый понедельник, кроме праздников, от 4 до 6 час. дня.

НИГИЛИЙ

Фантастический роман Р. Эйхакера

Научная идея М. Фалиера

Перевод Анны Бонди

Иллюстрации М. Мизернюка

(Окончание).

XXI.

Вердт пришел из передней части лодки в салон и пожал руку фрау Мабель и Нагелю.

— Началось путешествие к нигилию. У нас достаточно времени обсудить мой план.

Он занял свое место у длинного обеденного стола. Против Вердта с потолка спускалась проекционная пластинка, на которой посредством призматических чечевиц корабельных перископов проходили тусклые картины горизонта. «Кракон» делал 40 километров в час. При настоящих условиях штурман был лишним. Каждую секунду мог Вердт из салона следить за положением вещей. Движения рычага под столом было достаточно, чтобы совершенно остановить машины или дать задний ход.

В глазах Мабель еще был блеск промчавшегося часа. Она вся была увлечена переживаемыми событиями. Побуждаемая невыразимой благодарностью к учителю, она крепко пожалала ему руку. Молчаливым ответом был ей приветливый взгляд стальных глаз. Оба знали, что теперь вопрос идет о смерти или о жизни. Общая судьба связывала их.

Вердт задумчиво смотрел перед собой.

— Вы знаете важнейшие пункты моего плана. Я намереваюсь кратчайшим путем направиться в область антициклонного течения, потом, прежде чем оно успеет нас отогнать, я хочу нырнуть и опуститься на ту глубину, где круг поворачивает в другую сторону и образуется водоворот, засасывающий к центру. Там, замедля движение и опускание в глубину, мы отдадимся во власть водоворота, который помчит нас к нашей цели. Если же водоворот станет слишком силен, мы сейчас же наставим все четыре винта на задний ход. Сильный удар во дно всегда опасен. А спустившись на дно, надо бороться с водоворотом и обыскивать все вокруг прожектором.

— Сколько нам нужно времени, чтобы спуститься?

— На все путешествие до дна понадобится около двенадцати часов. За это время мы опустимся на 9000 метров.

— Так долго?—Мабель была удивлена.—Но почему же? Ведь, «Кракон» опускается на такую глубину гораздо скорее.

— Из осторожности, фрау Мабель. Мы будем двигаться против сильного течения. Мы проникаем в незнакомое нам царство и должны рассчитывать на всякие случайности. Само море тоже имеет свои загадки и опасности. А метеор еще находится в полном действии. Мы не можем подвергаться опасностям, от которых не будет спасения.

Он взглянул на свои часы.

— 2 часа 40. Уже пора разделить между нами управление лодкой. Первые шесть часов ваши, мой дорогой.

Он удалился в свою комнату, а Нагель встал с места. Он поцеловал фрау Мабель и быстро поднялся в помещение башни. Теперь, видя перед собой всю поверхность моря до горизонта, он дал полный ход. Винты вертелись, уже развивая мощность в 3000 л. с. Затем мощность возросла до 5000, 10000, до 20000 л. с. С минуты на минуту усиливал он движение машин. Они дошли до 80000 л. с. Винты на полном ходу пенили море. Голубое море, сверкавшее над японскими берегами, странно потускнело. Барометр падал каждую минуту, точно сверху на него нажимал гигантский кулак. Он скоро показал 700, и потом 690, потом 680 миллиметров. На поверхности моря появились первые зловещие признаки страшной бури. Вдруг поднялся сильный ветер. Он упорно крепчал. Небо почернело. На горизонте вспыхнула полоса пламени. 30, 40, 50 секундо-метров отсчитывали измерители. Точно золотая пробка танцевал «Кракон» на волнах, высотой с гору. Он сильно накренился. Бешено вертящийся винт часто оказывался в воздухе и визжал, точно живое существо, от боли.

Нагель закрыл люк. Черные, непроницаемые облака спускались воронкой на востоке к морю и всасывали в себя гигантские столбы воды на страшную высоту. Измеритель ветра безумствовал...

Нагель переменял ход и дал лодке опуститься. Она стала быстро погружаться. С помощью рычага он снова переместил нервный центр пыхтящего «Кракона» в переднюю часть лодки. Уверенно покинула золотая лодка бушующую поверхность моря и стала погружаться в пучину... 10, 20, 30 метров... точно в мягкую подушку. Рев и волнение океана вдруг исчезли. Вокруг «Кракона» было бесконечное спокойствие. Он все продолжал опускаться... 40 метров, 45, 50... Глухой звук, точно от взрыва... Это был первый вытнный удар пульса «Кракона».

Нагель сидел теперь в штурманском помещении. На матовом стекле перед ним был мрак ночи. Нагель схватил рычаг,—за окном вспыхнул яркий свет,—прожекторы прорезали пучину... Зеркало вдруг стало полно жизни. Бесчисленные морские животные поднимались и падали, гонялись друг за другом и врывались целыми стаями в полосу света. Глаза и пасти их были широко раскрыты от испуга, точно они хотели укусить этого нарушителя их спокойствия. Все было освещено на 500 метров кругом. Открылось, как в сказке, царство фей. Даже Нагель, которому все это уже было знакомо, с восхищением любовался этим зрелищем.

— Какая красота!—послышалось из соседней комнаты. Он обернулся. Мабель прижалась щекой к его лицу. Она пришла посидеть с мужем. Молодая женщина не могла успокоиться и лечь спать. Мириады морских чудищ от рыб самых разнообразных форм, до морской звезды и спрута, попадали на зеркало и снова исчезали с его поверхности. Лучи света взбудоражили морскую глубину.

Нагель коротким движением нажал рычаг.

— Я подаю знак всему миру. В это мгновение все радиокино всего мира обрывают представления и направляют свои приемники на нашу лодку. Во всех радиокино мира с невероятным нетерпением ожидают первую кинографическую картину нашего путешествия к демону.

Он еще раз подал знак по беспроводному телеграфу и опустил рычаг. В то же мгновение что-то хлопнуло. В задней стене быстро открылся люк.

Система чечевиц выглянула точно ищущие глаза и уставилась в круглое окно в конце помещения, за которым ярко освещены были морские глубины.

— Голову долой!—засмеялся Нагель. Он сторбился.—Наши головы будут мешать. Все, что видят эти чечевицы, проектируется теперь во всех театрах мира.

Минут десять давал он картину подводных чудес. Потом потушил свет своего прожектора.

— Нельзя сразу избаловать людей,—весело сказал он,—и никто не должен видеть этого поцелуя.

Она дала ему свои губы. Он встал со стула.

— Мы снова поднимаемся на поверхность, Мабель. Вуря, кажется, прошла. Наверху светит солнце. Я хочу попробовать ориентироваться. Сейчас 6 часов 40 минут. Цель приближается.

Лодка разрезала на полном ходу пенящиеся волны. Нагель снова сидел в помещении башни. Верхняя часть лодки высохла и блестела. Ни одна капелька не задерживалась на оболочке из аргаурона.

Снизу, по лестнице, поднимался Верндт.

— Мы сейчас уже должны быть там.

Нагель кивнул головой. Верндт приставил к глазам бинокль. Потом передал его Мабель.

— Взгляните, пожалуйста, туда... на юго-восток...

Она посмотрела в бинокль.

— Поверхность моря там неровная... я вижу совершенно ясно... Почему это? Она точно вспухает все выше и выше. Это происходит от того, что мы все скорее и скорее движемся вперед?

— Мы вошли в области антициклона. «Кракон» пробивается против течения, идущего оттуда.

— Мы дошли!—ликдовал Нагель.—Вон уже там ясно видно, как море поднимается кверху горой.

— А позади на горизонте поднимается пирамида. Фантастическая и темная.

— Столб крутящейся воды.

— Удивительно!—воскликнул Нагель,—что мы не заметили его уже несколько минут тому назад!

— Он, кажется, стал меньше. Действительно, все последние донесения говорят, что это явление заметно слабеет.

— Все это новые загадки!

— Мы сейчас ближе, чем когда-либо подходил корабль. Мы поднимаемся по водяной горе.

Нагель обернулся с выражением недоумения на лице.

— Не думаю, что мы проберемся еще дальше. Машины работают изо всех сил. Но приближение к циклону почти равняется нулю.

— Так мы значит близки к цели, мой дорогой. 7 часов 13 минут. Давайте опускаться.

Тихо раскрылась дверь штурманского помещения. Верндт вошел и проверил измерители. Нагель освободил ему место и отошел в сторону.

— Смена.

С военной официальностью произошла штурманская смена.

Дверь снова закрылась. Вальтер Верндт остался один. Он спокойно уселся и потушил свет. Только море перед ним сверкало всеми красками. Он взял в руку рычаг. Теперь он был точно частью своего творения—«Кракона».

Медленно протекали одинокие часы. Точно машина с железными нервами сидел неподвижно и молча Верндт. Снова и снова возникали в его уме вопросы, касавшиеся его подводного путешествия. Было еще время вернуться, исправить ошибки в плане.

От него, от его расчетов зависела его собственная жизнь, жизнь его друзей, судьба всего мира. Он знал оружие этого демона там, внизу. Враг будет защищаться, не сдастся без боя. Лучами и газами, течением и водоворотом. Он это знал и мысленно проверил свои силы. Но в своих расчетах он не нашел ошибок...

«Кракон» все опускался. В груди Верндта отзывалось каждое биение пульса котлов, каждое дыхание вентилятора. Каждый рычаг точно сросся с ним. В изменении давления крови он чувствовал движение стрелок манометров. Качание стрелки отзывалось на его нервах. Автоматическим, рефлексивным движением опускалась рука на руль и направляла курс.

XXII.

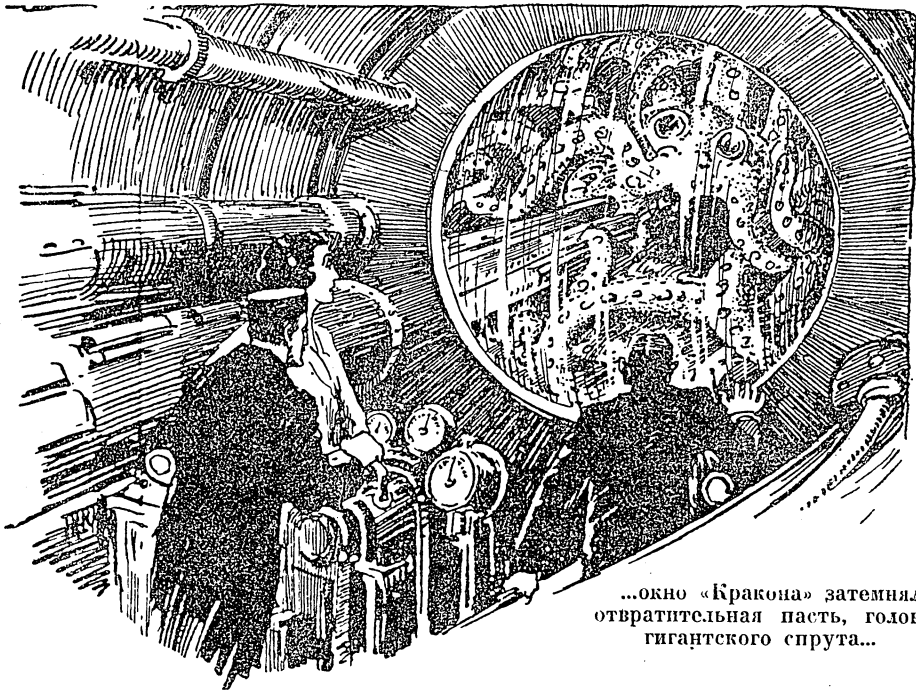
Началось путешествие Верндта на дно моря! Гигантские прожекторы посылали это известие на ночное небо. Эти сверкающие слова появлялись над дворцами прессы, над крышами кинематографов. Никто не мог сегодня спать. Ночной город точно вымер. И только отдельные, запоздалые аэропланы разрезали воздух.

В кинематографах сидели, как в храме. Головы, близко одна к другой, смотрели на полотно. Верндт объявил начало своего подводного путешествия. Он обещал с этого момента не прерывать кинематографический доклад. Без перерыва следил мир за круглым окном в штурманском помещении подводной лодки. В Риме и Нью-Йорке, в Мадриде и Берлине, в городах и селах видели все то, что отражалось на чечевицах: круглое окно, чудеса моря в свете прожектора и впереди штурмана. По большей части только его голову внизу картины, точно суфлерская будка, потом части комнаты, измерительные аппараты...

С напряжением и умилением следили за всем этим. По театру проносился шопот, когда Нагель, сидевший на штурманском месте, начинал шевелиться, или входила Мабель, или все трое вели беседу. В публике слышались имена путешественников, молились за их успех... Потом Нагеля сменил Верндт. Он сидел один, неподвижно. В помещении было темно, только впереди, в кружке света, была вечная жизнь. Голова Верндта была

Как один человек, закричала в ужасе толпа...

...окно «Кракона» затемнила
отвратительная часть, голова
гигантского спрута...

темным силуэтом внизу этого светлого круга. Не спуская глаз, смотрела вместе с Верндтом толпа в морскую пучину. Скоро должно было начаться обратное течение. Первые зрители трепетали от напряжения. Калейдоскоп этой жизни в морских глубинах скоро потерял свое успокоительное действие.

На экране все еще стояло круглое окно «Кракона». — 1.900 метров показывала в кинематографах табличка глубин. Вдруг все неожиданно, неприятно, вздрогнуло. Круглый глаз впереди мгновенно померк. Точно его чем-то закрыли снаружи. Видно было только поблескивание лампочек у измерительных аппаратов. Торопливо поднялась голова Верндта. В толпе пронеслись вопросы, предположения. Еще несколько секунд и все, пораженные ужасом, повскакали с мест. Как один человек, закричала в ужасе толпа. Панический страх охватил все мозги...

Картина наверху была ярко освещена снаружи и публика увидела, что окно «Кракона» затемняет отвратительная часть, голова гигантского полипа, дико вращавшего щупальцами. Распухшее тело, точно водянистый мешок, плыло и вздувалось и на зрителей смотрели неподвижные, гипнотизирующие глаза. Шесть огромных змей, беснующихся, злобно скатывавшихся в узлы, змей в десять метров длины, точно гигантские каучуковые червяки, полные неукротимой жизни, обвивали и хватали тысячи рыб...

Казалось, что чудовище протягивает щупальцы в толпу, что оно сейчас схватит сотни беззащитных жертв, и, сдавив их щупальцами, втянет в свою ненасытную пасть...

Ни у кого не было сил бежать из зала. Глаз чудовища подавлял силу воды. Поднимались наполовину с кресел, беспомощно хватались за стены и двери, но глаза приковывались к человеку на экране, там, возле самого чудовища.

Все видели, как он отскочил назад. Только на короткие мгновения. Потом отодвинулся в сторону. Он... улыбался... действительно! Он спокойно и с улыбкой обернулся назад и добродушно тряхнул седой головой, точно зная, в какой панике сейчас весь мир. Как бы желая всем объяснить свои действия, он указал на рычаг на передней стене лодки.

— Он выпускает щупальцы лодки! — вскрикнули все в один голос. Медленно, медленно приходила в себя толпа. Все снова почувствовали себя в безопасности, простыми зрителями подводной борьбы. Все молча удивлялись спокойствию Верндта, вспоминали про его оружие — щупальцы и клешни, восемь стекол окна.

Верндт нажал рычаг, на который указывал. Гигантские щупальцы, золоченые клешни, большие, массивные и острее, чем у краба, выскочили из стены лодки. Они вонзились в мясистое, распухшее тело чудовища.

Отвратительное существо завертелось, всколыхнулось кверху, страшно раскрылась пасть чудовища. Из глаз посыпались искры, они выпучились со злобной угрозой.

Еще раз схватил Верндт рычаг на стене лодки. Гигантское тело подпрыгнуло кверху. Оно надулось, как пузырь... Хобот «Кракона» впился в него и выпустил через маленькие трубочки скрытые в нем химические реактивы, которые стали быстро разлагать рыхлое мясо спрута.

В припадке безумной боли извивались щупальцы. Но при каждом движении они натывались на стальные острия, которые выпустил им навстречу другой, золотой спрут...

Несколько минут спустя, полип уже потерял силы. Тело его было изорвано, искромсано, напоминало тряпку. «Кракон» одним движением оттолкнул от себя безжизненную массу, это чудовище вызывало в нем тошноту отвращения. Бессильное, безоружное, стало оно опускаться на дно...

Во всех кинематографах мира раздался вздох облегчения. Как после кошмара... А на экране снова появилось круглое окно, прожекторы далеко освещали морскую глубину и бесчисленные рыбы, коньки и спруты играли, как и прежде, вокруг подводной лодки...

Верндт передал управление лодкой Нагелю, а сам сел тут же в кресло. Нагель часто сменял учителя. — Верндту надо было беречь свои силы для более опасной части путешествия.

Нагель смотрел, не отрываясь, на дрожащую стрелку.

— Стрелка падает! — вскрикнул он. — Еще больше... еще.

Верндт подошел к нему. Он быстро сообразил положение вещей. Потом откинул вниз несколько рычагов. «Кракон» вдруг странно затих. Машины остановились. Лодка не имела теперь собственного движения. Водоворот мчал ее вниз...

— Возврата больше нет!

Голос Верндта был спокоен.

— Бросьте совсем управление. «Кракон» должен отдаться на волю течения.

Манометр быстро поднимался. С головокружительной быстротой втягивалась лодка в пучину. Друзья, не отрываясь, смотрели на компас. Иголка быстро вертелась. Они долго молчали, потом в комнату вошла Мабель. Синхронкомпас в салоне показал ей настоящее положение вещей.

— Стрелка обегала круг в 37 минут, — сказал Нагель, быстро записывая цифру.

Верндт кивнул головой.

— Это значит только, что водоворот в этом слое воды обладает такой вращательной быстротой. Чем ниже мы будем спускаться, чем сильнее нас будет тянуть книзу, тем короче станет этот промежуток времени.

Его слова подтвердились. Для второго круга магнитной иголки понадобилось уже 30 минут. Верндт не спускал глаз с компаса. Лицо его было серьезно. Мабель инстинктивно почувствовала его настроение.

Прошло десять минут, и Верндт вопросительно обернулся к Нагелю.

— 4.000 метров глубины. Вращательное движение стрелки 20 минут.

— Отлично. Давайте вторую скорость.

Нагель нажал рычаг. Винты вращались теперь на 10.000 л. с. Вдруг «Кракон» точно весь затрепал. Могучие винты стали вращаться в обратную сторону.

— Видите друзья, винты делают при 10.000 л. с. столько оборотов, сколько они должны были бы делать при 5.000 л. с. Это можно объяснить только тем, что получаемая из Нагасаки электрическая сила действует только наполовину. Посылают нам эту силу, конечно, полностью.

— Да, чорт возьми,—сказал Нагель.—Это было бы очаровательно...— Он быстро поднял голову.—Но плохого тут тоже ничего нет. Мы вполне можем обойтись без этих излучений. Все машины построены для двух способов действия. Мы можем воспользоваться анитрином, если электрические излучения станут слабо действовать.

— Совершенно верно, мой дорогой. Но дело совсем не в том. Причина находится не в Нагасаки...

— Где же?

— Тут, внизу. Если с центральной станции в Японии сила нам передается полностью, а действует наполовину, то это значит, что морская вода поглощает половину силы. Но сама по себе вода такой способностью не обладает. Очевидно, она так полна здесь этими вампирами, частицами нигилия II, что они наполовину поглощают излучения.

— Чертовский камень!—раздраженно произнес Нагель.

— Он задает нам задачи, этот чертовский камень! Это нам надо принять к сведению. Если уже здесь вода так обильно напитана, то внизу нас ждет настоящий бой на жизнь и на смерть. И мы должны, по мере сил, подготовиться к этому бою.

— Так что ж!—проворчал Нагель,—за мной остановки не будет.

Стрелка показывала глубину в 5.000. Благодаря могучему обратному движению винтов, «Кракон» прошел в 21 минуту вокруг центра ужасного водоворота. Чем глубже погружалась лодка, тем дальше подвигал Нагель рычаг, управлявший электрической силой. Но эта сила все больше и больше исчезала в море, а водоворот становился все сильнее и сильнее.

— Учитель!—спросил Нагель. Его беспокойство росло.—Что, если так будет продолжаться? Этот рычаг указывает на 50.000 л. с. А действие не больше, чем на 10.000 л. с.

— Вы правы,—сказал Верндт.—Нам придется перейти на анитрин. Тогда у нас снова будут полные легкие и морская вода не сможет ослабить нашу силу.

Он быстрым движением отодвинул в сторону несколько рычагов и выключил электрическую энергию. Тихий шум машин совершенно замолк. Жизнь «Кракона» остановилась. В то же мгновение манометр помчался вверх. Стрелка компаса резко отклонилась. Она, бешено прыгая, описала в 50 секунд четверть круга. Измеритель давления вскочил в одну минуту до 610 атмосфер. Водоворот ожесточенно всасывал лодку. «Кракон» с невероятной быстротой летел в пучину.

Мабель, побледнев, схватилась за спинку стула. С молчаливым ужасом смотрела она на водоворот за окном. Бисение сердца «Кракона» участилось. Ужасающие взрывы следовали один за другим, нарушая жуткую тишину. Даже Нагель стоял уныло, прислонившись к стене.

Верндт быстро опустил еще один рычаг. Раздался скрип, точно «Кракон» жалобно застонал. Все тело его сотряслось. Путешественников оглушил страшный грохот.—Мотор для взрывчатого газа!—радостно воскликнула Мабель. Грохот был для нее утешением, спасением.

— Ах, воскликнул Нагель,—это сила! Жизнь! Теперь я чувствую, что у меня еще есть воля, есть сила!

Стрелки снова замедлили бег. Теперь, когда вся сила сполна действовала на винты, удалось уже при 30.000 л. с. бороться с водоворотом.

— Чорт возьми!—потягиваясь и зевая, сказал Нагель.—Эта последняя минута била по нервам. Теперь чувствуешь себя совсем иначе.

Он выглянул через окно наружу.

— Алло! Что это такое?.. Рыба?.. Полип... вон там?

Верндт тоже наклонился вперед и впился глазами в стекло. Он ничего не ответил. На лице его было выражение сильнейшего недоумения.

— Да это какое-то привидение!—удивленно воскликнул Нагель.

— Это похоже на лодку!

— Корабль, потерпевший крушение?—спросила Мабель.

— На такой глубине? Его давно бы уничтожило в этом водовороте.

Прожектор ярко осветил глубину. Луч его упал на что-то темное, неопределенной формы. Кружась в водовороте, предмет приближался к лодке. Потом он снова потонул в темной дали.

Верндт выпрямился на своем стуле.

— Он вернется. Он, как и мы, кружится в водовороте вокруг центра.

Он взглянул на часы, считая минуты.

— Вот он!—взволнованно воскликнул Нагель.

— Действительно. Это подводная лодка!

— Это шар. Со щупальцами и клешнями.

Странное существо очутилось теперь в полосе света. Можно было совершенно ясно рассмотреть его. В бешеном беге промчалось оно мимо «Кракона», точно в каком-то тайном заговоре с ним. Метрах в 400 от лодки шар прорезал полосу света прожектора. Теперь все увидели, что это был гигантский шар с четырьмя вертикальными позади винтами.

— Взгляни! Цепь! Там наверху... цепь!—вскричала Мабель и схватила руку мужа. Нагель и Верндт сами уже увидели цепь. Ее рвало течением и нижний конец ее бил по шару. Не прошло и десяти секунд, как все исчезло.

Верндт стоял перед окном, точно готовясь к прыжку. Потом повернул рычаг на полную силу. Оглушительно прогремели 90.000 л. с... Он, как замороженный, смотрел на кружащиеся стрелки. Верндт тяжело дышал. Стрелки замедлили бег.

— В чем дело?—спросил Нагель. Скрытое волнение сильного человека не могло укрыться от него.

Верндт был уже снова спокоен.

— Шар-лодка разбила бы «Кракона», если бы мы не задержали хода. Она промчалась в 400 метрах от нас. В следующем обороте она бы налетела на нас.

— Но, ведь, это был бы конец!

— И он еще может настать,—серьезно сказал Верндт. Но я надеюсь, что мы избежим столкновения. Больше задержать нашу лодку я не мог. Нам остается только дать ему опередить себя.

— Но откуда эта подводная лодка? Ведь, это невероятно!—сказала Мабель.

— Вот!—воскликнул Нагель,—вот она опять, впереди...

Из мрака справа от лодки опять вынырнул бешено мчавшийся шар. Столкновение с ним казалось теперь неизбежным. Шар рос в полосе света, как сказочное чудовище. Мабель застонала. Она едва держалась на ногах. Холодный ужас охватил ее мозг.

— Вот... вот!—задыхаясь, воскликнул Нагель.—Мы погибли...

Шарообразная лодка летела на них, как камень. Ярко освещенное круглое окно очутилось перед самым «Краконом». Как в рамке картины, показались в окне два лица с широко открытыми от ужаса глазами... потом все снова исчезло во мраке...

Несколько секунд в штурманском помещении царило молчание. Фрау Мабель дрожа прижалась к мужу. Ее нервы не выдерживали такого напряжения. Она напрасно старалась совладать с собой.

В бешеном беге водоворота промчалась лодка-шар метрах в 400 от «Кракона»...

— Вы узнали эти лица?—спросил Нагель. Он еще не был уверен, что зрение не обманывало его.

Верндт снова уменьшил силу моторов. С ускоряющейся быстротой при 50.000 л. с. помчался «Кракон» в пучину.

— Повелительница индусов,—был короткий ответ Верндта,—и Оссун, коршуна...

XXIII.

В страшном напряжении следили в кинематографах всего мира за путешествием Верндта на дно моря. Зрители не могли еще притти в себя от тяжелого впечатления, произведенного боем с полипом. Глухой ужас царил над толпой. Ждали новых опасностей, нового ужаса, того, последнего, которого не могли еще ясно представить себе...

И снова сердца сжались от панического страха. Зрители увидели волнение Нагеля, увидели, как исчез с картины Верндт, точно идя прямо на толпу в зале... Это был момент, когда машины стали слабее работать, и Верндт вернулся с этим известием. Все поняли, что что-то не в порядке, что грозит какая-то опасность. С трепетом ждали дальнейшего, от волнений доходил почти до обморочного состояния. Потом настал момент, когда машины остановились, сменились движущие силы. В кинематографах раздался общий крик ужаса. Видели напряжение на лицах Верндта и Нагеля, не зная причины. Видели бешеную пляску манометра, стремительный бег стрелки компаса.

Предположения, крики ужаса, вопросы слышались в рядах волнуемых зрителей. Искали тысячи причин, и каждая была ужаснее другой и только усилила беспокойство толпы.

Лодка погибла!—повторяли тысячи дрожащих уст. Все были уверены, что то, что происходило там, было последнее, конец! Могло быть только одно объяснение для всего, происходящего там, на экране. Страх Мабель, взволнованные лица мужчин, беснующиеся стрелки. Стрелка измерителя говорила больше, чем самый длинный доклад: лодка безвозвратно летела в бездну. Точно в подтверждение, померк экран... картина во всех кинематографах земли вдруг потускнела, затрепетала, на экране ничего нельзя было разобрать. Потом замаячили какие-то обрывки картин, опять все стало погружаться во мрак, и, 50 секунд спустя, все потухло...

Зрители точно окаменели... Так продолжалось долгие, жуткие минуты. С надеждой еще смотрели на экран. Не хотели верить, что все кончено. Это не может быть... не может быть...

До вечера сидели, не сходя с мест... Экран оставался тусклым, «Кракон» не оживал на нем... радиграф всех кинематографов уже не действовал...

— Мы достигли 7.000 метров,—сказал Верндт,—пожалуйста, сообщите это на станцию в Токио.

Несколько минут спустя, Нагель вернулся.

— Никто не отвечает. Кажется, связи с Токио уже нет.

Верндт вопросительно взглянул на него. Потом низко опустил голову, точно желая скрыть свои мысли.

— Конечно. Частички—вампиры поглощают и эти излучения. Телеграф не может действовать.

— Самое главное то, что все машины «Кракона» невредимы.

Верндт молчал. Он точно стальной рукой держал рычаг, все увеличивая силу машин. Лицо его было спокойно, только мускулы щек двигались, как в подавляемом волнении. Втягивающий водоворот заставлял его давать винтам все новые л. с. Это была борьба мотора с водоворотом. Кто останется победителем? Верндт уже давно понял, что этот круговорот

гораздо сильнее, чем он рассчитывал. Стрелка, показывавшая давление, поднималась все быстрее. Гораздо быстрее, чем он успевал тормозить опускание лодки на дно. Рука Вердта все чаще подвигала рычаг. Мотор развивал уже мощность в 80.000 л. с. Вся лодка гудела. Надо было кричать, разговаривая. Но, несмотря на это, бег вокруг центра все ускорялся. Теперь стрелке нужно было всего 17 минут. Вердт подвинул рычаг на наибольшую мощность. Машины дали 90.000 л. с... Трое людей впились глазами в измерители.

— Ура! — заревел Нагель. — «Кракон» справляется! Стрелка замедляет почти вдвое.

— А манометр стоит почти неподвижно, — облегченно воскликнула Мабель.

Но радость их продолжалась недолго. При 800 атмосферах стрелки стали быстро подниматься. Компас затрепетал так же быстро, как и раньше. 90.000 л. с. гремели в машинах и вылетали из вентиляторов... «Кракон» опускался с безумной быстротой...

Вердт встал со стула и коротким движением позвал Нагеля заменить его на штурманском месте. Сам же он молча прошел в заднюю часть лодки и спустился к грохочущим машинам.

С усмешкой безнадежности нагрузил он вентиляторы гораздо больше, чем при полной силе. Теперь оставалось еще только одно. Пусть даже лопнут при этом цилиндры... надо рисковать, иначе конец...

Он подождал, прислушиваясь, 10, 12 секунд. Его опыт казался удачным. Он торопливо пробежал в переднюю часть лодки и снова занял свое место в штурманском помещении.

— Как дела? — спросил Нагель.

— 100.000 л. с. — послышался ответ. Больше ни слова. Нагель понял. Машины отбивали бешеный такт. Стрелки остановились чуть ли не на целые минуты... потом вдруг одним скачком поднялись кверху и полезли уже без задержки, точно издеваясь и торжествуя победу... Стрелка обожала круг в 13, потом в 11, 10 минут... В 50 секунд манометр поднялся до 100... — 9000 метров, — медленно сказал Вердт. Его стальные глаза были спокойны. Он с грустью смотрел на своих молодых спутников. — Скоро мы... будем у цели!

Те не обрадовались этим словам. Они поняли... цель была концом. Со спокойным самообладанием обняла Мабель молчаливого супруга.

В то же мгновение стало темно. Прожекторы вдруг потускнели. Точно свет потушили снаружи. В комнате царило молчание. Потом прозвучал глухой, изменившийся голос Вердта.

— Вампир на дне моря поглотил лучи.

Он повернул внутренний рычаг. Лучи света проникли в помещение из стен. Молча, не спрашивая, подошел Нагель к рычагу и закрыл все аргауроновые задвижки окон. Ослепший «Кракон» летел в ужасную бездну. Теперь его оружием были только машины. Они могли ослабить удар, но избежать его было уже невозможно...

Нагель и Мабель стояли, тесно обнявшись. Железное спокойствие Вердта служило для них примером. На лицах их было выражение умиротворенности. Они знали, что умирают за человечество, и готовы были ирринести священную жертву...

— 9500 метров!

Они не знали, кто произнес эти слова. Может быть, они просто промелькнули в сознании. Стрелка стала частью их жизни. Они чувствовали ее подъем, как пульсирование крови.

— Повелительница индусов? — спросил Нагель. Он не произнес дальше, но все поняли его мысли.

— Она нас обогнала. Как и желала. Она раньше нас придет к цели... или к смерти!

— 9600!

Мабель протянула мужу трепещущие губы.

— Прощай, Вернер! Учитель, теперь скоро конец...

Верндт с чувством пожал ей руку. Его взгляд искал луча надежды в скачущей стрелке...

Вдруг он почувствовал точно удар кулака в спину. Ужасное сотрясение сбросило его с места. Он ударился об стену и до крови разбил лоб. Он ждал дальнейшего, задыхался, недоумевая... Уже конец? Удар о дно?.. Ничто больше не двигалось. Шум машин затих... все лампы потухли, кроме одной... Верндт встал, чувствуя себя разбитым. Он видел, как Нагель помогал Мабели пройти к двери. Задняя часть лодки поднялась кверху и по полу было трудно двигаться. Потом пол стал снова опускаться, точно лодку тянуло книзу. Лодку начало сильно качать из стороны в сторону... по комнате прокатились два стальных валика.

— Ранень? — коротко спросил Верндт. Он искал опоры у задней стены лодки.

— Нет, ничего особенного. Ссадины на руках... очень легко отделался...

Инженер пробрался обратно к своему месту. Он дал второе освещение, имевшееся у него в запасе. Адетиленовый свет загорелся с треском. Компас стоял на одном месте. Все три манометра также не двигались.

— Что же дальше?—спросила Мабель.— Мы уже на дне?

— Я думаю.

— «Кракон» засел крепко,—сказал Нагель.—Но, кажется, ничто не пострадало.

Верндт сделал знак, чтобы он замолчал и прислушивался к звукам снаружи.

— Мы движемся! Я слышу трение стен лодки... мы бешено мчимся кверху.

— Кверху?—с радостной надеждой воскликнула Мабель. Верндт все еще прислушивался, тяжело дыша.

— Но как это возможно?—удивленно спросил Нагель.

Верндт торопливо и отрывочно отвечал, точно прикованный чем-то к месту.

— Метеор на дне... не знаю причины... разгадка... в подъеме наверх... шарообразная лодка... столкновение... разгадка ускорена... столб воды ослабел... прежние известия... невероятная всасывающая сила... разложение воды... теперь все понятно... метеор над нами... он влечет нас кверху...

Мабель удивлялась его волнению.

— Так он увлечет нас на поверхность моря, назад к земле!

— Нет, выше земли. В мировые пространства... Силой давления газа. Быстрота выстрела... Я уже не слышу шума воды... стены лодки нагреваются...

Он бросился к окну и нажал рычаг клапанов, закрывавших окно. Они с треском опустились книзу.

В лодке раздался крик... Застывшей рукой Верндт указывал наверх. Сверху лился ослепительный свет... Перед глазом «Кракона» раскинулась бесконечная даль...

XXIV.

На земле ждали шесть месяцев. С трепетом и ужасом. Никто не хотел верить тому, что уже знал. Три ученика Верндта решили принести себя в жертву для его спасения. Они выстроили по замыслу, одобренному всем человечеством, золотую лодку по образцу лодки Верндта, и отважились на путешествие на дно моря. Но водоворота и водяного столба

над морем уже не было. Против всякого ожидания, лодка благополучно спустилась на дно. Целых два дня обыскивали прожекторы морское дно. От метеора не было и следа. Ни водоворота, ни излучений, ничего. Все попрежнему. Только на одной скале какие-то исковерканные металлические обломки... И Стивсен клялся, что это остатки труб лодки Вердта, сделанных из его алюминала. Тогда похоронили всякую надежду.

Только один человек не падал духом: это был Джон Сенбим.

— Вердт жив,—настойчиво повторял он.—Но задача Вердта была слишком величественна для земли. Он должен был проникнуть во вселенную, чтобы потом вернуться на землю...

И Сенбим без конца повторял людям свои убеждения. В речах и цифрах, не обращая внимания на всеобщее молчание. Для людского разума Вердт умер...

До пятнадцатого месяца не хватало трех дней, когда землю обожало радиоизвестие. Оношло из Нью-Йорка, с Мичиганской обсерватории.

«Malhela punkto trairis la sunon».

Человечество прочитало это сообщение в беспомощном ужасе. Точка перед солнцем? Какая насмешка! Опять точка! Еще новое падение метеора?—С трепетом ждали ужасов... Но точка больше не появлялась...

В конце июня седьмого года со времени подводного путешествия Вальтера Вердта, человечество снова было взволновано радиоизвестием. Большая радиостанция на Гималаях вызывалась несколько раз под ряд в течение трех ночей. В один и тот же час подавался все тот же знак... такой слабый, точно из далей вселенной...

— В... В... по коду радиостанций... В... В... ничего больше... слабо, слабо, но совершенно отчетливо... В... В... Было ли это совпадение?... В... В... Вальтер Вердт?

Мистер Сенбим клялся, что это так...

Рассказ В. В. РЮМИНА.

Иллюстрации А. УШИНА.

Пролог, могущий служить эпилогом.

— Папа, почему эти музейные люди все такие большие? Неужели и дедушкин папа был таким великаном?

— Да, деточка, конечно. Ведь, и сам дедушка тоже не маленького роста, он у нас выше всех в семье, я почти на две головы ниже его, его рост равен без малого метру.

— Вот-то великанские люди они были,—восхищалась маленькая Дженни, переходя от витрины к витрине в первом зале городского историко-этнографического музея.

— Вот, папа, смотри! Этот мог бы меня положить себе на ладонь. Ну до чего же громадный! Вот-то, верно, было интересно жить в то время, когда люди были такими большими.

— Что ты, что ты, Дженни! Это великое счастье, что мы не жили тогда. Подумай, сколько пищи им было нужно, какое количество материи шло на их платье, как тесно было этим громадным, неуклюжим, неповоротливым людям в их домах и на улицах. Нет, хорошо, что люди одумались и перестали быть такими большими.

— Как, папа, одумались? Разве это от них зависело вырастать такими дыдами? Я думала, они от природы были такие.

— Конечно, конечно, но так как этот излишний рост не приносил им ничего кроме горя, то нашелся среди

них один гениальный человек, сумевший исправить эту ошибку природы и давший возможность людям произвольно уменьшать свой рост. Ты обратила внимание, когда мы входили в музей, на большую статую в вестибюле. Человек в таком смешном длинном костюме и в шляпе в виде трубы?

— Ну, понятно же, папа, это памятник одному из древних людей.

— Да, доктору Пирсу, величайшему благодетелю человечества.

— Вот-то, верно, его любили и почитали, когда он был еще жив? Это давно было, папа?

— Это было ровно за 120 лет до твоего рождения. Но, должен сказать тебе правду, люди в те времена во многом отличались от нас, а не одним только ростом, так, они, например, зачастую давали своим великим современникам умирать с голоду, а нередко, случалось, сами волокли их на эшафот.

— Ну, папа, ты опять пошел говорить непонятные слова: «с голоду, на эшафот»—что это такое?

— Знаешь, Дженни, позволь мне не объяснять тебе этих слов. Пусть ваше поколение их совершенно забудет. Лучше, пойдем-ка в следующий зал, там собраны вещи наших длинных предков. Посмотришь, из каких громадных мисок они ели, из каких объемистых стаканов и чашек пили. Это прямо нечто невероятное!

И отец с дочерью перешли в другой зал.

I.

Кошмарное преступление.

Газеты сообщили своим читателям о преступлении, действительно небывалом в летописях криминальных происшествий всех времен и народов.

Уважаемый всеми профессор и старший хирург королевского госпиталя в Лондоне, Джим Пирс, был арестован по обвинению в занятиях вивисекцией, объектом которой являлись дети беднейших классов населения Лондона и его пригородов. Арестованный не отрицал инкриминируемого ему преступления, но отказывался признать его преступлением, так как вивисекция разрешена законом. Нет указания, что по закону ее объектами могут быть только животные. Пирс считал, что болевые ощущения, испытываемые при живосечении животными и людьми, совершенно идентичны и что он не видит смысла выделения в этом случае человека в особо привилегированное положение.

Пирса решили подвергнуть испытанию в отношении умственных способностей и в зависимости от результатов ему грозит или смертная казнь через повешение, или пожизненное заключение в доме для душевно-больных.

В ближайшие же дни это испытание, действительно, произвели, и оно не дало никаких указаний на ненормальность Пирса. На самые казуистические вопросы своих коллег-психиатров он давал вполне толковые ответы, не горячась, не раздражаясь, не говоря не только неленостей, но поражая экспертов силою своего далеко недюжинного ума.

И тем не менее комиссия долго колебалась признать его душевно-здоровым. Слишком непонятно было, как умственно нормальный человек мог совершить такое преступление.

В конце концов психиатры признали его здоровым и ответственным перед судом. В их глазах он, может быть, и заслуживал снисхождения, так как, видимо, был увлечен какой-то научной идеей и только ей принес в жертву 67 детских жизней, угасших под его любознательным ланцетом.

Ведь, все равно, эти дети самым фактом своего рождения в Уайтчепеле¹⁾ уже были осуждены на преждевременную смерть или на моральную гибель в будущем.

II.

Суд над доктором Пирсом.

Улики—67 детских скелетов, зарытых в саду докторского дома,—были легко обнаружены, преступник не запырлся в своем преступлении; свидетельницы,—некоторые из матерей замученных Пирсом младенцев,—явились добровольно, так что предварительное следствие не затянулось, и доктор Пирс предстал пред судом присяжных раньше, чем в обществе остыл интерес к его личности.

Понятно, что зал суда не мог вместить и сотой доли желавших попасть на разбор дела. Пришлось установить перед люпитром адвоката и перед скамьей подсудимых микрофонные приемники, уличных громкоговорителей. Это дало возможность как бы невидимо присутствовать в судебном зале сотням тысяч любопытных, толпившихся перед общественными аппаратами, или слушавших судебные дебаты, не выходя из дома, в свои телефоны.

Обвинительный акт не прибавил ничего существенного к тому, о чем публика уже знала из газет. Доктор Пирс в операционной комнате своего особняка истязал в течение почти десяти лет сотни крошек, производя над ними какие-то физиологические опыты. В результате его бесчеловечной жестокости 67 малюток скончались под хирургическим ножом или вскоре после операции и были тайно погребены в глухом углу сада. Неуставленное число детей, возвращенных после перенесенных пыток их матерям, обратилось в полных калек и умерло впоследствии от разных детских болезней, часть же выживших осталась карликами, не обнаруживая естественного в детстве быстрого увеличения роста.

Так, Джошуа Напкин, мальчик 8 лет, по измерении оказался равным

¹⁾ Квартал лондонской бедноты.

всего 35 сантиметрам, что немногим превышает тот рост, который он имел в момент появления на свет. Елисавета же Грей, девочка по десятому году, достигнув к восьми годам роста в 80 сантиметров, с тех пор перестала расти и, надо думать, так и останется карлицей.

На вопрос председателя суда, признает ли себя доктор Пирс виновным в означенных преступлениях, подсудимый повторил то же, что сказал в момент ареста, что совершенных деяний он не отрицает, но трактует их не как преступления, а как обычные для врача и физиолога опыты над живым материалом.

Когда же председатель выразил удивление, что Пирс пользовался для своих жестоких опытов детьми, а не животными, последний заявил, что обыкновенно он и производит свои исследования над животными, но в данном частном случае ему были необходимы или детеныши человекообразных обезьян, но достать он смог только детей, которые вдобавок и стоили значительно дешевле.

Он, Пирс, отнюдь не отрицает, что вивисекция является одним из самых ужасных путей достижения знания, но, к сожалению, иногда это единственный путь. Его лично, как человека по натуре не злого и сострадательного, и самого возмущает неумеренное прибегание к вивисекции и варварство, проявляемое при занятиях ею многими студентами и врачами. Сам он всюду, где это только возможно, при вивисекции применяет общий наркоз или частичную анестезию оперируемых им объектов. Так поступал он и со всеми оперированными им детьми. Смерть 67 из них Пирс объяснил своим неумением в первое время производить интересующую его операцию так, как ее нужно производить, и как он ее делает в настоящее время.

На вопрос, в чем состоит эта операция, подсудимый сказал, что она сводится к полному или частичному удалению одной внутренней железы (он назвал ее по латыни), целью же удаления таковой является приостановка роста оперируемого.

Когда же председатель спросил, для какой цели он стремился указанным оперативным путем получать карликов, профессор пояснил, что чистая наука в своих исследованиях не задается теми или иными целями практического характера. Производя свои опыты, он совершенно не задумывался над тем, к чему могут оказаться пригодными люди такого маленького роста, его просто интересовало разрешить задачу превращения нормального человека в пигмея. Эту задачу, как суд может убедиться, он разрешил блестяще, так как в числе свидетелей профессор с удовольствием видит двух оперированных им несколько лет тому назад малюток, рост которых приостановился. С годами, он надеется, будут обнаружены еще два-три десятка таких искусственных лиллипутов из числа тех детей, которых он оперировал сравнительно недавно. Именно эти последние операции, необычайно легкие для хирурга и безболезненные при соответственном местном наркозе для оперируемых, он считает гарантирующими уменьшение человеческого роста до 80—90 сант.

— Но зачем, зачем?—не выдержал председатель.

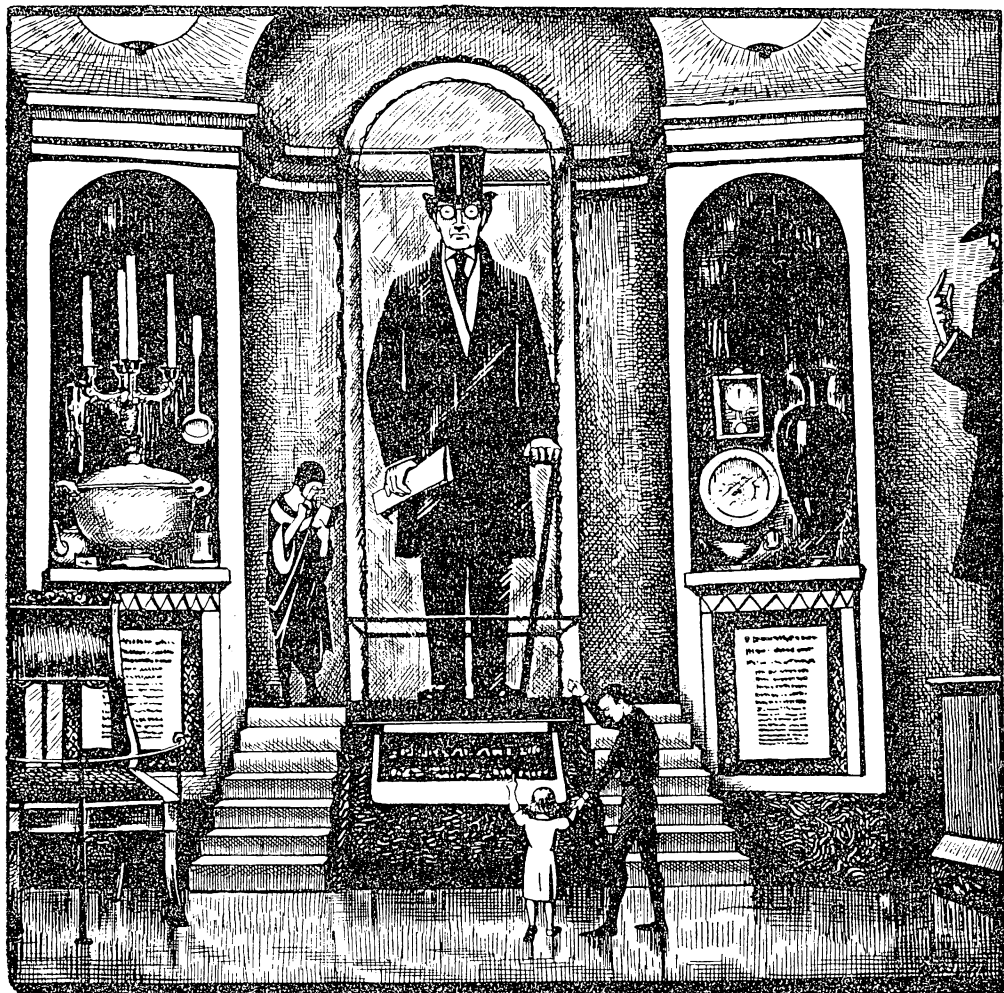
Пирс пожал плечами...

Показания врачей, привлеченных в качестве экспертов, сводились к следующему: Пирс действовал в полном уме и твердой памяти, операция, им открытая, может быть производима безопасно для жизни и здоровья детей; оперированные дети ничем, кроме роста, не отличаются от своих сверстников, они также пропорционально сложены, внутренние органы их функционируют нормально, умственное развитие соответствует возрасту.

Эксперты единогласно опровергли опасения обвинителя, сославшись на полное развитие умственных способностей у естественно рождающихся карликами. Так, например, знаменитый в свое время карлик Том Пус, рост которого был равен 72 сантиметрам, и русская карлица Башкирова 63-х сантиметров высотой, славились своим остроумием. Ум вообще зависит не от абсолютной величины мозга, а от относительной и от боль-

шего или меньшего количества мозговых извилин. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что собаки мелких пород зачастую оказываются более умными, чем крупных. Заканчивая свой отзыв, врачи под-

раций и построил прокурор свое обвинение. Он не отрицал существования взгляда, что жестокие подчас опыты над отдельными индивидуумами оправдываются пользой, выносимой из этих опытов всему человечеству, но он

В вестибюле музея стояла статуя д-ра Пирса в натуральную величину, поражавшая посетителей своими размерами.

черкнули, что никаких практических, а тем более корыстных целей Пирс своими операциями не преследовал. Это были чисто научные исследования тайн строения человеческого организма.

III.

Прения сторон.

На этой-то практической бесцельности производившихся Пирсом опе-

считал более верным противоположенное мнение, что никакое проблематическое благо в будущем не может оправдывать учинение зла в настоящем. В данном же случае не имеется почвы для оправдания подсудимого и в глазах защитников заради будущего блага. Ни эксперты, ни сам обвиняемый не могут указать, какой смысл имеет произво-

дима я Пирсом операция, стоившая жизни 67 будущих граждан Великобритании.

— Сегодня, — возвысил голос прокурор, — Пирс предаст мучительной смерти 67 невинных малюток, чтобы узнать, как уменьшить человеческий рост. Завтра—другой ученый отравит кого-либо из нас, чтобы узнать, как корчится человек в предсмертных конвульсиях и т. д. Нет! В лице Пирса мы должны указать господам ученым экспериментаторам, что как ни высоко мы ставим науку, но ее адептам мы не позволим удовлетворять свою лобознательность ценою жизни нашей и наших детей. Пирс должен быть беспощадно наказан за свое возмутительное преступление, и он будет наказан.

Защитник возражал прокурору, что в истории науки имеется не мало примеров, когда открытие, считавшееся современниками практически бесполезным, находило у потомков многочисленные утилитарные применения. Нельзя на основании предположений самого Пирса и ученых экспертов а priori отрицать возможность использования операции, придуманной его подзащитным, в практических целях.

— Что сделал мой подзащитный? — вопрошал адвокат. — Он принес в жертву науке 67 младенцев, для которых смерть в этом юном возрасте была лучшим исходом их несчастного существования. Разве это уж такое большое преступление в сравнении с тем, которое совершают все народы, посылая свою молодежь драться под теми или иными знаменами?

Председатель остановил в этом месте защитника и попросил его не касаться политики.

— Оставим в покое политику, — согласился оратор, — и перейдем к политической экономии. Кто же не знает, что 67 младенцев Пирса — это капля в море преждевременно прекращаемых насильственно детских жизней в нашем высоко цивилизованном обществе. Быть может присутствующие еще помнят драму в Орнесби у Ярмута? Это было в 1925 г. Отец и мать убивали рождавшихся у них детей и закапывали их трупы в под-

полье ¹⁾. Сколько таких никем не открытых убийств, и убийств еще не родившихся детей совершается в мире? Миллионы! Таковы социальные условия нашего времени.

Председатель вторично прервал адвоката и посоветовал ему в своей речи не касаться социальных условий.

Сказав еще несколько общих фраз, защитник закончил их следующей тирадой:

— Польза от изменения человеческого роста, от уменьшения его вдвое или даже вчетверо, нам не ясна, но в будущем она, может быть, послужит для решения тех вопросов, касаться которых я председателем лишен права. Кто знает, не осудят ли нас, судящих Пирса, политические и социальные реформаторы грядущих веков? Остережемся же лишать человечество, и так не богатое выдающимися работниками научной мысли, одного из славных, хотя и заблудших представителей адептов науки. Вспомним, что хирургический нож, убивший 67 младенцев, в тех же руках спас жизнь сотням взрослых. Обрекая на смерть профессора Пирса, вы подпишите смертный приговор и всем тем страдальцам, которых в будущем еще могла бы спасти его уверенная рука.

Свидетельница Сарра Напкин попросила слова и сказала:

— Насколько я простая, необразованная женщина, поняла в речах господ, дело идет о том, с пользой или без пользы производил свои операции над детьми доктор Пирс? Так вот я, Сарра Напкин, говорю, что — с пользой. Я за Пирса всю жизнь буду небо молить. Что такое мой Джошуа былбы без Пирса? А как все его товарищи, — хулиган уличный и карманный воришка. Наши Уайтчепельские мальчишки другой дороги не имеют. А Пирс открыл нам ее, эту дорогу. Вырезал мальченке какую-то дрянь из живота и перестал мальченка расти. Скажете, какая из того прибыль? А такая, что мне теперь антрепренер за него по 6 фунтов в месяц платит и будет по контракту платить, пока малец не пере-

1) Факт.

растет полутора футов. Ну, как тут говорить, что без пользы? Не учиться мальчику не надо, ни работать. Сиди себе в балагане, да давай на себя смотреть добрым людям. Только и всего! Нет, нам, беднякам, Пирс большую пользу принес, и я прошу господ судей не оставить этого без внимания.

IV.

Последнее слово подсудимого.

Когда Пирсу предоставили последнее слово, он встал и... улыбнулся. Так неожиданна была эта улыбка, что у всех присутствовавших, устремивших жадные взоры на лицо подсудимого, дрогнуло сердце: он сошел с ума, — мелькнула общая мысль.

— Господа судьи! Если в вопросе моего осуждения или оправдания играет роль практическое следствие моей теоретической работы, квалифицируемой вами, как преступление, то я сейчас, во время дебатов сторон и бесхитростной речи свидетельницы Напкин, нашел это следствие.

Насколько я медик, далекий от политико-экономических знаний, могу судить, чисто практическая польза открытой мною операции должна оказаться необычайно значительной. Мой уважаемый защитник, вероятно, совершенно прав, предполагая, что мое открытие будет утилизировано реформаторами человечества.

Ухудшение питания английского пролетариата и мелкой буржуазии в сравнении с тем, как они питались во времена Диккенса и Вальтер-Скотта, факт общеизвестный. На континенте Европы хроническое недоедание беднейшей части населения стало общественным бедствием. Мир становится человечеству тесен, увеличение численности населения опережает соответственное увеличение количества пищи.

Еще в 1925 г. Исследовательский Институт в Мельбурне указал, что к 2165 г. население земного шара достигнет колоссальной цифры в 14.800.000.000 человек. Земля же при самом интенсивном развитии сельского хозяйства сможет прокормить, и то впроголодь, максимум 13 миллиардов людей.

Правда, еще в 60-х годах прошлого века русский химик Бутлеров указал человечеству путь к искусственному синтезическому изготовлению пищевых веществ. Скончавшийся несколько лет тому назад германский ученый Эмиль Фишер далеко зашел на этом пути. Он теоретически, можно сказать, вполне доказал осуществимость питания искусственной пищей. Но, к сожалению, «далеко от чаши до губ», далеко от лабораторных методов синтеза питательных веществ до изготовления их фабричным путем. Сумеют или не сумеют техники поставить синтезирование пищи экономически выгодно, так, чтобы она обходилась не дороже естественных продуктов, этого мы не знаем. Достоверно нам известно одно, что перед человечеством остро стал вопрос недоедания, и острота его будет год от года расти.

Благотворное само по себе уменьшение смертности и увеличение средней продолжительности жизни только способствуют обострению вопроса. Также неблагоприятно отражаются на нем растущие успехи профилактики и терапии. Бичи человечества: туберкулез и эпидемические болезни, потеряли свою губительную силу.

Чтобы не умереть от голода, человечество либо должно отказаться от деторождения, от роста своей численности, либо от присущей от природы высоты роста его отдельных индивидуумов.

Возможность пойти по этой дороге и открылась перед людьми, благодаря придуманной мною операции. Сделайте ее законодательным путем обязательной для всех отныне рождающихся детей, как обязательна прививка оспы, и угроза перенаселения земного шара отодвигается на целые тысячелетия.

Убив неумышленно 67 детей, я даю возможность появиться на свет миллиардам.

Их смерть открыла людям дорогу к произвольному усовершенствованию своего организма. Согласитесь, что если человек может быть вполне сытым, съев вчетверо меньше, чем он съедает сейчас, это равносильно тому, как если бы наши запасы пищи возросли вчетверо. А для этого стоит

только вдвое уменьшить средний рост людей.

Это ли не величайшая практическая польза моих теоретических изысканий?

Я не говорю уже о том, что человек, уменьшив свой рост вдвое, а, следовательно, поверхность тела вчетверо и объем в восемь раз, получит целый ряд экономических и физиологических преимуществ.

Материй на одежду мужчинам и женщинам, оперированным в детстве по моему методу, всю жизнь будет гребоваться столько же, как современному ребенку. Это опять — таки равносильно тому, как если бы наши фабрики вчетверо увеличили свое производство, потребляя прежнее количество сырья, топлива и рабочих рук.

В домах людям будущего станет просторно жить и легко дышать, так как каждому из них понадобится меньшая площадь и кубатура воздуха.

В сравнении с нами эти люди-нигмеи, сверх того, будут силачами. Они вдвое быстрее будут ходить, бегать, плавать, подниматься по лестницам, они легко смогут нести на каждом плече по такому же, как и они, человеку. Попробуйте — ка это сделать вы!

Они лучше нас будут противостоять травматическим повреждениям, их кости, хрящи, сухожилия и кожа будут относительно вдвое прочнее наших.

А как они смогут прыгать!

Для нас пределом безопасной высоты прыжка является высота, равная нашему росту, — для них она вдвое превысит их рост.

Правда, относительная мускульная сила новых людей останется той же, но так как быстрота движений возрастет вдвое, то вдвое же возрастет и работоспособность.

Чем более я думаю над практическими последствиями, которые могут вытечь из моих

изысканий, тем более проникаюсь убеждением, что я, случайно, сделал одно из величайших открытий, когда либо выпадавших на долю ученого.

Его горизонты так широки, что я сам еще не в силах их охватить. Это за меня сделают впоследствии другие.

Знаю одно, что польза, которую я принес людям, с лихвой искупает мою вину перед ними, если только меня можно признать вообще виновным.

Я кончил и отдаюсь на ваш суд!

V.

Приговор.

Председатель в своем резюме, упоминая о последнем слове подсудимого, счел долгом указать присяжным, что та проблематическая польза, которую в далеком будущем, быть может, извлечет человечество из преступления, совершенного доктором Пирсом, не руководила преступником в то время, когда он творил свои злодеяния.

Если наследники какого-либо богатого старика окажутся в выгоде от того, что он будет убит ночным громом, то это обстоятельство, как известно, отнюдь не является смягчающим вину убийцы.

— Надеюсь, что присяжные сделают из этого надлежащий вывод.

И вывод был сделан.

После недолгого совещания присяжные вернулись в зал суда и старшина их прочел:

«На вопросы: виновен ли профессор Пирс в умышленном причинении тяжких увечий приблизительно двумстам детей, в возрасте не свыше одного года, последствием каковых увечий было 67 установленных смертных случаев и два установленных случая прекращения роста? И если виновен, то заслуживает ли снисхождения? — присяжные единогласно отвечают: «Да, виновен. Нет, не заслуживает».

Председатель покрыл голову черной шапочкой. Судьба Пирса была решена...

Рассказы ВИГГО Ф.-МЕЛЛЕРА.

С датского перевод А. ГАНЗЕН.

Иллюстрации для «Мира Приключений» В. ИЗЕНБЕРГА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы знакомим читателей с новым, очень выдвинувшимся за последнее время талантливым датским писателем Вигго ф.-Меллером. Насколько известно, только два рассказа его напечатаны в РСФСР: один «Кубучем», другой — «Ленинградом». Слава Меллера на родине началась после выхода его книги «Сошедшие с рельс».

Писатель необыкновенно тонко изображает почти неуловимые для обыкновенного глаза отклонения человеческой психики от нормального, фиксирует с точностью, поражающей даже специалистов, в ней и в ее проявлениях жизни нашего подсознательного «я», а удивительно глубоким психологическим анализом спорит с талантливейшими психологами-художниками.

Рассказы «Собака» и «Внотьмах» могут служить образцами творчества этого интересного автора.

„Есть многое на свете, друг Горацио“...

Вернувшись в тот вечер домой, я нашел у своих дверей собаку,—жалкого, бездомного, грязного пса.

Я был в гостях и вернулся в приподнятом настроении. Вечер прошел для меня очень удачно. Я имел успех: сумел, к вящему моему удовлетворению, повеселить своих друзей и позлить недругов. Я не только, как говорится, не ударил лицом в грязь, но прямо блеснул остроумием и сделался центром всеобщего внимания. Подстрекаемый своим успехом, почти опьяненный сознанием своей талантливости и неотразимости, я пускался в ожесточенные споры и защищал самые рискованные положения, при-

водя в восторг молодежь и вызывая яростные возражения старших собеседников, принужденных, однако, вскоре умолкнуть. Последнее слово осталось за мной, я вышел победителем, хотя в глубине души отлично сознавал, что стою на зыбкой почве и наговорил больше, чем мог бы по зрелом обсуждении доказать.

Но ничто не выдавало внутренней необоснованности моих речей; наоборот, радостное сознание собственного превосходства над другими придавало мне смелости, и слова мои дышали искренним пафосом, что невольно покоряло слушателей. В довершение триумфа я случайно услышал, как мой главный противник, пе-

ред умом и знаниями которого я сам преклонялся, и который безусловно во всех отношениях был выше меня, — назвал меня: «*homo novus*¹⁾», с которым скоро всем придется считаться». А прелестная молодая девушка, в которую я был влюблен, послала мне на глазах у всех, через всю залу, выразительную улыбку восхищения.

Затем начались танцы. Откровенно говоря, я не любитель танцев, нахожу это занятие глупым и бессмысленным, но, когда захочу, танцую хорошо и знаю это. В этот вечер я особенно живо сознавал это. Я вальсировал с прелестной моей избранницей, и в ушах моих звучали лестные похвалы вполголоса, посылаемые нам вслед. «Красивая пара! Взгляните, как они подходят друг к другу!»

Не правда ли, понятно, что после такого вечера я должен был находиться в состоянии блаженного опьянения?

Спешу добавить, чтобы предотвратить недоразумения, могущие возникнуть при описании мною следующего: я вовсе не был пьян в обычном смысле этого слова. Ничуть не бывало. Я по своему обыкновен-

Я мгновенно остановился и весь похолодел...

нию почти не был в тот вечер: две-три рюмки вина, не больше.

Двое друзей проводили меня до дому. Небольшая прогулка и теплый прозрачный воздух светлого весеннего вечера прекрасно подействовали на меня, охладили чисто физически мой пыл, так что я, еще не стряхнув с себя праздничного настроения, мог уже хладнокровно оценить свой успех со стороны, по достоинству, и, благодаря этому, вдвое насладиться им.

Напевая веселую мелодию, в пальто нараспашку, открывавшем фракную пару, стал я подниматься по лестнице. Еще слышно было, как приятели мои чиркали у подъезда спичками, закуривая папиросы; и я крикнул им прощальное приветствие.

Жил я в трехэтажном доме и занимал две совершенно отдельные комнаты на самом верху. Уже на площадке второго этажа я услышал собаку. В сущности, в ту минуту я не знал еще, что это именно собака; но у моих дверей на верхней площадке что-то завозилось и не то глухо взвизгнуло, не то всхлипнуло. Собака, должно быть, спала, и ее разбудили мои шаги. Я мгновенно остановился и весь похолодел.

До этого момента я никогда не сомневался в своей храбрости. Правда, мне еще ни разу не приходилось подвергать ее испытанию в таком смысле, но вообще никто никогда не мог упрекнуть меня в недостойном поведении или трусости; нервы мои были в порядке и с честью выдерживали те мелкие, неожиданные неприятности, каким все мы подчас подвергаемся.

А теперь я стоял, буквально оцепенев от страха.

Странный холодок обдал мой мозг, я готов был окликнуть своих приятелей у подъезда, но пока я колебался, время было упущено, я услышал их удаляющиеся шаги по тротуару. Я был один с чем-то неведомым на темной лестнице. Быть может, этот необъяснимый, смутный страх был просто реакцией после непривычной экзальтации? Наверху

¹⁾ Новый человек.

опять что-то завозилось, и я прошептал пересохшими губами: Кто там?

Ни звука в ответ.

Я напрасно прислушивался, мой страх возрастал с каждой секундой, а хриплый звук моего дрожащего голоса был мне самому донельзя противен. Неужели это был тот самый голос, который всего полчаса тому назад своею мужественной, уверенной звучностью восхищал и меня самого, и других, когда я так остроумно и элегантно играл словами? В голову мне назойливо стучала мысль: Хорошо, что тебя никто не видит; хорошо, что тебя никто не видит.

По какой-то странной ассоциации идей мне понемногу стало ясно, что наверху возится собака. Я догадался об этом, вспомнив, как однажды в детстве напугался собаки. У меня вообще хорошая память, но особенно хорошо я помню и никогда не забуду те немногие случаи, когда мне по своей собственной вине приходилось очутиться в смешном положении. Они неизгладимо ввелись в мою память, чрезвычайно чувствительную ко всему, что касалось моей собственной особы. И вот, стоя в темноте на этой проклятой лестнице, я вдруг вспомнил одну свою загородную прогулку с родными, когда был еще мальчюком.

Вдоль дороги тянулась насыпь, обсаженная по краям кустами, и с узкой тропинкой посреди. Я вскарабкался на эту насыпь и побежал по тропинке. Вдруг мне встретилась большая собака. Я остановился. Пес тоже остановился. С минуту мы простояли, глядя друг на друга. Я не смел шагнуть вперед и после некоторого размышления юркнул в кусты и спустился вниз под откос, стал на дороге и принялся оттуда созерцать пса, а тот меня. Он, видимо, испугался ничуть не меньше меня, и мои родители, сестры и братья, видевшие всю эту комедию, от души потешались над нами обоими. Я старался спасти положение, объяснив историю по-своему, но скоро убедился, что только подчеркиваю неловкость положения. В течение всей остальной прогулки я не сказал ни слова.

Вот этот-то смехотворный эпизод, который всякий ребенок давно позабыл бы, я не мог стереть из своей памяти и снова вспомнил его сейчас. И странно, я сразу почему-то проникся непоколебимой уверенностью, что возле моей двери копошится именно собака. Я был так твердо в этом уверен, что страх мой быстро улегся, и я мог подняться наверх.

На верхней площадке что-то взвизгнуло... Собаку разбудили мои шаги...

На последнем повороте лестницы я увидел собаку. Такое подтверждение моего предположения не вызвало у меня ни малейшего удивления, наоборот, я вдруг нашел вполне естественным, что этот чужой пес поджидал меня, лежа у моих дверей.

Это была тощая, грязная собака из породы длинношерстных лягавых. Она лежала вразтяжку, положив голову между лапами, и не шевелилась; пристальный взгляд ее золотисто-желтых глаз выражал одновременно покорность и что-то вызывающее.

Поднимаясь на последние ступеньки, я свистнул ей и ласково заговорил с нею, но она не тронулась с места. Чувство освобождения от только что пережитого страха настроило меня на легкомысленный лад, ко мне вернулось хорошее расположение духа, но не безпримеси странного предчувствия какой-то неизбежной катастрофы. Что-то должно было случиться, и, если бы я имел время хорошенько подумать, я бы догадался, что именно. Вернее: я уже знал, что будет, знал так же верно, как будто все это уже было со мною раньше. Да, разве этого не было? Разве это не повторение?

Я постоял с минуту, глядя на собаку, не сводившую с меня глаз, и во мне росла уверенность, что я уже

видел эти глаза раньше. Я совсем не легко поддаюсь внушению; напротив, один знаменитый гипнотизер потерпел со мной полную неудачу и забрал меня, как медузу; несмотря на это, взгляд собаки на несколько секунд—я не могу точно определить промежуток времени—прямо загипнотизировал меня.

Как сказано, я не знаю, как долго я стоял и смотрел в черные зрачки собаки, окруженные золотым райком. Знаю только, что ее взгляд ни на миг не отрывался от меня; знаю, что я медленно, шаг за шагом, погружался мыслью в бездонные глубины подсознательного, неведомого мира, погружался все глубже и глубже, пока вдруг болезненно не ощутил подхваченное памятью искомое воспоминание о паре точно таких же покорно вызывающих золотистых глаз, околдовавших мое телесное «я». Еще секунда, и я бы узнал их, открыл бы роковую истину, и я даже весь подался вперед, чтобы лучше впитать в себя яд познания, все сильнее и сильнее впиваясь взглядом в глаза собаки...

Вдруг что-то блеснуло передо мной, я отпрянул назад, а собака с испуганным хриплым лаем отскочила в сторону.

Я провел рукой по лбу. Что такое со мной?

Я дрожал всем телом, чувствуя слабость и головокружение. Что за комедию я разыгрываю тут, на темной лестнице, перед самим собою и чужим псом? Я, видно, слишком туго натянул свои нервы сегодня вечером. Надо поскорее лечь в постель.

А пес? Он стоял, поджав хвост, у дальней стенки. Почему он не убежал? Что ему от меня нужно? Или собака знала меня? Не берусь утверждать этого, но мне кажется, что я громко сформулировал этот вопрос словами, обращаясь прямо к животному:

— Ты знаешь меня, пес?

Я всегда любил животных. Прочь глупую экзальтацию! Раз собака пришла искать убежища у моих дверей, я не стану гнать ее. Она может лечь на коврик у дверей.

Я достал ключ и отпер дверь. Успокоительно свистнув собаке, я вошел в комнату, оставив дверь раскрытой. Я прошел прямо к столу в гостиной, где стояла керосиновая лампа, и чиркнул спичку, чтобы зажечь огонь.

Я стоял лицом к выходной двери и при слабом, колеблющемся свете спички увидел, что собака последовала за мной. Она стояла у самой двери.

Она не смотрела на меня. Она глядела в сторону, и я проследил направление ее взгляда.

И в ту же секунду я понял, что неминуемо должно было случиться и чего я не в силах был предотвратить. Вторично за этот вечер меня сковал неопределенный и необъяснимый страх.

Собака смотрела на раскрытую дверь на балкон. Это была в сущности крыша полукруглого фонаря нижней квартиры; на этом выступе едва могли поместиться трое людей, и он был обнесен низкой баллюстрадой, едва доходившей мне до колен.

Собака неотступно смотрела на дверь и понемногу в мозгу моем оформилась и окрепла мысль. Сейчас она выбежит туда и бросится вниз. Ну, конечно, это и было то неизбежное, чего я все время ждал. Но почему? Отчего?

Чтобы дать понятие о быстроте, с которой все произошло, нужно добавить, что я увидел в дверях собаку в тот самый момент, когда чиркнул спичку, чтобы зажечь лампу; спичка вспыхнула, и одновременно собака крадучись, но быстро двинулась к балкону; спичка горела ровным и ясным пламенем, когда пес на миг приостановился в дверях, и продолжала гореть, когда его тощее грязное тело исчезло в темноте. Спичка еще горела в моих дрожащих пальцах, когда я услышал царапанье когтей о цемент баллюстрады и когда, вслед затем, меня пронизал сдавленный вой и беспомощное царапанье когтей о штукатурку во время падения. Спичка горела еще целую вечность, пока через некоторый промежуток полной тишины не послышался глухой стук падения тела на мостовую, заставивший меня вздрогнуть и выронить спичку из рук.

Свершилось. Все было тихо во мне и вокруг меня. Я стоял в темноте, тяжело опираясь на стол.

Убила ли собака? Судя по воцарившейся тишине,—да. Иначе она бы завyla.

Почему она не воет? Нервы мои дрожали от напряжения. Я прислушивался. Не слышно ли воя? Нет, ни звука...

Ах, вот оно!... Снизу, из темноты, послышался протяжный, дрожащий, то повышающийся, то понижающийся жалобный стон. Он попеременно усиливался и ослабевал, дрожал и переливался, крепнул, и то дробился на ряд коротких, отрывистых взвизгов, то снова вытягивался бесконечно длинной стенищею проволокой.

Шаг за шагом, против воли, притягиваемый этим почти человеческим стоном, я вышел на балкон и глянул вниз.

Ах, это нелепое чувство стыда и виновности!

Несчастное животное приподнялось на передние лапы, задняя же половина тела неподвижно тонула в темной луже на мостовой. Опершись передними лапами о булыжники и закинув назад морду, пес изрыгал из своей широко разинутой пасти, прямо в лицо мне, ужасающие вопли боли и отчаяния.

Почему я не сбегал вниз помочь ему, или хотя бы разозжить ему голову камнем, которых валялось достаточно на месте стройки по другую сторону улицы? Что сковало меня и заставляло стоять недвижимо, в каком-то столбняке ужаса и отвращения? Какая подлость!

Или я боялся чего-нибудь? Раз за разом я повторял себе:

— Ты должен спуститься и помочь животному!—И каждый раз я с глубочайшим призрением к самому себе констатировал:—Ты не смеешь!—Страх обуял меня. Я был в смятении. Я боялся.

Да чего же, чорт побери?! .

Что такое случилось, что произошло со мной в этот вечер? Я никогда не знавал ни раньше, ни позже такого живейшего и вполне обоснованного довольства самим собой, какое наполнило меня всего полчаса тому назад.

В каком-то вдохновенном оцепенении я шел от успеха к успеху, я торжествовал, и мои противники слагали оружие. Весь свет лежал у моих ног, словно ожидая, чтоб я завоевал его. Всего лишь полчаса тому назад! А сейчас? Слово «презрение» не дает представления о том чувстве, которое я испытывал к самому себе. Меня тошнило от отвращения к собственной особе. Я казался себе жалким, подлым, уличенным, обманутым.

Но почему? Что такое я сделал? Что случилось со мной, почему я не помог несчастному животному?

О, это чувство виновности! В сущности столь нелепое. Я желал этому псу только добра, но вообще что мне было за дело до него? Что это за пес? Откуда он взялся? Ведь это же был настоящий пес? Я снова увидел прямо перед собой его желтые глаза, клянусь, я узнал их.

Трусость. Подлая, жалкая, нелепая трусость,— вот в чем дело! Уж не боялся ли я, что пес взбесится от страха и боли, искушает меня, если я вздумаю притти ему на помощь? Или я боялся показаться смешным в глазах случайных прохожих, которые вряд ли поверят басне о том, что собака побежала за мной наверх лишь для того, чтобы броситься с моего балкона. Ах! Чепуха!

Итак, трусость. Пожалуй, судьба нарочно сыграла с моей особой сегодня вечером эту штуку, чтобы раз навсегда, и притом как раз в ту минуту, когда я мнил себя на высоте, дать мне понять все мое ничтожество. Мне поднесли зеркало, чтобы я узрел все свое безобразие.

Но почему, чорт побери! Что мне за дело до этого пса? О-о-о, как он воет! Но почему же никто не приходит на этот вой? Ведь другие тоже должны слышать его! Вот собака легла, силы, видимо, изменяли ей. Но она продолжала выть. И глаза ее по-прежнему были направлены на меня.

Эти глаза словно хотели мне что-то поведать. Они и притягивали меня, и отталкивали. Какая-то роковая тайна была скрыта в их золотистой глубине; они словно подстерегали меня, словно ждали минуты, когда я разгадаю их

тайну, чтобы засверкать злорадством и мстительной радостью. Они все сильнее притягивали меня.

И я снова потерял власть над собой. Я снова уступил чужой воле, но на этот раз не духовно, а телесно. Глаза и жалобный вой тянули меня словно магнитом, и под конец я всем туловищем перевесился через балюстраду, я чувствовал, что теряю равновесие, что ноги мои уже отделяются от пола... Еще секунда, и я полечу вниз. Вдруг до слуха моего долетел посторонний звук, он словно разбудил меня, и я избежал гибели.

Весь дрожа, я пришел в себя. Спасительный звук оказался топотом тяжелых деревянных башмаков по мостовой—это шел по улице, с другой стороны, какой-то мастеровой. Я прислонился к стене, чтобы отдышаться, отер со лба холодный пот и закрыл на минуту глаза. Повидимому, кошмар кончился.

Когда я снова глянул вниз, прохожий как раз поровнялся с балконом.

Не раздумывая долго, я крикнул ему: послушайте... и чуть не прибавил: помогите собаке..., но голос изменил мне, и я молча уставился вниз. Собака исчезла.

Прохожий тем временем услышал меня, остановился и посмотрел вверх. Я думаю, он принял меня за пьяного или за сумасшедшего. Да и немудрено: я имел, должно быть, престранный вид, стоя среди ночи, во фраке, на маленьком балкончике, и окликаая совершенно чужого человека.

Но я решил добиться истины. Я постарался елико возможно короче и вразумительнее сообщить ему о падении собаки с балкона и попросил его посмотреть, не заползла ли она за кучи камней на стройке или в один из подъездов. Он нехотя исполнил мою просьбу и, не зная, очевидно, как ему понять все это, по-

шел дальше, бормоча себе что-то под нос.

— Нет тут никакой собаки, — слышал я под конец.

Никакой собаки не было.

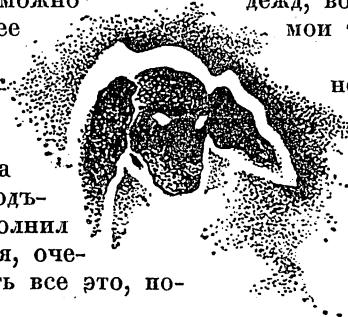
Неужели же я сошел с ума? Никому не желаю я пережить то, что я переживал в эти минуты. Никакой собаки, конечно, не было, прохожий был прав. За то мгновение, что я закрыл глаза, она никак не могла уползти далеко со своим перебитым задом. Значит...

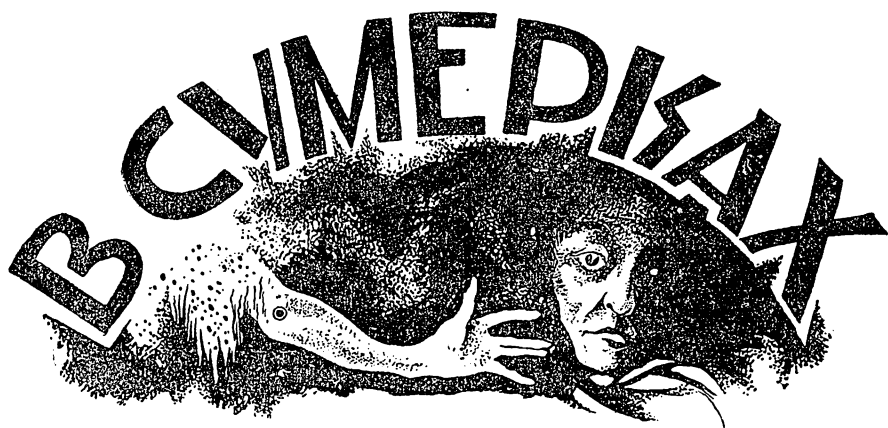
Я кинулся в комнату и упал на диван. Меня била лихорадка. Лишь долгое время спустя, я начал успокаиваться и погрузился в дремоту, — мои нервы успокоились, и я снова овладел собой. Галлюцинация была жуткая и нелепая, но все же не от чего было приходиться в отчаяние, надо было постараться заснуть. Завтрашний день рассеет недоумения.

Наконец я уснул и спал, как убитый, чуть не до полудня следующего дня. Проснувшись, я почувствовал себя бодрым и здоровым, как всегда, и не лежи я совсем одетый на диване на страшном сквозняке (обе двери — и входная и балконная стояли настежь), я принял бы все случившееся за страшный сон.

Никогда впоследствии не случалось со мной ничего подобного. Но странно, с тех пор мои успехи в этом мире всегда бывали половинными, а иногда и того меньше: не раз случалось мне упустить счастливый случай и в бессильном бешенстве клясть потом самого себя. Я не оправдал многих надежд, возлагавшихся на меня и на мои таланты.

В часы одиночества во мне нередко просыпается смутное, жуткое сознание, подсказывающее, что все это следствие перелома, совершившегося во мне в тот памятный вечер, о котором я только что, впервые, рассказал здесь.

Он выпрямился и прислушался... Секунда—и он, потушив стиснутый в руке электрический фонарик, прижался в угол, каменея от страха. Только что отпертая его отмычкой дверь слегка приотворилась сама собой, со слабым скрипом. Во рту пересыхало от ужаса, но он не смел шевельнуться, чтобы затворить или совсем открыть дверь. Не в состоянии был ни рассуждать, ни действовать разумно. Это было первое его покушение, и сразу же оно обернулось скверно.

Чьи-то шаги...

Кто-то двигался в складе, рядом с конторой. Верно, ночной сторож. Но, по его расчетам, сторож в это время должен был находиться совсем в другом месте. Чорт бы подрал! В первый же раз, как он отважился на попытку посерьезнее, вышла осечка. К страху и напряжению прибавилась жалость к себе самому: он весь сжался, сплюснулся, влип в свой угол.

И вдруг уронил отмычку.

Собственно, просто длинный, тонкий гвоздь, примитивно приспособленный к цели; но он наделал чертовского шума,брякнув на плиты. Сердце в груди ёкнуло, и он скверно выругался про себя. Теперь он пропал!

— Кой чорт?... — сказал кто-то, и тяжелые шаги стали приближаться к полуоткрывшейся двери.

Еще раз помянул чорта тот же удивленный, но бесстрастный голос, и дверь расстворилась настежь. Человек замигал от резкого электрического света, хлынувшего из коридора, где щелкнул выключателем ночной сто-

рож. Да, он очутился лицом к лицу со сторожем.

Разумеется, не стоило больше и размышлять, какая нелегкая принесла сюда этого старого моржа. Дьявольская незадача! В нем вдруг закипела бешеная ярость. И огромная, справедливая обида, смешанная со страхом, толкнула его действовать без рассуждения. Инстинктивно пустил он свой правый кулак колесом в воздухе — назад книзу и опять кверху — и всадил сразмаху в подбородок старика. Будь человек посильнее, — вышло бы великолепно; другого бы ничего и не понадобилось. Инстинкт подсказал верно, но на беду, рука-то была соломинкой, кулак — тряпкой, и вместо того, чтобы рухнуть на пол замертво, старик только привалился к одной из конторок и, выплюнув, вместе с кровью и проклятьями, сломанный передний зуб, принялся вопить и ругаться чисто по-стариковски.

Крик резал уши, и человек кинулся мимо старика, тот уцепился за него и поволокся сзади с полным желанием, но бессильный остановить. Еле-еле удалось вырваться из рук этого скота, заставив его завывать еще тоном выше. Вперед, через контору и склад, через какую-то дверь в другую, вдоль стены, через забор... на улицу.

Он упал на четвереньки и пребольно ушибся. В тот же момент в заборе, чуть подальше, распахнулась калитка, и с криком выскочил старик. Ему откликнулись другие голоса, на углу зашевелился полицейский, потревоженный в своем монументальном величии. Человек мгновенно вскочил на

ноги и, не обращая внимания на ушибы, пустился бегом—неумело, неловко, в треплющихся на длинных, худых ногах холщевых штанах и в одних серых носках, но бегом, во всю мочь, по темной ночной улице, в противоположную сторону.

За ним пронзительно свистал полицейский свисток...

Удирай, стало быть, во все лопатки... Ай-ай, бедные мои ноги!..

Чорту бы в подарок такие жидкие ходили! Ни на грош в них ни силы, ни упругости. Он то спотыкался, то стучался коленками друг о дружку так, что в костях гудело. В брюхе пустота, в легких гниль — чего же и ждать другого? Он ковылял, как гусар, часов десять проскакавший в седле.

Но все-таки он бежал. То, что творилось позади, пришпоривало его. Просто безобразие, как они все озлились на него. Он весь дрожал от их яростных криков: «держите вора», и громкого топота ног по мостовой. Весь этот шум покрывался свистком полицейского и хриплым собачьим воем сторожа. Вот чортов старик! Не отстает!.. Настоящая гончая! А за каким дьяволом они все припустились за ним, когда он ничего не украл? Напротив, сам лишился своих инструментов и крепких еще башмаков. Господи, ведь это он в первый раз попытался... Чего же они не отстают? Ведь он ничего не украл!

Скорей за угол и к следующему! Никогда еще между боковыми улицами не было таких больших промежутков. Как больно подошвам от каменной мостовой; они жгли сквозь серые носки, и под конец он бежал словно босой, с содранной с ног кожей. На бегу он плакал, ветер подхватывал капли слез, по временами они застилали ему глаза, и приходилось обтирать их рукавами куртки. Он мчался, не думая ни о чем, держа в уме одно — заворачивать как можно быстрее и чаще за все углы. Самому ему казалось, что он летит с невероятной быстротой, но толку от этого выходило мало, — преследователи не отставали.

Он уже не соображал больше, где находится. Только бежал, бежал.

Время от времени на его пути вырастали люди, но шарахались в стороны—с виду он был способен на что угодно. Некоторые зато присоединялись к своре,—сзади было безопасно.

Он бежал уже по грунтовой дороге, вдоль какого-то сарая или забора, или чего-то в этом роде. Преследователи были еще на предыдущей улице. Вдруг, по правую свою руку, он увидел дверь и совсем инстинктивно нажал на бегу ручку. Дверь сразу открылась. Он круто свернул и, пулей влетев в совершенно темное помещение, захлопнул за собою дверь.

Спасен!

Ему нестерпимо хотелось повалиться на пол и завить, но чувство самосохранения удержало его. Он остался на ногах и в потемках молча слизывал с губ соленые слезы...

Вот вся свора промчалась мимо. Никто не уделил внимания запертой двери, и на секунду его охватила запоздалая жалость к себе самому: как это он, чорт побери, не догадался раньше шмыгнуть в какой-нибудь укромный угол?! Затем мысль погасла. Он стал прислушиваться: гончие остановились где-то недалеко,—верно на перекрестке. Орут, воют! Ага, потеряли таки след!... Шум и крики, наконец, затихли. Видимо, свора разделилась, и гончие продолжали погоню по разным направлениям.

Человек стоял, не переставая плакать. Но которая из слез, оставивших грязные подтеки на впалых, иссерабленных щеках, была последнею слезою горя и первую облегчения—неизвестно.

Снаружи было совсем тихо, и он медленно, осторожно стал пятиться к двери, нащупал ручку и нажал.

Дверь не открылась.

Он нажал сильнее.

Дверь не поддавалась. Если она не была заперта раньше, так заперлась теперь. Он сам постарался об этом. Сам запер себя в западне.

Его взяло такое зло на судьбу, что он послал к чорту всякую осторожность и принялся изо всех сил дергать и трясти ручку. Напрасно. Дверь была дощатая, но достаточно крепкая, и внутренний замок оказывался теперь

в полной исправности: Выбраться было невозможно.

Ощущение жестокой обиды и негодования на преследующие его злые силы поднялось в нем до парадоксальной высоты. Из одной идиотской беды в другую?! Что же теперь? Как ему, черти... — он мрачно, от всей души чертыхнулся—как ему быть, что придумать?... Что это за темная яма, куда он ввалился?.. Мало-по-малу, опомнившись от первого приступа озлобления, он попытался ориентироваться немножко, но это оказывалось не легко в такой тьме крошечной. Похоже было, что помещение очень невелико. Ногами в носках он принялся нащупывать впереди себя и по сторонам. Пол был дощатый, невыструганный. Щепка воткнулась между пальцев, заставив его жалобно охнуть. Но он тотчас же спохватился и стал прислушиваться. Ни звука, ни шороха. Во всяком случае, ничто не говорило о непосредственной опасности быть услышанным.

А чем это, однако, пахнет тут? Он вдруг почувствовал, что здесь чем-то пахнет и прескверно пахнет. — Но сколько ни гнул носом воздух, в чем дело разобрать не мог. Запах был совершенно незнакомый. Не будь это прямым вздором, он бы сказал, что так должно пахнуть чистое призрачное ничто. Из этого воздуха как будто выкачали все живые соки и силы, и, попадая в горло, он вызывал тошноту.

Человек стоял, принюхивался и представлял себе самые неаппетитные, отвратительные вещи. Он почти желал, чтобы ему шибануло в нос любую, но определенную воню. Всякая знакомая вонь предпочтительнее этого непостижимого, сильно пресного, приторно-душного, бесвкусного попахивания. Под конец он стал ощущать его на языке, а когда потерял концы пальцев друг о друга, то они показались сальными, липкими. От гадливости он весь съезжился и вспотел. Но чем больше потел, тем больше садилось у него в ноздрях и на языке. Перед глазами поплыли в темноте желтые круги... Ему серьезно захотелось, чтобы его поскорее вырвало.

Но в мозгу смутно мерцало, что необходимо превозмочь себя. С вели-

Вместо того, чтобы рухнуть замертво, старик только привалился к конторке...

чайшим усилием принудил он себя встряхнуться и действовать и, так как все равно с чего было начать, решил прокрадываться вдоль стен, нащупывая, нетли где еще двери, благожелательно не запертой. Тогда можно испытать, куда она ведет.

Он взял направо, нащупывая путь ногами и руками. Вдоль стены как будто шли странно-широкие полки и на них лежало что-то. Он вытянул руку, чтобы ощупать, со сверхъестественной силой отдернул ее назад и с секунду стоял совершенно одуревший, чуть шевеля в воздухе ослабевшей кистью руки, как бы пытаясь оттолкнуть что-то противное. В мозгу кипели изумление и страх.

Он дотронулся растопыренною пятернею до человеческого лица. На полке лежал человек. Неживой человек.

Нервы руки еще дрожали от шока, вызванного прикосновением к застывшему лицу. Он не был холоден на ощупь, этот неподвижный человек на полке; может быть, он и не мертв. Но что же такое с ним? Лицо — застывшее и жирно-липкое.

Человек стоял, тщетно стараясь успокоить себя тем, что тот, на полке— мертв там он или нет,—во всяком случае, безвреден. Ему въехали пальцем чуть не в самое глазное яблоко, а он даже не шевельнулся. Приятно спокойный товарищ, если не выходит из себя, даже когда чужая лапа лезет ему прямо в физиономию. С этой стороны, значит, нечего опасаться.

Но обмануть себя самого ему все-таки не удалось, — слишком много оставалось открытых роковых вопросов, ужас леденил кровь и кидал его в дрожь. Зачем лежит тут на полке это неподвижное страшилище? Труп это или... с ним что-нибудь сделали? Отчего лицо у него салится?.. И нет ли тут еще таких?..

И человек так настроил себя, что весь вздрагивал при каждом своем же собственном, невольном движении. Ни за что, даже под угрозой смерти, не сделает он ни шагу дальше в том направлении! Он ощупью попятился назад к двери и тихонько двинулся в другую сторону, стараясь подбодрить себя дешевыми насмешками над самим собою. Ведь и в этой стороне его могло подстергать что угодно. Тем не менее он подвигался вперед.

Сначала все обходилось благополучно. Во всяком случае, тут не было никаких полок, лишь длинный ряд крючков, на которых развешаны были одеяния—мужские и женские, в пере-

мешку, насколько он мог судить ощупью. Раз он обжег себе пальцы о что-то холодное и мгновенно весь скрючился от

Он взвизгнул... Колени стали, как студень. Зубы ляскали от страха. Чья-то рука смазала его по щеке.

нервного шока; но это оказалась сабля, висевшая среди одеяний, или большой, тяжелый и неуклюжий старинный меч. Попадались на крючках и какие-то шляпы с большими полями и с перьями, и ботфорты с отворотами. Что это еще за маскарадный гардероб?!

Он добрался до угла и повернул вдоль другой стены.

Шел и шарил, отыскивая дверь. Но двери не оказывалось. Стена же была совсем голая, гладкая. Шансов на то, что ему удастся благополучно выбраться из этой западни, становилось все меньше.

Вдруг он взвизгнул и шарахнулся в сторону. Колени стали как студень, и он невольно растопырил руки, нища за что бы ухватиться, поймал край низкого стола или чего-то в этом роде и застыл, прислонившись к нему спиной, таращась во мрак. Зубы ляскали от страха, и он не смел перевести дух.

Его что-то ударило по щеке.

То есть не то, что ударило; скорее же мягко, нежно, почти ласково погладило; чья-то рука. И хотя прикосновение ее было мимолетно, щека его все еще была в холодном поту, так противно-нежива была эта рука. И салилась.

Всюду наткнулся он на жирную липкость в этой яме. И всюду тот же наводящий жуть запах.

Таращась в темноту неподвижными глазами, он вдруг различил прямо перед собою руку. Ту кисть руки, которая смазала его по щеке. Она болталась в воздухе на уровне его глаз, на расстоянии какого-нибудь фута. Но в помещении было так темно, что он лишь постепенно разглядел ее очертания. Она беспомощно свисала всеми своими пятью пальцами и слегка раскачивалась еще после ласкового шлепка по его щеке. Почти выкатив глаза из орбит, он различил, что кисть переходит в запястье и в руку—голую, круглую руку, линии которой он мог проследить до сгиба локтя; дальнейшее пропадало во мраке.

Боже мой, что же это такое?!

И тут, стало быть, лежит кто-то, лежит на полке, свесив руку вниз?.. О, господи боже, господи боженька...

Он был так перепуган, что отрекся от сатаны со всеми присными, к которым вообще привык прибегать, и начал взывать к божеству... В самом деле, положение становилось безвыходным, он чувствовал себя таким жалким, ничтожным. Эта сальная рука, болтавшаяся перед ним, выбила из-под него последние подпорки; он был готов скапуться, рухнуть наземь.

Медленно, медленно начал он боком продвигаться вдоль стола, или подставки, к которой прислонился было. Но не отрывал глаз от того места, где болталась рука... И вдруг его осенила догадка. Да, да, без сомнения, он отгадал в чем дело. Запах, фигуры на полках, одеяния на стене, но главное, главное—запах, это противное неопределенное попахивание—все вместе не оставляло сомнений: он попал в покойницкую.

Эта догадка сильно ободрила его.

У него прямо гора с плеч свалилась. Кто умер—тот умер, не правда ли? Имея дело с мертвецами, знаешь, чего ждать. Они не кусаются.

И ему опять удалось утвердиться на ногах, раз он как будто уяснил себе положение. Да и запах уж не так мешал ему, когда он понял—откуда и чем пахнет.

Он не стал глубже вдумываться в обстоятельства. Иначе многое сказало бы ему, что его догадка вздор, что это помещение не может быть покойницкой. Но он не вдумывался по причинам весьма основательным,—слишком он был разбит, чтобы гондаться на что-нибудь, кроме депляния за самые примитивные догадки.

Тут произошло начало конца.

Что-то в столе или в той подставке, вдоль которой он двигался, держась за нее, вдруг поддалось под его рукою, словно нажатая пружина, но он не обратил на это внимания и уже продвинулся на несколько шагов дальше, как тихий звук за его спиной заставил его ноги вросли в пол.

Звук слабый вначале, все усиливался. Похоже было, что кто-то завел часы. Слышалось хрипкое тиканье, сердитое урчание, становившееся все громче и громче, как будто часы собирались с силами пробить, но затем маятник

Смутные воспоминания о разных попытках пробегали по развалинам его мозговых клеток...

сбился с такта, что-то в механизме захромало, заскрежетало, зашипело... крикнуло и бессмысленно закрутилось, зажужжало, как если бы в часах лопнула пружина. Одновременно где-то рядом бухнуло что-то тяжелое—словно упало, ударившись о твердое.

Секунды на три все стихло, и— снова началось сначала: хрипкое, сердитое тиканье, урчание, все громче и сильнее... роковое крикание, жужжание... бух!... конец!

Так повторилось три раза подряд и началось в четвертый прежде, нежели человек пришел в себя. Его гипотеза о покойницкой была разрушена, ибо тут несомненно действовал какой-то механизм, вдобавок испорченный. Но не все же здесь было механическое... и когда эта мысль пришла ему в голову, сердце перескочило ему в глотку и так заколотилось, что у него в ушах зашумело. Он стоял, трясаясь всем телом, и всеми десятью пальцами отмахивался от звука, который различал сквозь хрип механизма.

Это была то повышавшаяся, то понижавшаяся гамма мучительных стонов и вздохов, и какой-то шорох, как будто кто-то пытался встать, но постоянно падал опять, когда часы останавливались. Человек, стало быть, был здесь не один; рядом с ним впотьмах был еще кто-то и мучился... А часы...

Смутные, отрывочные воспоминания о разных попытках и прочих ужасах, о которых он учил в школе, пробегали по развалинам его мозговых клеток, и он уже разинул рот, чтобы отчаянно, во все горло, заорать, как

вдруг сделал открытие, заставившее его разом сомкнуть челюсти.

Он нацупал вниз, за подкладкой куртки, свой электрический фонарик, который считал было потерянным вместе со всем остальным своим богатством; фонарик провалился в дыру в кармане.

Возможность увидеть проблеск света в этой ужасающей тьме еще раз немножко подкрахмалила его. С трудом выудил он фонарик и нажал кнопку. Белый конусообразный сноп ослепительных лучей прорезал мрак...

И он взвыл. Последние остатки рассудка растворились в хаосе страха, ужаса, изумления, непонимания. Он выл, на подобие паровой сирены, иногда давился своим воем и выпускал жалостное мяуканье, пока внутренности его не приходили опять в порядок. Тогда он снова завывал.

Сноп света вызвал из мрака ужасающее видение: крупное лицо, белое, как мел, с резкими грубыми чертами и с всклокоченною седою бородою, скрежетавшее зубами и стонавшее не по-человечески; грузное тело в грязной, растянутой рубахе, обнажавшей безобразно волосатую грудь; жилистые ноги в рваных брюках. Распростертое на визеньком деревянном ложе, тело как будто пыталось подняться на локтях, прислушиваясь к неумолчному, хромающему тиканью часов. Отвратительное лицо передергивалось от боли, белки глаз закатывались, в глотке хрипело... и туловище тяжело, медленно приподнималось..... Вот оно почти в сидячем положении...

Электрический фонарик выпал из руки жалобно воющей оболочки человеческой, пригвожденной к месту и не спускавшей помертвевших, вытаращенных глаз с ужасного видения.

Фонарик, упав, загас, и в тот же момент помещение наполнилось шумом бешено закружившихся колес часового механизма, а с ложа послышался тяжелый вздох и глухой стук падения.

Человек повалился на что-то — ему было все

равно на что — и вопил, вопил неистово.

Кто-то откуда-то пробежал, где-то громко застучали в дверь. Раздались голоса... Вскоре в самом дальнем углу комнаты показался свет, пробивавшийся снаружи сквозь щели в двери и обрисовавший ее контуры. Голоса приблизились. Кто-то что-то громко доказывал, кто-то бормотал протестующе, а пронзительный бабий голос просто тараторил. Вот они у самой двери.

— Теперь, может, сами послушаете, а? — проговорил громкий голос с полицейской самоуверенностью. Шум именно отсюда.

— Aber was ist das ? ¹⁾ — взвизгнул женский голос. — Ведь в этот сарайчик только один... wie heist es?... ²⁾ один хлам!...

Дверь распахнулась. На пороге стояли: полицейский, высоко подымая свой фонарь, старый бородастый еврей в одной сорочке под халатом, и нестарая, толстая женщина в фантастическом неглижэ. Она завизжала, издав по-идиотски воющего субъекта, метнувшегося было к ним, но упавшего опять и бессмысленно обводившего глазами помещение, теперь освещенное, пока они не наткнулись на стоящую в углу вывеску. Огромные ярко-красные буквы на зеленом поле гласили:

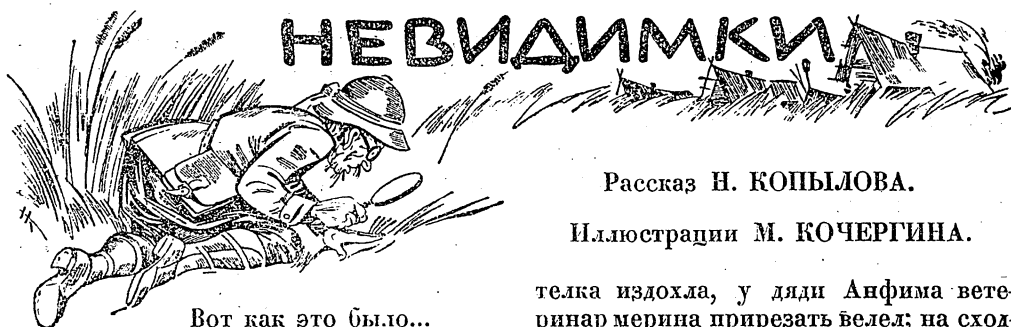
МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР И АНАТОМИЧЕСКИХ ПРЕПА- РАТОВ ШВАРЦКОПФА.

Он перестал вопить, не отрывая глаз от вывески и, наконец, начал соображать.

Взгляд его скользил по этому воющему складу нуждавшихся в починке восковых фигур и прочего хлама. На полках, на столах и на полу лежали тела, туловища, головы; вдоль одной из стен висел на проволоке целый ряд рук; в углу стояло несколько ног, а на черном ложе продолжала хрипеть и стонать, тщетно пытаясь приподняться, «Жертва Ивана Грозного» с испорченным механизмом.

¹⁾ Но что же это такое? ²⁾ Как это называется?

Вот как это было...

Стояло раннее весеннее утро. Из риги вышел работник, потянулся и так сладко зевнул, что у «старшины» Ивана Андреича сразу же явилось непреодолимое желание последовать его примеру. Запустив руку за пазуху, он поскреб там и только что раскрыл рот для зевка, как во двор вошел пастух Сережка, держа в руках полученный им на день ломоть хлеба. Ни на кого в частности не глядя, Сережка равнодушно протянул:

— А начесь в болото змей упал. За Яфанами озимями... и для вящей убедительности добавил:— вот!

— Какой змей, чего плетешь?— резко оборвал Сережку старик Илюшка, ночной сторож, а Иван Андреич, перестав созерцать скворешницу и выпростав руку из-за пазухи, воззрился на левый, закрытый бельмом, глаз Сережки.

— А змей!— не глядя ни на кого, ответил Сережка.— Все робята видели... кра-асный с хваа-стом! Прямо в азимя дяди Яфана упал... Ванька Яфанин напужался, с ночного убега... Пра!..

На крыльцо вышел квартирант Ивана Андреича, приезжий из Москвы лектор по естествознанию, Егор Иванович Муромцев и, закинув за плечи затейно расшитое полотенце, собрался умываться пред чугунным пузатым умывальником, висевшим у крыльца; Муромцев через очки вскинул глаза на пастуха, испуганный Сережка, косо глядя на важного «товарища», сразу же перевел разговор на деловую почву:

— Тялушку, дядя Илья, встрявай затыном... недоходя...— И надев шапку, пастух пошел со двора.

По селу заходил глухой слух о падучем змее, но заходил лениво, ибо более важные интересы занимали умы местных граждан: у дяди Кондрата

Рассказ Н. КОПЫЛОВА.

Иллюстрации М. КОЧЕРГИНА.

телка издохла, у дяди Анфима ветеринар мерина прирезать велел; на сходке толковали «о земельной банке», о ссудах и кооперации.

Интересы дня не выделялись из обычного, и слух о змее вызвал лишь несколько мимолетных насмешек по адресу баб и ребят.

Дни стояли все это время чудесные, теплые; вечер был на редкость тихий, полный пьяного дыхания спеющих хлебов, весь в золотистой дымке заходящего солнца, замирающий в теплоте слабых, почти бледных тонов бедных окрестностей. Лишь спеющая рожь желтела на солнце, как расплавленное золото.

— Вот благодать-то стоит,— сказал Иван Андреич, когда после купания трое: он, приезжий лектор и учитель, уселись в этот вечер у изгороди старого сельского кладбища над рекой.

— Самое теперь время сенокоса... Сена стоят! Во!—по пояс... В совете косить начали,—сообщил тощий, с длинными усами, сельский учитель Гаврила Петрович. Лектор лежал, облокотившись на могилу, и молча жевал папиросу. Двое других растянулись на мягкой траве и жмурились от лучей заходящего солнца.

Вдруг учитель вскочил и ударил себя по шее.

— Ишь, проклятые!—выругался он.

— Много у вас их тут!—заметил лектор.

— Чисто комариная республика,— подтвердил Иван Андреич, а учитель, взяв в зубы травинку, вновь развалился, но вдруг опять вскочил, на этот раз поймал злосчастного комара и, глядя себе на пальцы, сказал:

— Ишь, твердый какой. Глядите, товарищи, чудной комар!

— Это не комар, а жучок,—возразил Иван Андреич и, за неимением

иною интереса, все трое уставились на ладонь Гаврилы Петровича.

Егор Иванович, любитель энтомологии, вытащил из кармана очки, оседлав ими нос и, взяв двумя пальцами комара, начал его внимательно рассматривать.

— Занятный экземпляр, надо сказать,— произнес он после минутного осмотра и навел на пойманного комара вынутую из кармана лупу.

Было тихо. Где-то в кустах чиркали и дрались воробьи, стрекотали кузнечики, голубые и черные стрекозы порхали от цветка к цветку; снизу, из-за церкви, время от времени доносилось надорвавшее «Но!» пашущего пар мужика.

— Удивительно, — бормотал лектор, — крыльев нет... Личинка или...

Учитель и председатель с почтением глядели на его левую руку, державшую лупу, и молчали.

Вдруг лектор густо покраснел, пширса беспомощно вывалилась у него изо рта, и весь он, всей своей фигурой, изобразил картину глубочайшего изумления и недоумения. Сжав кулак, он медленно повернул к спутникам красное, как свекла, лицо и с бессмысленно немим вопросом перевел на них глаза.

— Что с тобой, Ягор Иванович?... А? — спросил Иван Андреич, но лектор опять вонзился одним глазом в лупу, затем вдруг вскочил на ноги и, произнеся только одно слово: «микроскоп», помчался галопом с кладбища. Учитель и председатель глупо посматрели друг на друга.

— С ума сошел!... — с испугом решил Иван Андреич; Гаврила Петрович видимо подумал то же самое, так как добавил:

— Вот беда-то!..

И оба пустились вслед за лектором.

По дороге от кладбища до села в этот вечер разыгралась сцена, весьма соблазнительная для встречных мужиков и

баб. Гнавший из овсов телку мужик, поддерживавший штаны, и с ним двое белоголовых мальчишек, старуха-богомолка с посохом и сумой и в пыльных лаптях — с безмолвным изумлением, разинув рты, смотрели, как, размахивая длинными руками, бежал в видимом волнении «товарищ», за ним с выражением недоумения спешили известный всем им Глумиловский председатель и длинноногий учитель; как они догнали «товарища» и оживленной жестикуляцией привели в удивление мужика, в восторг босоногих мальчишек и в негодование богомолку, принявшую их за пьяных. Последняя в сердцах плюнула и зашагала дальше по пыльной дороге; мальчишки же и мужик долго глядели вслед удалявшейся тройце.

— Егор... Ах... Иванович! — переводя дух, крикнул Иван Андреич, — с чего это ты?... Чего тебя розорвало?!

Ответ приезжего был настолько странным, что его спутники только захлопали глазами.

— Чепуха! — отвечал лектор. — Чепуха! Ничего не пойму! Но, если я с ума не сошел... Это корабль, понимаете, живой корабль!..

— Эх-ма! Рехнулся! — прошептал Иван Андреич и решил: «Это с жары»... Учитель вздохнул, и оба уже шагом поплелись за лектором.

— А ведь хороший был человек!.. — проговорил учитель, — а поди ж ты!..

Иван же Андреич мог только пробормотать: — Неожиданность!..

Придя домой, он застал приезжего вытаскивающим из-под кровати дорожный чемодан. Пред заинтересованными хозяином и учителем на столе появился небольшой, но, видимо, дорогой микроскоп. Председатель притворил дверь, махнул рукой своей любопытной «бабе» и, сложив руки за спиной, с сознанием собственного достоинства, начал созерцать невиданный инструмент.

Неведомое насекомое было заключено между стекол... Прошло несколько мгновений, в течение которых беспечный мир не подозревал, что на земле готово свершиться нечто необычайное. Учитель откашлялся и в ответ ему предупредительно чиркнул

— А начесь в
болото змей
упах..

из-за печки сверчок. Иван Андреич по привычке почёсал поясницу и осторожно наклонился...

Оторвавшись от микроскопа, бледный, с каплями пота на лбу, откинулся Муромцев на спинку дивана и, наморщив брови, задумчиво вперил глаза вдаль.

— Ну, что?—спросил Гаврила Петрович, с нетерпением ожидавший очереди взглянуть в микроскоп. Лектор бессильно указал одной рукой на прибор, а другой устало подпер голову с длинными, спутанными волосами, и погрузился в размышление. Учитель наклонился к окуляру...

И увидел картину, более уместную на страницах фантастического журнала, чем на яву в микроскопе.

Под стеклом двигался взад и вперед крошечный сигарообразный снаряд, ярко сверкавший своей черной полированной поверхностью, напоминавший видом металлического безногого и бескрылого жучка. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это не жучок, а самый обыкновенный, правда,—бесконечно малый,—летучий корабль из неведомого металла.

Летучий корабль! Откуда?!

По бокам корабля были расположены два ряда иллюминаторов, то открывавшихся, то закрывавшихся, снизу спускался трап, но для какой цели, кто смотрел в эти иллюминаторы, кто спускался по трапу—на эти вопросы микроскоп ответа не давал.

— Эх, слаб микроскоп-то!—проворчал Гаврила Петрович и снова принялся к окуляру. На лице его отразилось сначала недоумение, затем растерянность и, наконец, испуг. Учитель точно прилип глазом к микроскопу. С минуту он молча созерцал невиданное зрелище, затем мотнул головой, словно хотел стряхнуть какой-то кошмар, и подергал себя за длинные усы, желая, видимо, убедиться, не во сне ли все это ему видится.

Наконец он оторвался от микроскопа и, обведя присутствующих мутным взором, пробормотал:

— Н..да... Действительно!..

Наступила очередь Ивана Андреича. Старался не дышать и не прикасаться

Лектор галопом помчался с кладбища...

к столу, наклонился он над микроскопом и сейчас же восторженным шопотом сообщил:

— Чудеса!.. Шевелится!.. Прыгает!..

Жена Ивана Андреича, притворив тщательно дверь, заглядывала и ничего не понимала. За ее спиной сын Василий, с гармонией под мышкой, вытягивался, разевая рот.

— Чего там, маманя?—громким шопотом спрашивал он.

— Бог иво знает,—отвечала мать,—говорит: «шевелится».

— Должно блоху, ай кузнечика барин-то поймал... Мой-то—дурак аж в раж вошел, весь трясется...

Дверь тихонько прикрылась.

— Что ж это значит?—произнес наконец Гаврила Петрович.

— Чудеса!—убежденно сказал председатель.

Лектор очнулся от задумчивости.

— Нет, друзья,—сказал он,—не чудеса, а реальность, но—реальность—чудеснее всякого чуда. Ведь это что ж такое? Поймите—если эдакий крохотный механизм движется, значит—он приводится кем-то разумным в движение и, значит, этот «кто-то» сидит там, внутри. Живое, разумное существо!—Там, в кораблике! Так какого же размера, т. е. вернее, роста, должно быть это существо! А может быть и много существ! Сверхпигмеи! Я с ума схожу! Ущипните меня!

В это время со двора донеслись громкие бабьи голоса и чей-то визг.

— Экие бабы!—провсрчал почувствовавший беспорядок председатель.—Чево они там?—И вышел из комнаты.

На дворе стояло несколько баб и ребятшек, окружив босоногую, растрепанную девчонку, все лицо которой было в кровавых подтеках. С подоткнутым подолом и босыми ногами, баба голосила благим матом, в про-

межутках ругалась и дергала за вихры хныкавшую и утиравшую нос девчонку.

— Чего такое, бабы, 'стряслось? — степенно спросил с крыльца председатель.

— Подралась што ль, ай лошадь ударила?—спросила «баба» Ивана Андрейча, рассматривая со всех сторон девчонку.

— Комары не покусали — решил один из мальчишек.

— Ну, тебя,—возразил старик Ильюшка,—нешто комары до крови... В муравельник нешто попала?

Девчонка, испуганно хлопая глазами, стояла среди толпы и молча утирала нос, размазывая кровь.

— Не-е,—ответила девчонка.

— А где ж?...

Девчонка не ответила, ребята же, перебивая друг друга, принялись объяснять:

— Не комари... я сам видел... Чисто шмели, гудят и на не напали и полетели... в болото... Яремкину лошадь напугали...

— Чего это?—спросила «баба», вынимая нечто из щеки девчонки. — Глядь-кось, Андрейч, заноза, да черная...

Андрейч быстро вырвал из рук жены занозу и встретился глазами с вышедшим из комнаты гостем и учителем.

— Еще...—произнес он кратко, но выразительно.

Лектор внимательно осмотрел второй экземпляр «кораблика» и, присев на ступеньки, опустил голову на руки. Так прошло несколько секунд, затем, очнувшись, Муромцев заставил мальчишек рассказать, как летели «комари», и вновь опустил голову на руки. Наконец, он как бы оторвал руки ото лба и вздохнул космы.

— Не-нет!... Не понимаю! Ничего не понимаю! Откуда они, откуда их занесло?

— С необитаемых островов, должно быть,—произнес учитель.

— Глупости,—оборвал его лектор,—земля не приспособлена для их величины... Это организмы не земные...—докончил он медленно и, вдруг, вскочив, ударил себя по лбу.

— Дурак! Старый дурак!—закричал он неистово, так что все шарахнулись

от него в стороны. — Забыл, забыл, этакий осел! Метеорит! Неведомая планета, упавшая на землю!

Вихрем взбежал он на крыльцо и в своей комнате принялся строчить телеграмму своему другу, профессору одного из Московских рабфаков, Игнатию Казимировичу Старчевскому, которого он вызывал в Глумилово и рисовал ему самые заманчивые перспективы необычайных научных открытий и мировой славы.

Весь мир в один день и в один час был взволнован, оглушен, потрясен и повергнут в недоумение невероятным сообщением о том, что где-то в Советской России, в глухом углу Вятской губернии, с упавшего метеорита слетели микроскопические существа в чудесных, движимых неизвестною силою металлических кораблях.

Понятно, сначала это известие повсюду было сочтено довольно неудачной уткой и плодом чей-то досуговой фантазии. За границей общество, устав от политики, с удовольствием читало статью о «столкновении планет». В одном из парижских журналов остроумно усмотрели в статье политический памфлет с намеком на последнее столкновение с Совроссией и даже указывали имена некоторых «микроскопических» членов Палаты, которым не по нутру это столкновение.

Но каждый день из какого-то Глумилова появлялись все новые и новые сведения, пока, в конце концов, неясные слухи не стали фактом.

Внимание мира, отвлеченное от вопросов политических, экономических, торговых договоров, биржи и новых группировок, сосредоточилось на двух коробочках из горного хрусталя, находившихся в Московском N-ском Рабфаке.

Со всех сторон мира, изо всех частей света полетели запросы в Москву и в уездный городишко в 40 верстах от Глумилова.

Слово «Невидимки» получило необыкновенную популярность, появились мыла, пудра, ботинки и духи «Невидимки»; даже одна компания воров в Лондоне решила переименовать себя в «Невидимок», о чем и объявила на страницах некоей «независимой» газеты.

Мысли кабинетных ученых пришли в хаотический беспорядок, и отчаянная полемика в университетских кулуарах разделила профессоров на враждующие лагеря. Воззрения ученых на обитаемость миров, на делимость материи, на свойства атомов были потрясены в корне и, взамен, кроме гигантского, неожиданного знака вопроса—не дали ничего. Вопрос о делимости материи приобрел внезапно острую жгучесть и показал возможность деления ее почти беспредельную и, по

его объективом, к величайшему восторгу всего ученого мира, оказалось возможным не только увидеть живые существа «на кораблике», но и подробно рассмотреть их наружность и структуру. Уже по одному тому факту, что Невидимки сумели соорудить «летающий корабль», можно было вывести заключение об их высоком интеллектуальном развитии. Наблюдения над их наружностью вполне подтвердили это заключение. У обитателей микроскопического корабля, видимо, умственные способности развивались

Машутка с пальцем в носу и ее мать сделали необычайно популярными...

крайней мере, неведомую для человечества, и притом в форме законченного, сложного и живого организма.

Каждый день кинематографы громадными рекламными плакатами оповещали публику о получении лент со снимками кораблей Невидимок и их обитателей. Именно: и «их обитателей».

И вот как удалось достичь этого: из Москвы, ставшей, независимо от своего политического значения, еще и ареной самой безудержной ученой склоки, на столбах газетного мира появились обращения из Советской России ко всем ученым с предложением громадной суммы денег за изобретение в кратчайший срок сильнейшего микроскопа.

С лихорадочной поспешностью работали умы ученых над конструкцией подобного микроскопа, пока, наконец, профессору Рихарду Бускэ из Геттингена не удалось сконструировать микроскоп такой силы, что под

за счет физических сил; соответственно этому, при непомерном развитии органов мышления, органы чисто физического обслуживания тела атрофировались и были развиты в гораздо меньшей степени. Ноги представляли небольшие отростки со слабыми ступнями (вероятно, Невидимки мало ими пользовались), зато руки говорили о том, что физический труд не был чужд этим странным существам.

Проще говоря, Невидимки были лишены туловища и представляли собой шарики, т. е. одну голову, на которой росли руки и ноги.

Шумиха, вызванная необычайными Невидимками, все усиливалась, расходясь по миру, как круги по воде, и втягивая в свою орбиту все новые и новые пространства.

Были сфотографированы не только невиданные насекомообразные обитатели кораблей, но и Иван Андреич, старик сторож Илья и, наконец, косматая Машутка с пальцем в носу,

портрет которой появился на страницах эlegantных парижских журналов.

Какая-то предприимчивая американская фирма предложила Советскому правительству сумасшедшие деньги за право отыскивать и оставить себе остальные экземпляры Невидимок, а также поднять из болота упавший метеорит.

В Глумилове происходило невиданное зрелище. Понаехало столько «товарищей», сколько даже фельдшер Ефим Агапыч не видал за всю свою жизнь.

Все Глумилово с обитателями и окрестностями было запечатлено и увековечено историей; изображения Машутки и ее матери, испуганной внезапной популярностью дочери (за какую мать стала колотить ее нещадно каждый день), попали даже в ученые рефераты. Машуткина семья сразу разбогатела, когда за бешеную до глупости цену, потребованную обалдевшим от популярности отцом Машутки, известный оператор из Берлина вытащил из Машуткиных волос третий экземпляр корабля, но, увы, уже неподвижный. Очевидно, обитатели его, долго пробыв под кожей Машуткиной головы, да еще под одуряющим влиянием Агапычевой мази, все погибли.

Множество молодых людей и не меньшее количество старых, странных, полусумасшедших, выползших из заплесневелых кабинетов, с лупами в руках рыскали в окрестностях Глумилова в поисках Невидимок. Берега болота под селом сплошь были вытоптаны, но, несмотря ни на что, «Туча», вторично замеченная ребятами в полуверсте от села, пропала бесследно. Ученые решили, что по каким-то неизвестным причинам, может быть просто по непригодности к земному притяжению, чудесные летчики упали в болото.

Берлинский Мюнц-кабинет, завладевший драгоценным «мертвым кораблем», подверг его делению спектральному, химическому и всяческому иному анализу и определил, что корабль состоит не из стали, а из сплава серебра, платины и ураня с каким-то неизвестным еще земле металлом.

Обитателей, задохнувшихся в Машуткиных волосах, не найдено; вероятно, пагубное действие мази, которой фельдшер Ефим Агапыч натирал голову девочки, растворило их нежные организмы.

Чтобы не постигла подобная же участь живых обитателей двух других кораблей, русские ученые занялись вопросом питания Невидимок. Здесь пришлось столкнуться с большими трудностями.

— Приемлема ли для их организмов земная пища?

— Не нужно ли им какое-то особое, специфическое питание?

Ведь волей-неволей необходимо было считаться с соображением первостепенной важности: а вдруг Невидимки отравятся?

Один промах, один неудачный опыт и организмы Невидимок могут погибнуть. Какая потеря для науки! Какой позор для русских ученых, не сумевших уберечь такие научные ценности. С другой стороны — надо принимать немедленное решение, ибо при промедлении возникала другая опасность: Невидимки могли погибнуть от голода. Ученые долго ломали головы, наконец, путем логических посылок, пришли к такому выводу: судя по внешнему виду, организм Невидимок состоял почти из одного головного мозга, следовательно, чтобы питать их, надо давать им пищу, полезную для мозга. И вот Невидимкам было предложено угощение, составленное из фосфора, белков и глюкозы с примесью безразличных вкусовых веществ. Надо было видеть, с какой быстротой подошли Невидимки к накапанной им пище.

Право, с сотворения мира не было такого энтузиазма в ученном мире, как в тот момент, когда заметили, что обитатели кораблей охотно окружили капли, представлявшие для них, конечно, большими холмами и, очевидно, были довольны вкусом земной пищи. Для того, чтобы дать им понять, что они не во власти стихийных сил природы, а что о них заботятся разумные существа, вкусовые свойства пищи менялись ежедневно.

Далее была сделана попытка завязать сношения с Невидимками. Необ-

Суевренные старухи крестились на диковинные машины...

ходимо было, по мнению ученых, показать Невидимкам некоторые геометрические фигуры и основные формулы механики, которые любое разумное существо неизбежно должно было знать. Задача не из легких, принимая во внимание микроскопические размеры будущих собеседников. Затруднения, главным образом, заключались вот в чем: ни один чертежник не был в состоянии начертить настолько малую, но вместе с тем безусловно правильную фигуру таким образом, чтоб на Невидимок она произвела впечатление точной геометрической фигуры, а не огромной размазни черным по белому.

Наконец в Москву был привезен прибор итальянского изобретателя, подходившего к делу совсем с другой стороны. Итальянец теоретически высчитал, что если поставить на известном расстоянии от корабля его прибор, то обитатели корабля неминуемо должны видеть через систему сферических больших и малых стекол все то, что будет находиться за объективом, но, конечно, в уменьшенном в несколько сот тысяч раз виде.

Вновь ученый мир взволновался: Невидимки увидели! Они поняли чертеж почти мгновенно.

И вот, зрители, глядя в многоокулярный микроскоп новейшей системы, соединенный с аппаратом и доступный сразу для нескольких наблюдателей, увидели удивительную картину. Странные создания вынесли из неподвижно стоящего корабля белый, квадрат и на нем начертили ту же фигуру и затем перед изумленными и наэлектризованными зрителями появилась формула и чертеж: «квадрат гипотенузы = сумме квадратов двух катетов».

$$(AC^2 = AB^2 + BC^2).$$

С этого момента начался безмолвный, самый тихий и в то же время самый оживленный разговор, за которым с волнением следил весь образованный мир, забыв политику и экономику, устремив все свое внимание лишь на ежечасные сообщения из тихого кабинета в N-ском Рабфаке о разговоре человека с существами неведомой мировой системы, существами, очевидно, более интеллигентными, чем человек.

Додумались давать им целые кинематографические сеансы и видели, что Невидимки были поражены изображением человека и воспроизведением его жизни и целыми часами толпились перед экраном.

Обитатели кораблей обладали проекторами и часто по ночам сквозь хрустальные стены их дворца протягивался длинный синий луч, в котором летало два корабля — два блестящих создания нечеловеческого генія.

День за днем умы ученых поражались все новыми необычайными сообщениями. И самую бурную сенсацию среди ученых кругов, сенсацию, непонятную для широких слоев публики, произвело сообщение о том, что Невидимками разгадана проблема зарождения света: они обладали тайною производить свет без лучей и без тени, свет, как облако, не знающий препятствий, проникающий через металл, дерево, рассеиваемый на любое расстояние без уменьшения силы.

Первый раз это было 23 октября 1926 года. Однажды ночью директор-хранитель кораблей увидел овальное облако света, тихо колыхавшееся над хрустальным дворцом Невидимок, и этот свет не давал теней и проникал через металлический стол.

А эта загадочная энергия, поднимавшая на воздух их корабли без всякого двигателя?!

Было очевидно, что насколько эти создания малы, настолько же далеко ушли вперед в знании тайн природы. И пристыженное, ошеломленное человечество лихорадочно спешило.

Все успехи науки, науки последнего дня, даже момента, касающиеся микроорганизмов, микровзвучков, применялись, совершенствовались и можно сказать,—за целое прошедшее столетие наука и искусство в этой области не подвинулись так, как за несколько месяцев 1926 года.

Уже через два месяца после появления первого известия о Невидимках, весь мир слушал их музыку, уловленную тончайшим микрофоном. Музыка странную, полную чуждых для человеческого уха переходов.

Мальчишки всех стран надували щеки, изображая свистящие, резкие звуки музыки Невидимок; все без исключения шарманки испортили себе голоса и скоро деловое человечество проклинали и Невидимок, и их немзыкальность, конечно, с точки зрения человека.

Негры из штата Новой Георгии устроили демонстрацию, на которой цветной проповедник сказал речь, приведшую весь юг в дикий восторг своею заключительной частью, в которой говорилось, что обитатели неведомой планеты безусловно тоже негры, ибо их музыка оказалась удивительно похожей на негритянскую. Впрочем, по этому вопросу поднялась полемика между готтентотами и некоторыми китайскими композиторами, а белая раса по своей некомпетентности не могла принять участия в споре и репировать, на чьей стороне истина.

Словом толпа—*vulgus*,—была увлечена всей этой шумихой и жадно ловила все, что появлялось из таинственного кабинета, но для нее проходила незаметной и неслышной та мучительная работа мысли, которая кипела в мозгу ученых. Ведь, в сущности, достигнуто было очень мало; чем дальше, тем пред большею тайной становилось человечество; чем более видели, тем менее понимали. Что это

за существа? Откуда они? Из какой мировой системы? Какова тайна их появления на Земле?—все эти вопросы оставались загадками для ученых.

То, о чем так много говорилось, на что более всего возлагалось надежд—извлечение из болота упавшего болида еще не было осуществлено. Сперва неудачи сваливались на инертность местных властей, упоминалось имя какого-то предвика Черкашина, почитавшего начавшиеся работы по изысканиям за махинации бандитов, которыми еще со времени прохода Колчака было напугано окресное население, и арестовавшего французских инженеров, слишком поторопившихся приездом. Потом, когда Москва заставила кое-кого пошевелиться и нажать административный аппарат, работа двинулась, но ненадолго: не хватило технических средств. Дело казалось безнадежным. А тут, к вящему раздражению самолюбия, появились изумительные известия о результатах экспертизы берлинского Мюнц-кабинета над мертвым кораблем. Найдено, что в числе элементов корабля имеется неизвестный ученым элемент, который по своим свойствам близко подходит к радио, но отличается от него многими свойствами. Ученые считали его именно той движущей силой, которая поднимала на воздух корабли Невидимок, притом силою невероятно могучей, так как она была способна преодолевать земное притяжение.

Весь ученый мир завопил благим матом и глас его был, наконец, услышан. Особым декретом Наркомата приказано было содействовать ученому конгрессу в отыскании метеорита. Ассигнованы были огромные средства, даны льготные пропуски в Россию членам главнейших ученых обществ. Со всех концов мира началось паломничество жрецов науки.

События в Глумилове, как в центре мира, разрастались, вращались и возвращались в Глумилово же.

Никогда еще с момента начала своей популярности Глумилово не шумело так, как в одно бодрое осеннее утро.

Еще с вечера к поповскому двору подкатили две тройки с новыми приезжими и затем уже поздно в ночь

прибыло до двух десятков подвод с частями каких-то машин, прибыло множество новых людей и расположилось на луговине около пожарного навеса.

С самого утра все глумиловские обыватели, могущие ходить, собрались на выгоне пред поповским домом. От него и до красной вывески исполкома как бы протянулся оживленный беспроволочный телеграф. Стаи ребятшек вскарабкались на церковную ограду и расселись на ней, как воробы.

В восьмом часу от поповского дома по направлению к полю вышло несколько человек и тут толпа разделилась:

По вечерам старики, сидя на завалинках, вели тихую, но ехидную агитацию...

часть пошла за «аньжинерами» и «хранцузами», а часть осталась, чтобы всласть пощупать машину и заглянуть под брезенты.

Впереди шел сухой, серьезный человек, в опушенном мехом полушубке, с острым взглядом умных темных глаз и седой бородой, профессор Игнатий Казимирович Старчевский. Рядом с ним шел его французский коллега, известный инженер Поль Монкарде, маленький, тощий старик с физиономией рыси; несколько отстав, похвастывая и засунув руки в карманы брюк, следовал помощник Старчевского, молодой, но уже много обещающий ученый, инженер Андрей Петрович Осокин; за ними шли несколько механиков, представители профессиональных организаций и союза, два корреспондента лондонских и нью-йоркских газет и, наконец, один япон-

ский ученый, оживленно споривший с тощим немцем.

Словом, вся Европа и Азия выслали в Глумилово своих представителей.

Бабы, мужики и ребята выбегали из калиток и, разевав рты, смотрели на невиданное зрелище. Толпа все сгущалась, пока, наконец, желчный Старчевский, обернувшись назад, сердито не крикнул:

— Чорт знает что такое! И чего эти обезьяны глазют?—Человек в кожаной тужурке поморщился и обратился к толпе:

— Товарищи! Зачем напираете? Разве мы звери какие допотопные, что вы в рот смотрите. Разойдитесь!—Откуда-то появился местный милиционер и толпа подалась.

— Антиречно ведь, кум,—смущенно отговаривались мужики, которых расталкивал милиционер.

С этого дня Глумилово не знало покоя. И день и ночь на улице теснилась и болтала толпа; все более или менее чистые избы заняты были приезжими. Около избы-читальни по целым дням галдел народ и местные ораторы произносили бесконечные речи.

Страшно подорожало молоко. С трудом можно было раздобыть даже десяток яиц.

К вечеру первого же дня за селом пыхтел паровик и горбатая лебедка тащила и выкидывала на берег кучи

черной грязи, полной раков и всякой нечисти.

Суеверные старухи с испугом крестились на диковинные машины, а когда вечером около машины и лагеря рабочих вспыхнул яркий электрический свет, то едва ли не вся волость высыпала на косогор перед селом, так что рабочим, в конце концов, даже надоело разгонять назойливых ротозеев.

На следующее утро оказалось, что украдено много проволоки, очевидно, на тяжи для телег, и разворованы гайки у машины. Старчевский ругался немилосердно и грозил вызвать красноармейцев.

На второй день оказалось, что не хватает рабочих, что конгресс прислал больше распорядителей, чем опытных рабочих специалистов. Тут-то пришлось впервые непосредственно столкнуться с населением. Мужики наотрез отказались идти на «грешную» работу.

— Ну трою земли ворочать!—галдели они на сходке.

— Не пойдем! Никто не пойдет!

— Дураки! Черти!..—ругался Старчевский,—по два рубля в день получите!

— Хошь пять! — орали мужики свое,—не надо твоих рублей, и без рублей жили!

Работе грозил перерыв, к счастью благополучно устраненный старшим милиционером, которого мужики почему-то поголовно звали «кумом». Этот гражданин оказался добрым гением всей экспедиции.

По уходе Старчевского он долго беседовал с мужиками в избе-читальне; до поздней ночи «протоколили» и подписывались мужики, а на утро почти все село в лице группы комсомольцев, молодых парней и охочих мужиков с вилами стояло у болота. Старчевский косо оглядел разбитную артель комсомольцев, но ничего не сказал, тем более, что работа закипела. Результаты ее сказались уже на третий день: тысяч до ста пудов грязи и тины было переворочено в вековом болоте и берега его представляли такой же вид, какой, наверное, в день творения представляла земля. Но членов экспедиции не радовали кучи черной грязи

и тины. Пока не было и намека на болид.

На четвертый день приехала партия рабфаковцев, немецких и японских студентов, с увлечением принявших участие в лазании по грязи.

Вся легкомысленная часть населения Глумилова потешалась над перепачканными в грязи и более похожими на чертей, косоглазыми и низкорослыми японцами.

В тот же день обнаружился недостаток в пище. Глумиловские бабы осатанели от жадности и за крынку молока драли рубль, а за пяток яиц—полтинник и более.

Японцы жаловались, что одному их уважаемому профессору какая-то старуха наплевала в лицо.

В одном доме древний седой старик, девять лет не слезавший с печи, с перепугу встретил японцев с иконой и, дрожа, начал читать молитву на изгнание нечистой силы: — Аминь, аминь, рассыпся!

В каком-то закоулке пьяные мужики вздумали убить студента японца; убить — не убили, но избили его основательно, пока не были с позором принуждены к отступлению его подошедшими товарищами, в чем большую роль сыграло японское джиу-джитсу.

Вечером кум, Евграф Архипыч, вновь держал долгую речь в избе-читальне и вновь до полночи расписывались мужики. Слава о джиу-джитсу прошла повсюду и японцев стали бояться.

Подобные инциденты развлекали, впрочем, только молодежь, увлеченную новизной и необычностью поисков, для серьезных же ученых, собравшихся не за развлечениями, являлось жгучим вопросом чести и славы извлечение болида.

Был сделан опрос почти всех обывателей, когда, в каком направлении был услышан гул от падения болида. Но оказалось, что в эту ночь почти все крестьяне как нарочно почему-то спали мертвым сном и мало кто слышал этот гул; показания же ребят были настолько разноречивы, что строить на них какие-либо выводы было невозможно. Во время опроса в сельсовет приплелась убогая стару-

шенка и терпеливо дождалась своей очереди.

Когда старуха, наконец, ее дождалась, то оказалось, что старуха глуха на оба уха, никакого шума, понятно, слышать не могла и пришла лишь потому, что «господа» спрашивают «у кого болит».

Старуха долго и пространно, шамкая и пожевывая беззубым ртом, объясняла, где у ней болит: «правый бок пожжет, пожжет, да как саданет»... Насилу развязались со старухой, объяснив, что здесь не больница. Кум Старынич понюхал оставленный ею старший редеит и тоже пришел к протоколу.

А работа не подвигалась к цели ни на шаг. Работали уже с неделю; работали поспешно, в виду приближавшихся заморозков; погода портилась и крестьяне всячески отлынивали от удовольствия месить холодную, как лед, трясину. По селу развивалось страшное недовольство.

Мужики иначе не называли инженеров, как «нехристи» и «потрошилщики».

По вечерам старики, сидя на завалянках, вели тихую, но ехидную агитацию против работ:

— Матушку землю потрошить...— скрипел какой-нибудь поросший мхом, вроде гриба, древний дед Яфан или Хведор,—она нас кормит и поит, а ее потрошат. Грех... смертный грех, мужички!..

Мужики слушали подобные речи и их темные, заветренные лица становились еще темнее, и все неохотнее шли они в воду, несмотря на красноречие кума Архипыча. Реакционная часть Глумилова откровенно возненавидела «кума» и за спиной на «собраниях» по его адресу отпускались неудобные для печати эпитеты.

Пришел какой-то странник и возмущал мужиков, подговаривая против «нечистого дела». Кум—милиционер вынюхал проповедника и засадил его в холодную, но на утро его не оказалось: мужики выпустили.

Собрание на этот раз было бурное; в избе-читальне клубами плавал дым махорки и было жарко до одурения. Несмотря на то, что кум, совместно

с председателем Иваном Андренчем, несчетное число раз взывали: «товарищи!»—мужики были неумолимы. А один молодой мужик, бросив шапку на стол, прямо сказал:

— Хоша ты и кум!.. да эх!..

Это решило все дело.

— «Единогласно»—орало все собрание. Кум был бессилен.

Такое положение продолжалось до ноября. Однажды около двенадцати часов темной ноябрьской ночи Архипыч пришел со сходки охрипший и красный. Не раздеваясь и вертя в руках мокрую фуражку, он доложил Старчевскому и Осокину о том, что мужики на собрании держали себя до странности демонстративно и на все просьбы и уговоры отвечали одним словом: «грех, не пойдем, никто не пойдет». Очевидно, здесь пришлось уже натолкнуться на стачку и работу продолжать было невозможно.

Старчевский вспылал:

— Как невозможно? Когда цель еще не достигнута, когда зима на носу! Останавливать работу! Сумасшествие! Вызвать красноармейцев, кавалерию!..

Милиционер молча пожал плечами и, вздохнув, поглядел на потолок избы. Он понимал, что красноармейцы тут не при чем.

— Ну что же?—вскричал нетерпеливый профессор.

— Не то время, гражданин Старчевский,—пробормотал сухо и даже как будто враждебно Архипыч.

Круто повернувшись, Старчевский сел и принялся писать телеграмму.

На утро начальников экспедиции ожидала неприятная новость. На заре мужики с крестным ходом пошли кругом болота и,—что куда хуже—испортили землечерпательную машину и потопили много инструментов. Это выходило уже за рамки обычных недоразумений.

Старчевский в дрожках помчался на место происшествия. Около машины, под мелким осенним дождем, стояли Осокин, инженер-француз, ругавшийся резким фальцетом, и корреспонденты. Больше никого.

Подойдя к раздраженному Старчевскому, Осокин комически развел руками.

— Работать нельзя. Машина испорчена, разбит паровой котел и сшиблено в трясину до десятка черпаков...

Старчевский собрал в барак всех членов экспедиции, но, обведя лица всех, не встретил, к своему удивлению, сочувствия. Все были переутомлены, разбиты тяжелой работой в холодной воде, под пронизывающим ветром, и в ночном безобразии видели лишь комическую сторону. Старчевский разразился громовой речью и пристыдил всех сотрудников.

Собрались охотники исследовать старую гать. Разноплеменная молодежь, легко находящая веселую сторону в любом, даже неприятном факте, со смехом потащилась по грязи с вилами и шестами на плечах.

Старчевский, старик-француз и немец, раздосадованные скверным ходом работ, возвращались на дрожках обратно. Осокин с англичанами предпочел шлепать по грязи. Он рассеянно слушал рассказ своих спутников о прелестях утиной охоты в здешнем краю. Дойдя до поповского дома, они увидели Старчевского; красный от гнева, он что-то громко внушал стоявшему перед ним смущенному, маленькому попикку.

— Стыдно! Позорно! — кричал профессор, — возмущать темную, слепую массу!.. Позор, преступление!

— Не возмущал я! — оправдывался батюшка.

— Крестный ход! — кричал, не слушая его Старчевский, — как на нечистую силу ополчились!.. Это позор, на всю Европу позор! И вы, человек образованный, хотели нас выгнать крестом! Машины портить!.. Это так вам не пройдет, я сообщу в Губком!..

— Assez *), коллега! — кричал с дрожек замерший француз.

Профессор в сердцах плюнул и вскочил в дрожки; дернувшая лошадь обрызгала смущенного батюшку с ног до головы грязью.

Часу в 12-м дня собралась сходка перед Сельсоветом, около пожарного навеса. Дождь на время угомонился. Мужики были пасмурны и сидели

*) Довольно.

молча на завалинке и на корточках, когда подошли старшие члены экспедиции; лишь комсомольцы с шестами на плечах постукивали нога об ногу и пересмеивались.

Из мужиков кое-кто встал и снял шапки, а большинство провожало их злыми взглядами; кто же позубаётее — то и насмешками в пол-голоса.

Разбрызгивая грязь, подскакала пара лошадей и из коляски вышли начальник губмилиции, высокий, угрюмый человек с бритым лицом, и ответственный секретарь Н-ского губкоматова. Филатов, знакомый лично Старчевскому, с которым весело поздоровался. Страхивая комья грязи с плащей, приезжие вошли в совет. Придерживая болтавшийся на боку револьвер, подбежал кум Архипыч. Мужики столпились перед крыльцом.

Сначала говорил т. Филатов, говорил долго и пространно о пользе образования, о международном положении и буржуазии. Мужики вздыхали, обменивались цыгарками и, видимо, были во всем согласны с оратором.

После него вышел высокий начальник милиции и сразу попал в точку, но время уже было упущено и мужики не хотели новых поисков «плакиды». Едва он замолк, мужики разом загалдели; красные лица, заломленные шапки мгновенно смешались в общую кашу.

— Грех!.. Смертный!.. — неслось из толпы, — матушку землю потрошить! Не пойдем!

Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы на конце улицы не показался верховой. Подметев на неоседланной лошади к Сельсовету, он, еще не осаживая ее, уже крикнул на скаку только одно слово:

Нашли!..

Это слово, как удар грома, упало в толпу и водворило внезапное молчание. Старчевский покраснел, а один из американских корреспондентов без шапки, бегом, пустился по улице. Толпа посыпалась вслед за ним.

Старчевский хотел было идти, но верховой заявил, что найденный болд уже везут сюда.

— Везут? — в недоумении спросил профессор, — неужели он так мал?

Верховой показал размер болида руками. Старчевский недоуменно пожал плечами. В этот момент оказалась подвода. Толпа бросилась встречать диво, упавшее с неба. Старики облегченно крестились.

— Слава-ти, господи, отмаялись!

— Разойдись, разойдись, мужички,— вежливо покрикивал развеселившийся Архипыч,— не напирай очень, предмет хрупкий.

— Антиресно ведь, кум,— отвечали, как полагається, мужички и расступались.

Старчевский и все ученые подошли к подводе и профессор сдернул рогожу. Круглый, футом в диаметре, черный, весь в иле предмет лежал на подводе. Нашедших метеор обступила толпа, но Старчевский махнул им итти в совет. Ученый был серьезен и в каком-то ошеломлении. Двое мужиков, сгибаясь под тяжестью, осторожно внесли аэролит и пока они его несли, вокруг него раздавались шутки и остроты.

— Глядите, товарищи! Степка целу землю несет!

— Даржись, Степа! Крепче руками за одну, ногами за другую, не упадешь.

Толпа, довольная окончанием постылой работы, развеселилась.

Болид был положен на стол... Наступило молчание. Старчевский с минуту смотрел на этот черный безобразный предмет, великую цель их тяжелых трудов, и снял шапку.

— Товарищи,— сказал он тихо и задумчиво,— настал великий момент...

Все также сняли шапки и затаили дыхание. Профессора молча разделись и, засучив рукава, приступили к очистке болида от грязи.

— Странно,— произнес Осокин,— чувствуется металл...

— Осторожней, осторожней,— приговаривал немец.

Грязь комьями спадала с круглой, как шар, поверхности болида и раскладывалась на белой клеенке стола...

Корреспонденты что-то лихорадочно занесли в записные книжки...

— Ни малейшего намека на минерал... гм...— произнес немец и скребнул ножом.

Старчевский становился все мрачнее и серьезнее.

— Это что?— произнес он вдруг странным, сдержанным голосом, указывая на два круглых, правильных возвышения, словно от излома.— Это что?

Осокин осторожно стер тряпкой грязь и наклонился. Один из корреспондентов поспешно налаживал кинематографический аппарат. Осокин что-то бормотал под нос.

— Что?— спросил Старчевский.

— Пять пудов...— ска-
жал Осокин.

— Что— «пять пудов?»

— «Пять пудов», написано,— отвечал тот и поднял глаза. В них бегали какие-то искорки и сам он был красен, как рак.

Старчевский бесцеремонно повернул метеорит к свету. Щелкнул затвор, послышался треск— великий момент был увековечен...

— Гирия!!— крикнул Старчевский,— пятипудовая заводская гирия!! Олухи!!

Присутствующие, как оглушенные, разинули рты. В это время протолкался к столу мужиченка и с радостно расширенными глазами объявил:

— Батюшки! Да ведь это дяди Яхвана гирия-то! Прошлого лета робята с гати уронили... вишь ты, нашли!

И, высунувшись в окно, он крикнул:

— Дядя Яхван! Иди скорей! Товарищи твою гирию нашли!..

Все окаменели от неожиданности. Лондонские корреспонденты стояли молча. Немец-профессор от недоумения разинул рот так широко, как не разевал его, вероятно, никогда в жизни. Осокина одолел пароксизм гомерического веселья; ухватившись за живот руками, он корчился от хохота, а француз профессор вторил ему визгливым фальдетом, как потерявшая голос дворняга.

Старчевский словно взбесился; сбросил гирию со стола, сбил с ног слепившего дядю Яфана, свалил злосчастный кинематографический аппарат и, как сумасшедший, вылетел из сельсовета.

Двое мужиков, сгибаясь под тяжестью, осторожно внесли аэролит...

Толпой овладел приступ безудержного веселья и около совета началась «воинственная пляска диких» с гамом, свистом и визгом гармошки.

Прошло пять месяцев. Но Старчевский был не из тех, кто отступает от раз намеченной цели. Весной следующего года он снова появился в Глумилове в сопровождении новой экспедиции—подвод с машинами, разными приспособлениями и достаточным количеством живой рабочей силы. Но на этот раз, наученный горьким опытом, он избежал ошибок прошлого: работы по изысканию и извлечению болида инженеры производили втихомолку, не предавая гласности результата своих трудов.

Впрочем, сделать это было им не трудно. Не только у местных крестьян, но и у всего ученого мира пропал интерес к болиду. Жизнь действительно выдвинула новые вопросы. Химическая война, омоложение, открытия в области радио-передачи отвлекли внимание ученых от Невидимок и шумевшего болида. Поэтому, когда, в конце концов, труды Старчевского увенчались успехом и осколки болида были найдены, газеты, да и то далеко не все, поместили об этом немногочисленное сообщение в отделе «научной хроники».

Осколки были отправлены в Московский N-ский Рабфак, где их подвергли самому тщательному исследованию, но никаких следов органической жизни там найдено не было; оставалось предполагать, что все живое, если таковое и находилось на болиде, погибло от страшного жара, развившегося во время прохождения аэролита через земную атмосферу. Таким образом, единственным звеном между живой жизнью и болидом оставались Невидимки, которые попрежнему жили в своих хрустальных ящиках под на-

блюдением профессоров Московского Рабфака. Но теперь, после подробного исследования болида, загадка их появления на Земле стала еще более неразрешимой.

Болид ли был их родиной? С ним ли вместе низверглись они из мирового пространства на Землю или явились к нам каким-нибудь другим путем, совершенно независимо от падения аэролита?

На эти вопросы ученые не находили ответа и в скором времени им суждено было окончательно лишиться всякой возможности получить его.

Однажды, когда дежурный член «Комиссии по питанию Невидимок», по обыкновению, впустил в их ящик определенное число капель питательного вещества, он с удивлением заметил, что вся масса Невидимок не поспешила, как раньше, к источнику своего питания. Это его обеспокоило и он вызвал всю комиссию. Произведенное тщательное исследование констатировало печальный факт: оба летучих корабля недвижно лежали на дне ящичков, дно же было усеяно мертвыми телами Невидимок.

Что явилось причиной их смерти—ученым определить не удалось. Из многих, высказанных по этому поводу догадок, наиболее близким к истине казалось предположение, что Невидимки отравились теми безопасными (с точки зрения земной физиологии) веществами, которые прибавлялись к пище Невидимок для вкуса.

Единственный случай, представившийся людям для ознакомления с жителями других планет, был потерян!

И прав был 84-летний профессор Козьяволотский, старейший член комиссии, отпраздновавший все свои ученые юбилей, когда он всплеснул руками и с неподдельной горестью воскликнул:

— Теперь жди такого случая!

Рассказ В. СОЛОВЬЕВА.

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА!

Солнце жгло немилосердно. На небе, точно обрывки белого шелка или хлопья ваты, неподвижно стояли пушистые облака и понемногу таяли и исчезали.

Голодная Степь как будто заснула тяжелым, бредовым сном. Из накаленной дали плыли какие-то сонные шорохи и мягко умирали — таяли в синем, эмалевом небе.

Глаза нестерпимо слепило от ярких, золотисто-желтых отблесков выжженной солнцем почвы, из которой там и здесь уныло выглядывали серые кустики полыни и чахлые стебельки жесткой, никому ненужной травы-горчака.

Колючие, прижатые к земле, плети диких капорцев, цепляясь за ноги, рвали обувь и подчас открывали притаившихся в тени сонных змей и ящериц.

Ничто не манило в этой голой пустынной степи к привалу и отдыху. Чутко насторожившееся воображение рисовало под каждой глыбой отвратительных, покрытых бурыми волосами, пауков, сольпуг, каракуртов и ядовитых скорпионов.

Зловещее молчание Голодной Степи невольно говорило подавленному сознанию о смерти, и только одни стрекотавшие кузнечики показывали путнику, что степь не умерла, а тяжело спит.

Вьюжный шел, обливаясь потом и ругая самыми страшными словами и солнце, и жару, и себя, и свою несчастную судьбу, бросившую его из прохладной городской комнаты в эту накаленную, выжженную, полумертвую степь. Он, Вьюжный, определенно родился под плохой звездой, и над

ним с самого детства тяготеет рок. Для этого надлежало все доказательство. Почему, например, когда Вьюжный в детстве, вместе с другими мальчишками, прыгал с заборов, никто не сломал себе руки, кроме него? Почему в драках камнями у всех, кроме Вьюжного, остались целыми зубы? А у него нет четырех передних. Так всю жизнь! И вот, наконец, этот последний случай, как неоспоримое доказательство того, что Вьюжный гоним судьбой...

Чорт велел не прийти в этот вечер Димитрию, и Вьюжный от скуки отправился в чайхану ¹⁾ к Берды сыграть в «двадцать одно». Когда Вьюжный ударил «ва-банк» (в банке было 15 червонцев) и показал банкомету «очко», повернувшийся Абдуразак Назарбеков, плюгавый киргиз, вдруг закричал:

— Она карту прятал! Вот карта! Я карман его вынимал. Она — джюлик...

И ведь как заметил, юркий дьявол!.. Поднялся шум, крик! Кто-то ударил Вьюжного по лицу. Вьюжный знал, что с игроками шутки плохи и бросился к двери, но Абдуразак с ножом загородил ему дорогу. Тогда Вьюжный, не помня себя, выхватил свой «смит» и в упор два раза выстрелил в Абдуразака. Абдуразак упал, нелепо хватая руками воздух. Толпа отхлынула, потом бросилась на Вьюжного, но он, выстрелив еще раз вверх, ударил рукояткой «сми́та» в висок схватившего его здорового афганца, пнул кого-то в живот, выпрыгнул в окно и был таков.

В ту же ночь Вьюжный, забрав ружье, патронташ, деньги, табак и все

¹⁾ Восточная чайная.

припасы, ушел из города, распростившись навеки с дорогими его сердцу кокандскими курильнями и игорными пригонами...

Обуреваемый такими горькими мыслями, он вздохнул. Э-э-эх! Посидеть бы сейчас в чайхане, в холодке, выкурить чплим ¹⁾ анаши ²⁾, а потом, вечерком, в «очко»...

Он даже облизнулся, но чуть не вскрикнул от жгучей боли в губе.

— Фу ты, чорт! Опять губа от жары лопнула. Э-э-эх! Пить-то хочется. А до Дарьи ³⁾ еще версты три...

Вьюжный прищурился и посмотрел на далекую стальную широкую полосу. Было видно, как над Дарьей зной восходит кверху муаровыми струйками и прибрежные скалы кажутся пляшущими в жарком солнечном мареве.

Над рекой встал сплошной зеленой стеной тугай ⁴⁾, маня в ласковую, прохладную тень.

Вьюжный прибавил шаг, сдвинул на затылок соломенную широкополую шляпу, перевесил на другое плечо двустволку и опять зашагал по направлению к Дарье.

Подойдя к реке, он сбросил с плеч сумки и мешки, бережно положил двустволку, чтоб не засорить песком, спустился к самой воде, лег на живот и стал жадно глотать желтую, хрустящую на зубах, густую от глины, как масло, воду. Когда он почувствовал, что полон водою до самого горла, встал, и уши его вдруг явственно уловили несущийся из тугая крик.

— Вайдо-о-от! ⁵⁾

Вьюжный насторожился.

— Вайдо-о-от!—еще раз услышал он.

Лихорадочно быстро схватив ружье, он перезарядил его пулями и понесся в тугай, ломая ветки, не обращая внимания, что джида ⁶⁾ вдребезги разорвала его рубаху и исцарапала все лицо.

Бежать ему пришлось недолго. Скоро он увидел полянку, на которой около

чахленького деревца бесился громадный кабан-секач, стараясь клыками подрить корни дерева. Дерево уже наклонилось на один бок. Наверху, уцепившись за тоненькие веточки, сидел киргиз в рваном халате и спокойно, даже как будто с некоторым интересом, наблюдал за работой кабана и время от времени кричал:

— Вайд-о-от!

Он был уверен, что все равно его никто не услышит, и кричал так, для проформы и очистки совести.

Увидя Вьюжного, киргиз заворочался и заорал:

— Бей его, скорей! Стреляй его!.. Вайд-о-от! Вайд-о-от!

Вьюжный присел на одно колено и, неторопливо прицелившись, спустил правый курок.

Щелк!

— Осечка, чорт побери!—подумал Вьюжный и нажал левый...

Кабан грузно подпрыгнул и, взвизгнув, тяжело бухнулся на бок с раздробленной разрывной пулей головой.

Киргиз стал слезать с дерева.

— погоди!—крикнул Вьюжный— может он только ранен.

— Нет, тюрк ¹⁾,—ответил, спрыгивая, киргиз.—Прямо в голову! Хорошо твоя стреллет,—внезапно восхитился он.—Ай хорошо! Рахмат! ²⁾

— Рахмат-то, рахмат,—сурово ответил польщенный в душе Вьюжный— а ты вот зачем по тугаю шляешься? Ким сан? ³⁾

И пока Вьюжный критическим взором осматривал рваную грязную фигуру киргиза с рыженькой жесткой бородой, тот быстро и весело рассказывал, что его зовут Сарымсак Назарбеков, что он рыбак и живет тут, недалеко, в шалаше, над Дарьей, и что он пошел нарезать в тугай прутьев для плетенья корзин, слугнул нечаянно «чушку», и эта «чушка» чуть не съела его.

Вьюжный слушал и думал: одного Назарбекова пришил, другого Назарбекова же выручил. Кажется, я в рас-

¹⁾ Чплим—местный калян.

²⁾ Анаша—одуряющее курево.

³⁾ Сыр-Дарья—река в Средней Азии.

⁴⁾ Заросли.

⁵⁾ Помогите.

⁶⁾ Колочее дерево.

¹⁾ Хозяин.

²⁾ Спасибо.

³⁾ Кто ты?

счете и сыграл очко на очко с банкометом...

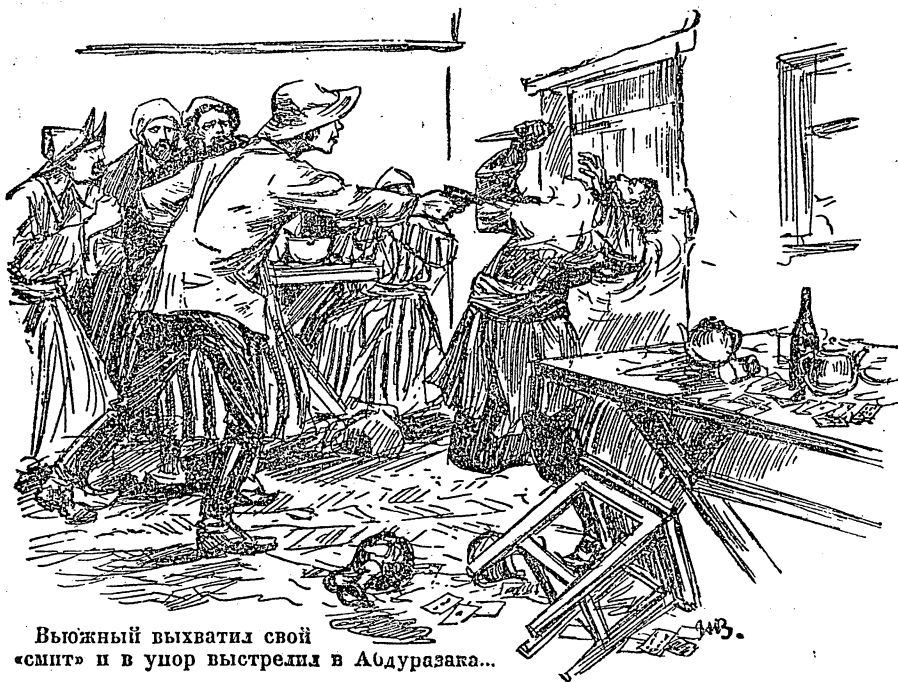
Киргиз кончил, посмотрел на Вьюжного хитрым взором и протянул плаксиво:

— Тюря! Нон бер! ¹⁾

— Ах ты, свиное отродье,—негодуя пзумился Вьюжный.—Я тебя выручил, да я же и хлеба давай.

Но киргиз так жалобно показывал на свой живот, что Вьюжный повел его к Дарьинскому берегу, где он оставил свои мешки и сумки.

Потом киргиз, почесав коричневое от загара и грязи тело, полез купаться, а Вьюжный, отобрав все патроны, снаряженные пистонами «Жевелло», по очереди вставлял их в ружье и щелкал курками, но кроме щелканья ничего не получалось. Сокрушенно покачав кудлатой головой, Вьюжный зарядил ружье патронами со своими пистонами и спустил курки. Горы далеко раскатили сочные выстрелы. Зарядив еще раз пистоны «Жевелло» и щелкнув курками попрежнему без-

Вьюжный выхватил свой «смит» и в упор выстрелил в Абдуразака...

На берегу, под тенью тугал, пока киргиз, причмокивая, уплетал хлеб, Вьюжный предавался горестным мыслям о нечестности людей. Месяц тому назад он купил у одного перса коробку ружейных пистонов «Жевелло». Пистоны «Жевелло» были редкостью, но от сырости ли или от старости, они оказались никуда негодными, и патроны, снаряженные ими, упорно давали осечки. До сих пор не выстрелил ни один пистон «Жевелло». Сколько неудач было у Вьюжного из-за них! Сколько дичи ушло из-под носа! Сколько крови он перепортил!

¹⁾ Хозяин. Хлеба дай.

успешно, Вьюжный отложил ружье, вынул коробочку с пистонами, отобрал «Жевелло» и, озлобленно выругавшись, бросил их в Дарью.

— Иди купаться,—крикнул ему киргиз.

— Иду,—ответил Вьюжный и стал раздеваться.

Потом, пожившись, он с розмаху нырнул в мутную воду, доплыл до киргиза и, схватив его за ногу, потащил его на дно. Киргиз со смехом вырвался и ловко, как обезьяна, вскочил на плечи Вьюжного... Так долго плавали и играли, точно дети, этот громадный белый великан и длинный, юркий киргиз. Потом Вьюжный

Кабан грузно подпрыгнул и тяжело бухнулся с раздробленной головой...

поплыл к берегу, вылез и, подставив под собой мешок, сел одеваться. Киргиз вылез после, и Вьюжный, глядя, как разбиваются струйки о его ноги, погруженный в раздумье, не заметил, как вздрогнул и даже сквозь свою почти черную кожу побледнел киргиз, увидев на руке Вьюжного вытатуированный какой-то фантастический цветок с шестью лепестками.

Не оборачиваясь, Вьюжный сказал киргизу:

— На, вот, нож и брусок. Наточи. Я от «чущки» мяса отрежу...—И опять задумался...

Что, делать теперь!.. Везде знают!.. Везде будут ловить!.. Как быть?..

...Из тяжелого раздумья Вьюжного вывел чей-то голос, тихо произнесший:

— Вьюжный!

— Что за чорт, — подумал Вьюжный — ослышался разве?

Голос повторил:

— Вьюжный!

Вьюжный быстро обернулся и обомлел.

Прямо против него, упершись спиной в срыв берега, держа ружье с взведенными курками и целясь ему прямо в голову, стоял киргиз и повторял:

— Вьюжный, Вьюжный!

Вьюжный как-то сразу погрузил все тело, а потом деланно свирепо закричал:

— Брось ружье, грязный дьявол! Что ты, мерзавец, ограбить что ли вздумал! Скот! Брось баловать!

А в голове пошел какой-то испуганный сумбур. Вьюжный рванулся было к киргизу, но киргиз внушительно дернул ружьем и не менее внушительно сказал:

— Сиди! Тихо!

Вьюжный сел, а киргиз, не спуская с прицела его головы, начал тихо и торжественно:

— Слушай! Ты — Вьюжный... Две недели назад узун-кулак ¹⁾ сказал мне, что моего брата Абдуразака убил в Коканде большой человек, у которого нет четырех зубов спереди, сломана рука и на руке нарисован цветок и что его зовут «Вьюжный». У тебя нет зубов, сломана рука... Ты — Вьюжный. Ты — убил моего брата. Слушай. Ты — спас меня. Спасибо тебе. Я в жизни не держал ружья, не убил ни одной птички и никогда бы не подумал убить человека, который меня спас. Но тебя я убью за брата. Так велит наш закон. Если я не убью тебя, я попаду в джонамхан (ад). Я не хочу быть в джонамхане. Я убью тебя. Так велел Магомет...

По мере того, как киргиз говорил, Вьюжному казалось, что его голова превращается в большой чугунный котел, а в стенки котла оглушительно и громко стучит:

¹⁾ Узун-кулак — дословно: длинное ухо. Смысл: людская молва. Это выражение принято в Средней Азии.

— Я убью тебя... Так велел закон...
Заходило солнце, заливая красной тусклой позолотой траву, и Вьюжному невыносимо дикой казалась мысль, что его, убежавшего от толпы, ждала смерть вот тут, на этом глухом берегу.

Из далёкого кишлака протянулся и серебряной ниточкой задрожал крик тонкий и тягучий:

— Ла-а-а! Иль ла-а-а!

И замирал, падая куда-то в долину.

И снова над шумливой Дарьей, над затихшим тугаем, над пыльными лентами дорог, над угрюмыми барханами дрожало и тянулось к заходящему солнцу:

— А-а-а-л-л-а-а!

И в третий раз прозвучал в воздухе, как далекий зов из каких-то неведомых, потонувших в нежном розовом золоте заката краев печальный напев:

— А-а-а-и-ль-ла-а-а!

Вспыхнул снег на далеких горах... зажглась первая звездочка... На небе стеклянный серп месяца рос и ширился... Потянулись от Дарьи кверху белые струйки тумана...

Вьюжному стало странно до ужаса... сейчас он умрет... Вот сейчас, когда вечер так обаятелен, когда так красиво гаснет заря! Его убьет спасенный им человек...

— Слушай!...— обратился он к киргизу.

— Молчи!...— перебил тот.— Если у тебя есть бог, попроси его, чтобы не послал твоей души в джонамхан...

И Вьюжному стала бесконечно дорога каждая минута жизни:

— У меня есть бог, — ответил он

срывающимся голосом и, встав на колени, зашевелил губами...

Губы шептали, а глаза зорко следили за стволами... Но стволы следовали за каждым поворотом шеи, вверх, вниз, влево, вправо...

Мысли мчались дикой толпой. Стало жутко, потом звериный ужас ледяными тисками сжал сердце Вьюжного... И вдруг опалила мозг догадка:

— Да ведь патроны-то в ружье с пистонами «Жевелло»!..

И Вьюжный почувствовал прилив дикой радости, рвущей ему грудь. Он даже задрожал мелко и часто.

Но потом, сразу овладев собой, он скользнул взглядом по киргизу. Тот стоял голый, держа ружье попрежнему на прицеле. Сзади киргиза на выступе лежал «смит» Вьюжного... У Вьюжного даже дух перехватило. Э-э-эх, был бы «смит» в руках!.. Да он и так, голыми руками удущит этого худощавого человечка.

Вьюжный опустил глаза на лежащий перед ним патронташ и торопливо осмотрел все пистоны, бегая глазами с одного желтого пятна на другое. Вьюжный помнил, что пистоны «Жевелло» покраснее цветом. Он осмотрел патроны раза по три. Так и есть! Двух «Жевелло» нет. Неужели он спасен! Неужели раз в жизни судьба встала на его сторону!

Потихоньку поднимаясь с колен, повертываясь к киргизу, Вьюжный спружинился и сразу, зажмурив глаза, бросился на стволы...

Навстречу ему блеснуло, грохнуло, ударило в грудь, и Вьюжный, застонав, тяжело, как мешок, упал на спину...

На этот раз пистоны «Жевелло» не дали осечки.

ТАИСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЬЮ-ИОРК В 3000-м ГОДУ

Рассказ К. ФЕЗАНДИЕ.

С английского.

I.

— Пеп,—сказал доктор Хэкенсоу,— не хочешь ли сделать со мной маленькое путешествие?

— Конечно, хочу,—с воодушевлением ответила Пеп.—Я всегда только и мечтаю о путешествиях. Куда ты собираешься на этот раз?

— Я задумал маленькое путешествие в трехтысячный год. Ты, наверно, захочешь сопровождать меня.

— Вся в твоём распоряжении. Только объясни мне, в чем дело.

— Я не шучу, Пеп. Я совершенно серьезен. Ты знаешь мою машину сновидений? ¹⁾

— Да, твою машину, которая заставляет людей видеть такие сны, какие тебе угодно.

— Вот именно. Так мы с тобой очутимся в трехтысячном году во сне. Лицо Пеп вытянулось.

— Ах, это совсем не интересно!—сказала она.

— Не интересно? Так ты только попробуй и тогда убедишься. Ты немного потеряешь, потому что сон будет продолжаться всего час. Но мне ты сделаешь большое одолжение. Я последнее время производил опыты, заставляя двух людей видеть одновременно во сне одно и то же, то есть, соединяя их в одном и том же сне. Это—нелегкая задача, потому что мозг каждого человека имеет свои индивидуальные особенности; и всякое слово вызовет совершенно различное течение мыслей у каждого. Я, например, теперь делаю опыты с двумя влюбленными, которые разделены на лето. Я стараюсь дать им обоим каждую ночь один и тот же сон, внушая им с помощью фонографа слова: «озеро...

¹⁾ См. «Мир Приключений», № 3 за 1925 г.

луна... лодка... перевортыается... спасай ее!» Это, конечно, заставит влюбленных видеть во сне в одно и то же время прогулку на лодке, лодка опрокидывается, и он спасает свою возлюбленную. В деталях может быть и, конечно, будет разница, но я стараюсь, чтобы все возможно больше совпадало. И влюбленные уверены, что действительно встречались в мире сновидений. Опыт был так удачен, что я хочу попробовать взять тебя с собой во сне.

— Хорошо,—покорно согласилась Пеп.—Я готова пожертвовать часом, если это доставит тебе удовольствие.

— Спасибо... я думаю, что ты не пожалеешь. Запись фонографа уже готова. Когда ты войдешь в стеклянную комнату, я урегулирую температуру, движение воздуха и остальные приспособления, так что они будут работать механически. Потом войду к тебе, и можно будет начинать. Ляг, пожалуйста, на диван у стены, а я лягу на другой. Вот так... ты готова. Я тоже готов. Теперь я нажму кнопку, и мы начнем опыт. Раз, два, три... готово.

С этими словами доктор нажал кнопку, которая должна была унести их на тысячу лет вперед.

В стеклянную комнату стал проникать спотворный газ, и скоро доктор и Пеп впали в глубокий сон. Потом порыв ветра выгнал этот газ, и ничего не было больше слышно, кроме фонографа, глухим голосом повторявшего слова, которые должны были достигнуть сознания спящих и заставить их видеть во сне трехтысячный год со всеми его усовершенствованиями и изобретениями.

II.

— Вот, мы и приехали, Пеп,—воскликнул д-р Хэкенсоу.—Мы, должно быть, в трехтысячном году, а город все тот же Нью-Йорк, хотя я не вижу

ни домов, ни людей. Ах, вот идет кто-то!

— Я тут, с тобой, — воскликнула Пеп. — Но что это за чучело! Посмотри-ка, у него совсем нет волос на голове. — Он лысый, как бильярдный шар. Послушай, шар, — задорно крикнула она, — зачем это ты обрил голову? Коровы испугаются тебя, когда ты вернешься домой.

Человек, к которому она обратилась с этими словами, удивленно оглянулся на них. Особенно удивили его, видимо, волосы обоих и борода доктора.

я вижу. Но я слышала про волосатых дикарей, которые жили тысячу лет тому назад.

— Волосатые дикари! — гордо выпрямившись, воскликнула Пеп. — Это вы про нас говорите?

— Конечно, но я совсем забыла, что должна сообщить о вас в газеты. За обыкновенную новость они платят только сто долларов, но вы, вероятно, стоите от пятисот до тысячи долларов. Подождите немного, пока я наведу справку, не дали ли уж знать про вас.

— Послушай, шар, — задорно крикнула Пеп, — зачем ты обрил голову?

— Кто вы? Откуда вы? — воскрикнул незнакомец вне себя от удивления.

— Мы иностранцы и приехали к вам в гости.

— Какой ваш номер? Мой — 82 и 325.

— Что это значит? — спросила Пеп.

— Это значит, что я родилась в 2892 году в городе Нью-Йорке, и мое рождение было записано 325. Нечетное число означает, что я девушка. Четные номера даются мальчикам. Выходя замуж, мы прибавляем букву Z.

— Неужели вы девушка? — воскликнула Пеп. — Девушка без волос? Это ужасно!

— В Нью-Йорке ни у кого нет волос. Вы — первые волосатые люди, которых

С этими словами она вынула из кармана золотое кольцо на длинной нитке и надела его на палец.

— Ура! — воскликнула она минуту спустя. — Ваше появление еще неизвестно газетам: это для меня находка. Послушайте сами сообщение о вас. Вот каждому из вас кольцо и микрофон, чтобы вставить в ухо.

Доктор и Пеп покорно надели кольца и с микрофонами в ушах ждали, что будет дальше. Минуты две ничего не было слышно, потом вдруг раздался громкий голос:

— Два волосатых существа из древнего мира посетили Нью-Йорк — один мужчина и одна женщина. Они одеты в чужеземное

платье и говорят на почти непонятном староанглийском языке.

Эти слова сопровождалась их портретами, которые каким-то непонятным образом отразились в их мозгу. Очевидно, вибрации микрофона сообщались через слуховой нерв к какому-нибудь центральному нервному узлу и оттуда передались главному нерву.

Минуту спустя, уже другой голос обратился непосредственно к ним:

— «Нью-Йоркский Ежедневный Распространитель Известий» заплатит вам сто тысяч долларов за полный отчет о себе. Начинайте.

Доктор Хэкенсоу молчал в нерешимости, но Пен, для которой сто тысяч было состоянием, торопливо начала рассказ о себе и о докторе. Когда она кончила, голос сказал:

— Благодарю вас. Сто тысяч долларов положены на ваш счет.

— Как вы счастливы!—воскликнула девица тридцатого века.—Меня зовут Электра, и я тоже получила, но тысячу долларов, за сообщение о вас.

— Это очень хорошо, мисс Электра,—сказал доктор Хэкенсоу,—но я должен попросить у вас объяснений. Прежде всего, где мне достать газету?

— Что вы хотите сказать? Вы ведь только что слышали новости, да вы сами были этими новостями.

— Но разве у вас нет печатных газет?

— Да, несколько тысяч печатается для библиотек и для глухих людей. Но вам пришлось бы заранее заказать себе экземпляр. Но на что вам газета?

— Я мог бы прочесть ее.

— Что за смысл? Все это было очень хорошо в 1900 году, когда Нью-Йорком управлял индейский вождь Тамману, но не в наши дни.

— Что такое?!—воскликнул д-р Хэкенсоу, перебивая ее.—О, я понимаю. Боюсь, что ваши историки слегка перенутили факты, касающиеся Нью-Йорка. Но, в конце концов, это неважно.

— В наши дни,—продолжала Электра,—мы носим в кармане телефон и получаем прямо из газет последние известия. Стоит вам прислушаться, и вы услышите все последние но-

вости. Если хотите, вы можете услышать таким же образом и старые известия. Что касается книг, то за ними вам пришлось бы обратиться в библиотеку. Скажите, что вам нужно, что сообщит вам новинки в этой области и пришлет вам также и иллюстрации. Он прочтает вам несколько глав из любого романа.

— Но разве у вас не имеется книг дома?

— О, да, у нас есть микроскопические книги, но их мало употребляют, потому что вы скорее услышите что-то из библиотеки, чем возьмете в руки книгу.

— Что это за микроскопические книги?

— Это книги, сфотографированные в очень маленьком размере, и их можно читать только через микроскоп. Тысячу лет назад книги были огромные. Небольшая библиотека в сто тысяч томов заняла бы целый дом. Такие книги было очень неудобно читать. Миллион наших книг займет не больше места, чем тысяча прежних. Иллюстрации сняты с природы цветной фотографией, и книги можно читать или слушать в фонографе. Это большое преимущество. Каждая страница имеет свою фонографическую запись. Микроскоп и громкоговоритель заключаются в маленьком компасе и помещаются в кармане.

— Скажите, почему у вас нет волос на голове?—спросил доктор Хэкенсоу.

— Волосы — это негигиенично. Они — рассадник всяких микробов. Кроме того люди стали все раньше и раньше лысеть, и доктора решили совершенно уничтожить волосы. Людям волосы теперь совсем не нужны, и они стали лишь реликвией тех дней, когда люди были дикими зверями, и волосы защищали их от погоды. Когда у нас рождается ребенок, волосы его тотчас уничтожаются с корнями. Вот почему у нас нет ни волос, ни бороды. Зубы наши тоже уничтожаются с самого рождения, пока они еще не начали нас мучить. Вы не можете себе представить, как мне было странно видеть вас с зубами!

— Нам было также странно видеть вас без зубов!—воскликнула Пеп.

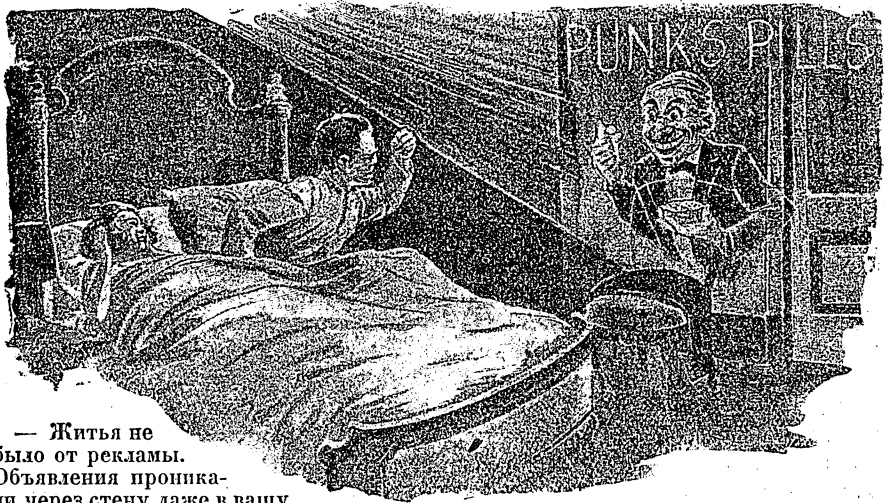
— Вы находите? Ну, так если вы послушаете газетные новости, вы узнаете, что больше всего нас поразила не ваша волосатость, а эти хищные зубы, делающие вас похожим на каннибалов. Мы уничтожаем зубы не только ради того, чтобы избежать зубной боли. Зубы—великолепный рассадник микробов. Наши десны становятся тверже и пищу мы употребляем мягкую, поэтому зубы нам совершенно не нужны. Они необходимы только животным, которые разрывают и жуют пищу. Но, извините

— Я хотела бы иметь смелость,—воскликнула Пеп,—подходить к красивым молодым людям и приглашать их в увеселительную поездку.

— Я была уверена, что он не откажется. Мой отец стоит во главе Микробной фабрики.

— Что такое?

— Да, он изготавливает микробов бочками и отправляет их морем во все страны света. Конечно, только небольшое количество этих микробов служит для борьбы с болезнями. Тут, главным образом, имеется в виду применение их в промышленности. Земледельческие микробы—для удобрения

— Житья не было от рекламы. Объявления проникли через стену даже в вашу спальню...

меня, вот человек, с которым я хотела бы поговорить.

Она отошла от них, но снова вернулась, несколько минут спустя.

— Все хорошо,—сказала она,—я пригласила его на воздушную прогулку.

— Это ваш близкий знакомый?—спросила Пеп.

— Нет, но мне давно нравится его внешность. Я заметила на его пуговиде его личный номер, протелефонировала в газету и получила о нем все сведения. Они оказались удовлетворительными и я подошла к нему и пригласила его. Он запросил газету обо мне и, вероятно, тоже получил недурные сведения, иначе он не принял бы моего приглашения.

почвы, химические микробы—для различных химических процессов, молочные микробы—для приготовления масла и сыра, микробы брожения—для производства алкоголя и т. д. Отец изготавливает тысячи сортов, и каждый сорт в огромном количестве.

— Простите меня, что я меняю тему,—сказала Пеп,—но что надо сделать, чтобы получить сто тысяч долларов, обещанных нам «Ежедневным Распространителем Известий?»

— Эта сумма уже имеется на вашем счету в конторе. Мы не употребляем денег. Все делается в кредит. Деньги грязны и служили для распространения микробов. Кроме того, деньги вели к воровству. Кредит гораздо спокойнее. Если контора сомневается в вашей кредитоспособности, она телефонирует в центральную контору, чтобы

узнать, достойны ли вы доверия. Отпечаток пальца служит подписью. Подделывать такую подпись нельзя, так как она кладется при конторщице. Не может быть обмана и с кредитоспособностью.

— Что меня поражает у вас, — сказал доктор Хэженсоу, — это отсутствие объявлений. Я думал везде увидеть объявления, рекомендующие «Пилюли Пенкса» или «Мыло Сюзи».

— Объявления запрещены, — ответила Электра, — или разрешаются в очень ограниченных рамках. Было время в 2000 году, когда объявления, положительно, изводили людей. Стены домов, мостовые улиц, экипажи и даже небо были постоянно покрыты сверкающими и меняющимися объявлениями. Ночью было еще хуже, чем днем. Со всех сторон сверкали меняющиеся разноцветные надписи. Употреблялись для этого X-лучи. Посредством их, объявления проникали через стену даже в вашу спальню. Но этого мало. Громкоговорители, доводя до иступления, без усталы трубили вам в уши о достоинствах «пуговиц Бэрна» или «панталон Питера».

В результате был издан строгий закон, разрешавший делать объявления только в книгах и журналах. Публика получила даром объявления. Вы могли выбрать себе целую библиотеку таких книг и получали их даром, да еще вас благодарили за то, что вы соглашались их принять. Издатели стали очень разборчивы и хотя публикующие и платили им большие

деньги, но они стали принимать только первоклассные объявления, как наиболее выгодные. А потом объявлениям пришел конец самым естественным образом, когда было образовано «Генеральное Агентство Закупок».

Если вам нужно что-нибудь, начиная с булавки и кончая домом, марка или билет в театр, заходите в ближайшую контору агентства и дайте заказ. Вы можете быть уверены, что получите самое лучшее, что только можно получить на назначенную вами сумму. Они продают дешевые товары, но «дряни» у них нет. У них бывают и подержанные вещи, и они могут приобрести у вас за хорошие цены предметы, от которых вы хотите отделаться.

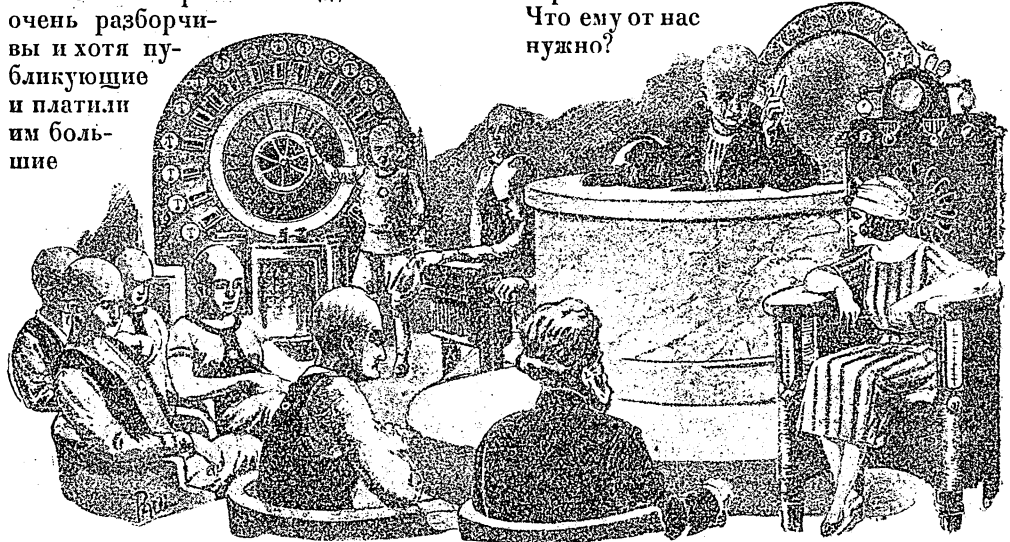
Это убило объявления. Незачем было убеждать публику, что «Пилюли Пенкса» самые лучшие. Кроме того товары стали дешевле, так как не было больше затрат на публикации. Агентство отыщет для нас любой, нужный нам предмет. Если вы им сообщите о ваших вкусах, например, в литературе, они всегда будут держать вас в курсе всех появляющихся новинок.

Электра еще долго продолжала свой рассказ, если бы подлетевший аэроплан не изменил хода ее мыслей.

— Полицейский аэроплан летит за нами! — воскликнула она.

— Полицейский аэроплан? — переспросила Пеп.

Что ему от нас нужно?

Бессмысленно продолжать, — сказал судья, — вы лукавите...

— Они, вероятно, хотят вас дезинфицировать, вот и все. Почти не может быть сомнения, что в ваших волосах имеются микробы, и вы можете занести в город эпидемию.

В это время к их ногам грациозно и почти бесшумно спустился небольшой аэроплан. В нем не было ни одного пассажира.

— Садитесь, — сказала Электра. — Аэроплан автоматически привезет вас на полицейский пункт.

— Вы, может быть, поедете с нами?

— Я не могу, мне нужно отправиться за своим желудком. Я отдала его на прошлой неделе в чистку.

— Что такое?

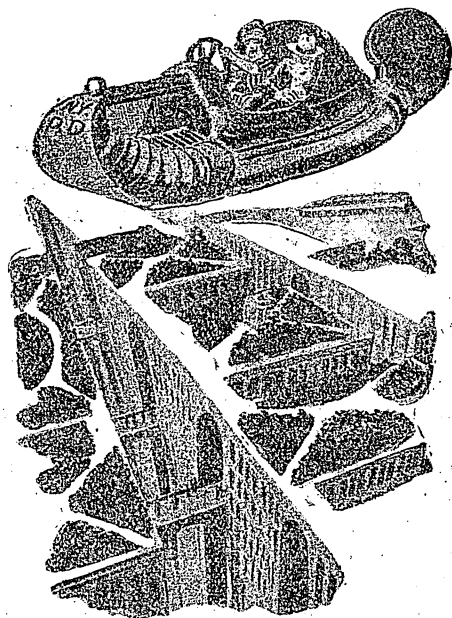
— Да, мой желудок болел и плохо работал. Мне его вырезали, и я отправила его в чистку в госпиталь. Временно мне вложили другой желудок. Но я предпочитаю свой собственный. Я привыкла к нему и хочу получить обратно. Моя печень тоже требует внимания, но я оставляю это до будущего месяца.

Поблагодарив Электру за ее любезность, доктор и его спутница вошли в аэроплан, и Пеп нажала кнопку. Машина тотчас же поднялась на воздух, и они полетели над крышами прекрасного города, похожего на какой-то сказочный сад. Все крыши, засаженные кустами и цветами, были на одном уровне.

— Очаровательно! — воскликнула Пеп. — Раз уж нам необходимо ехать на полицейский пункт, так я развлекусь немного по дороге. Я хочу научиться управлять этой машиной. Это кажется легче, чем управлять нашими аэропланами.

Напрасно просил ее доктор Хэкенсоу не трогать рычагов. Своевольная девушка схватила колеса и была в восторге, что машина повиновалась ее малейшим движениям. Это удивляло и восхищало ее.

И неизбежное случилось. Не зная местных законов передвижения, Пеп взяла неправильное направление и, встретив целую эскадрилью в сотню аэропланов, потеряла голову и налетела на один аэроплан. Обе машины получили серьезные повреждения и упали на землю. К счастью, ни Пеп,

Они полетели над крышами-садами прекрасного города...

ни доктор, не получили ушибов, но пассажир другого аэроплана был менее счастлив и сломал при падении руку.

В то время, как доктор Хэкенсоу осматривал поврежденному руку, к ним подбежал бойскаут и сказал:

— Вас немедленно просят явиться в полицию, сэр.

Войдя в аэроплан, он знаком пригласил их следовать за собою.

Скоро они очутились перед Судом Общественной Безопасности. Пеп начала длинный рассказ обо всем происшедшем.

— Подождите минутку, — сказал судья, — вам придется сесть на «Стол Истины».

С этими словами он нажал кнопку, и в комнату, без посторонней помощи, вошло странное кресло, движимое, очевидно, каким-нибудь невидимым механизмом. К креслу были прикреплены всевозможные термометры и дифферометры.

— Садитесь на это кресло, — сказал судья. — Положите руки на ручки кресла и расскажите про ваш несчастный случай. Я сейчас же узнаю, если вы будете лукавить, говорить неправду, преувеличивать или умалчивать о чем-нибудь. Одновременно с фонографическою записью получится изображение каждого удара вашего сердца, расширение или сокра-

щение ваших кровеносных сосудов и всех переживаемых вами чувств, как злоба, страх и тому подобное. Словом, я буду читать ваши мысли и узнаю, насколько я могу доверять вашим словам.

Смущенная Пеп села в кресло и снова начала свой рассказ. Но судья скоро прервал ее:

— Бессмысленно продолжать, — сказал он. — Электрический свет позеленел, а сердечный дифферблат показывает 33. Вы не хотите лгать, но вы лукавите. Начните сначала и говорите всю правду. Иначе мне придется вас загнипотизировать и в гипнотическом трансе добиться от вас признания.

После такого наставления Пеп начала снова рассказ и теперь уже говорила правду. Когда она кончила, судья коротко произнес:

— Виновна. И должна понести наказание.

— Но я не хотела причинить зла, — рыдала Пеп.

— Да, но вы были легкомысленны и причинили этим вред. Вы должны заплатить за это.

Тут вмешался доктор Хэкенсоу.

— Я заплачу за сломанную руку, — сказал он. — Мы имеем здесь кредит в сто тысяч долларов.

— Деньгами нельзя заплатить за страдания, причиненные сломанной рукой, — возразил судья.

— Чем же мы можем вознаградить за сломанную руку? — в недоумении спросил доктор Хэкенсоу. — Не хотите же вы сломать мисс Пепите руку, потому только, что она имела несчастье сломать руку этому человеку?

— Конечно, нет. Это было бы так же глупо, как и приговорить убийцу к смерти. Мы заставляем убийцу расплачиваться перед обществом за убитого им человека тем, что он должен спасти от смерти сто человек.

— Вы хотите сказать, что делаете его в наказание спасителем жизни? — спросил все более и более пораженный доктор Хэкенсоу.

— Да, но убийца должен не только рисковать своей жизнью, он должен испытывать также и страдания, и болезни. Короче говоря, он должен слу-

жить для опытов, делаемых врачами, изучающими способы излечения болезней. Ему прививают бактерии болезней, и он должен помогать прогрессу науки. Только таким образом может он выплатить обществу свой долг. Сто человек он, конечно, никогда не сможет спасти от смерти, а такие эксперименты могут спасти бесчисленные жизни и в будущих поколениях. Конечно, нельзя определить, сколько человек спасается одним опытом; но наши доктора великодушны, особенно когда опыт сопровождается страданиями. Пациент обыкновенно счастлив искупать свою вину способом, который возвращает его опять в среду себе подобных. Мы всегда предлагаем ему взамен операции уснуть на пятьдесят или сто лет, но он всегда предпочитает операцию. Было только одно или два исключения... Вот эта молодая женщина из-за своего легкомыслия сломала человеку руку. Она должна заплатить ему за повреждение деньгами и в то же время подвергнуться легким физиологическим опытам.

— Но, судья... — начала Пеп.

— Апелляции не может быть. Операционная комната примыкает к этой, и приговор может быть сейчас же приведен в исполнение.

Испуганную девушку втолкнули в соседнюю комнату, где ее поджидали уже с полдюжины докторов и сестер милосердия. Ее посадили в кресло, где крепко держали, пока один из докторов стерилизовал ланцет, чтобы сделать на руке Пеп прививку. А потом...

А потом она проснулась.

— Какое счастье! — воскликнула она. — Я проснулась как раз вовремя. Еще минутка, и я была бы полна микробов. Проснись, — крикнула она, трясая за рукав доктора Хэкенсоу.

Доктор медленно открыл глаза.

— Пеп, — сказал он, — ты счастливо отделалась. Но пусть это будет уроком для тебя. Когда тебе захочется неосторожно кататься на автомобиле, подумай, что было бы, если бы тебе пришлось заглаживать всякую неосторожность и отдавать ногу за ногу твоей жертвы, руку за руку, жизнь за жизнь!

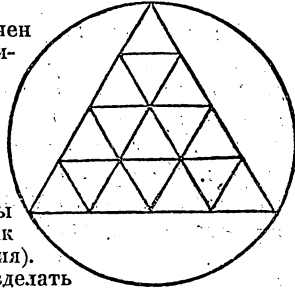
НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

ИСПЫТАЙТЕ ВАШИ СПОСОБНОСТИ!

Задача № 30.

Треугольник в круге (для испытания памяти).

В круге начерчен треугольник, разбитый на ряд меньших треугольников. Попробуйте из любой точки пройти все линии, не проходя их дважды (круг считается так же, как одна линия). Если вы сумеете сделать это впродолжение 14 минут, то вы обладаете недурной памятью. (Ответ см. на стр. 114).

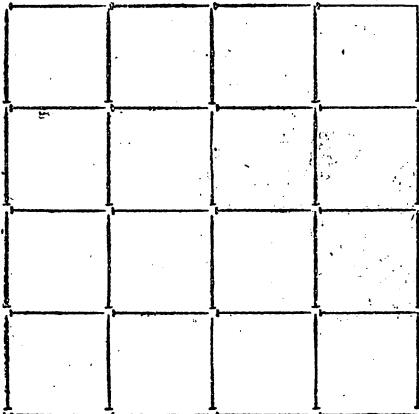

Задача № 31.

Квадраты из булавок (испытание аналитической способности мышления). (Ответ см. на стр. 114).

Из булавок сложена фигура, состоящая из 16 маленьких квадратов, образующих собою ряд квадратов большего размера — всего 30 квадратов разной величины. Какое наименьшее число булавок должно быть снято, чтобы внутри фигуры не осталось ни одного квадрата?

На решение этой задачи надо потратить не более 10 минут при хороших аналитических способностях.

Решение „Народной задачи“ № 29, помещенной в № 7 «Мира Приключений».

Чорт получил 16 купцов, 4 торговцев и 80 разносчиков.

$$16 \times 5 + 4 \times 3 + 80 \cdot \frac{1}{10} = 100$$

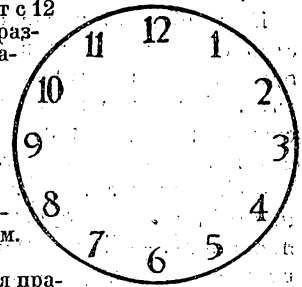
Это — единственное решение задачи.

Задача № 32.

Круг с цифрами (испытание в умении комбинировать фигуры)

Этот циферблат с 12 цифрами надо разбить на 6 неодинаковых частей любого вида так, чтобы в каждой части было по две цифры, сумма которых равнялась 13. (Ответ см. на стр. 115).

Для нахождения правильного ответа надо затратить не более 4-х минут.

Задача № 33.

Корзины с яйцами (для испытания быстроты счета).

Часть этих корзин содержит куриные, часть — утиные яйца. Продавец говорит: «если я продам все яйца из этой корзины, в оставшихся яйцах на два куриных придется одно утиное яйцо». Число яиц написано на каждой корзине. Какую из них торговец должен продать, чтобы произвести свой опыт? (Ответ см. на стр. 115).

Если эта задача вами решена в 11 минут, то вы умеете быстро считать в уме.

Почтовый ящик.

К. К. Безину: Редакция получила письмо: Ваш племянник, разыскивающий Вас, встретил Вашу фамилию в списке решивших и просит Вас сообщить свой адрес ему, по адресу: Г. Минск, Пом. Нач. Особ. Отд. Г.П.У. Белоруссии, Леониду Александровичу Вершинину.

Самое страшное

Рассказ Мих. ДЖИГАН.

Каждый день после обеда большинство столовавшихся в кают-компании оставалось на месте покурить и поболтать. Когда все анекдоты были пересказаны, перешли к различным историям и воспоминаниям.

— Первым заговорил судовой врач, молодой человек с рыжими волосами и в очках. — Я вам расскажу случай, который произошел лично со мною. Именно тогда, первый раз в жизни, я узнал настоящий страх.

— Это было на фронте, в эпоху голода, холода, тифа и железнодорожных мытарств, короче говоря — во время гражданской войны. Я возвращался с фронта, получив перевод в другую часть. Дело было зимой, в трескучий мороз, а ехать пришлось в телячьем вагоне, без всякого, конечно, отопления.

В то время на фронте свирепствовала эпидемия тифа. В некоторых полках здоровых оставалось тридцать-сорок человек из всего состава. В прифронтной полосе целые деревни поголовно лежали в тифозной горячке. В нашем вагоне тифозные и здо-

ровые валялись все вместе, вповалку, и благодарили судьбу, что удалось найти кусочек места: вагон был настолько переполнен, что за нуждой приходилось идти буквально по спинам и головам.

После обеда в кают-компании оставались покурить и поболтать...

Мы грелись нашим естественным, так сказать, теплом, теснее прижимаясь друг к другу. С одной стороны у меня был соседом какой-то красноармеец. От него буквально несло жаром. Не нужно было быть врачом, чтобы определить у него тиф. Но на фронте не привыкают к сентиментальности. Я поближе прижался к соседу, чтобы спастись от лютого холода, пронизывающего насквозь. Так, в тесной обнимке с тифозным, я забылся тяжелым сном, не замечая наступавших на меня время от времени солдатских каблуков.

Утром я проснулся от дьявольского холода. Мой сосед был холоден, как лед. — Успокоился, бедняга! — решил я и попытался встать, чтобы освободиться от несовсем приятного соседства. Но тут я с ужасом почувствовал, что не могу исполнить своего решения: мертвец сжимал меня, словно железными тисками, в своих околоченных объятиях. Потеряв всякое уважение к мертвому, я грубо, изо всех сил, начал отталкивать его от себя:

я боролся с ним, стремясь уйти от него, как на арене в цирке слабый борец старается вырваться из объятий более сильного противника. Однако, все мои усилия были напрасны. Мертвец окостенел

и, видимо, не собирався выпустить меня из своих рук...

И вот тут-то я почувствовал страх, нет, что я говорю—ужас, животный ужас! Волосы дыбом поднялись у меня на голове и дыганский пот пробрал меня до костей. Я закричал — дико, не своим голосом, перепугав всех спящих пассажиров. Они повскакали с мест и несколько человек бросились ко мне с ругательствами и вопросами. Поняв в чем дело, они дружными усилиями попытались оттащить от меня мертвеца. Но мертвец держал меня в мертвой хватке, как будто ему жаль было расстаться со мной. И только, когда под дружными усилиями полдесятка человек, у моего соседа загрестили кости и руки его были вывернуты,—я выбрался, наконец, из его ледяных объятий. Но долго после того, и во сне и наяву, мне чудился мой страшный спутник, и даже сейчас еще я вспоминаю

Мертвец сплмал меня в своих оочечевших объятиях...

о нем с невольной внутренней дрожью...

Врач замолчал. Тема была богатая, и присутствующие наперебой начали вспоминать страшные случаи из своей жизни. Следующим рассказчиком выступил механик Семиверстов.

— Раз уж мы начали про мертвецов, — заговорил он, выпуская дым колечком, — давайте и я расскажу об одном маленьком случае.

Я не могу назвать себя трусом, но мертвецов органически не перевариваю. Однажды, на германском фронте, пошли мы ночью ставить проволочные заграждения. Мы, по два человека, несли так называемые рогатки. На месте, скрепляясь одна с другой, эти рогатки и составляют заграждение. А как раз перед тем на нашем участке был большой бой. Мне пришлось

наблюдать его. Пришел приказ — во что бы то ни стало прорвать неприятельский фронт. И вот, в течение нескольких дней, цепь за цепью, без перебежек, шли с оркестрами на смерть сибирские полки. У немцев расплавлялись пулеметы, взрывались от перегрева орудия. Ряд за рядом косил сибирцев свинцовый дождь. А они все шли и шли вперед, будто зачарованные адской музыкой канонады...

После боя, окончившегося неудачей, мы начали укреплять свои позиции, разрытые до основания ураганным огнем германцев. И вот, как я уже сказал, темной ночью пошли мы ставить рогатки. Работа происходила на виду у неприятеля.

Приходилось быть сугубо осторожным. Шли ошупью — на расстоянии руки ничего не было видно. В одном месте мы с товарищем начали спотыкаться и вязнуть в каком-то странном грунте. Пройдя еще не-

сколько шагов, я поскользнулся и упал, с грохотом уронив рогатку. Пальцы мои увязли в какую-то кашу, вонючую и липкую. В этот момент поблизости взвилась ракета, и я увидел то, обо что мы спотыкались: это было кладбище погибших сибирских полков...

На равнине лежали навороченные груды полуразложившихся, смешавшихся в какое-то кровавое месиво, трупов. Я увидел перед самым лицом устремленный на меня остекленевший глаз и нелепо вырванные вместе с верхней губой усы...

Было светло, как днем: тысячи ракет прогнали вдруг ночную темноту. Невдалеке, захлебываясь, сердито затявкали пулеметы. С визгом и стоном взорвалась где-то рядом граната. Вместе с темнотой исчезла и тишина:

разбуженный демон войны завыл, застонал, заржал чудовищным хохотом.

Мои товарищи лежали, тесно прижавшись к тому, что заменяло здесь землю — слою человеческих трупов. В этом было спасение; переждать, пока утихнет внезапно вспыхнувшая канонада. Я это знал. Но картина, которую я увидел при свете ракеты, была для меня страшнее самой страшной канонады. Рискуя жизнью, я схватился и побежал, не помня себя, с одной мыслью — выбраться как-нибудь из этой долины ужаса. Пули жужжали вокруг меня, оглушали и ослепляли взрывы снарядов — но я ничего не чувствовал, ничего не сознавал: все бежал и бежал без оглядки, спотыкаясь, падал, пока, наконец, не выбрался туда, где под ногами почувствовалась настоящая земля.

Не знаю, каким чудом остался я жив во время этого бегства. Впоследствии, в землянке, мы часто вспоминали эту памятную ночь. Но товарищи надо мной не смеялись. Они не раз видели меня в бою и знали, что мое бегство в разгар канонады скорее можно назвать отчаянным, сумасбродным героизмом, нежели трусостью. Однако, на это героизмо подвинула меня именно трусость — трусость перед ужасом, среди которого я очутился...

— Ну, теперь твоя очередь! — обратились мы к задумчиво слушавшему рассказчикомолодому радисту Шурке, после того, как еще несколько человек рассказали свои истории. Вспомни что-нибудь, только пострашнее...

Шурка грустно улыбнулся:

— Право, со мной не

случилось никаких таких особенно страшных приключений, а выдумывать я не умею...

— А ты не выдумывай, рассказывай из жизни что-нибудь!

— Ну, ладно, — сказал он после небольшого раздумья. — Только предупреждаю, что в моей истории не будет ни крови, ни убийств, ни мертвецов, ни пушечной пальбы. Это, в сущности, не история. Это — гвоздь, который сидит у меня в мозгу с тех пор, как на одной свадьбе...

— Ха-ха-ха! Мы, значит, благополучно съехали с ужасов на веселые свадьбы! — невольно засмеялась вся компания.

— Не все свадьбы обязательно веселые, — не смутился рассказчик. — Так вот, однажды, когда я был еще на военной службе, во время маневров, мы остановились в небольшой глухой деревушке. Там-то я и попал на свадьбу. Я был в числе зрителей, пришедших потолкаться в сених и посмотреть на молодых.

В сущности, молодой была лишь невеста. Она была не только молода, но и красива. Я не видел ангелов, но я уверен, что если бы самый смазливый из них увидел ее краешком глаза, у него получилось бы от зависти несварение желудка. Если бы я был по-этом или занимался живописью, я попытался бы нарисовать вам ее портрет. Она была почти девочка. Образно

выражаясь, она напоминала полураспустившийся бутон, на котором дрожат алмазы утренней росы.

Я хорошо запомнил эти алмазы: они дрожали на ее длинных ресницах, время от времени

На равнине лежали груды полуразложившихся трупов...

скатывалась вниз хрустальными каплями. Гости были пьяны и веселы и не обращали на невесту внимания. А если бы и обратили — так ведь невесте полагается плакать по обычаю. Чем больше она ревет, тем лучше.

Рядом с невестой сидела жаба...

Рядом с невестой сидела жаба...

Как ни сильно это выражение, оно не сможет, однако, передать вам и сотой доли того чувства гадливости и отвращения, которое я испытал при взгляде на жениха.

— Кто это чудовище — жених, и почему эта прелестная девушка согла-

силась выйти за него замуж? — спросил я шепотом одного из зевак.

— Это, — получил я ответ, — местный ростовщик. Он купил эту девушку, сперва разорив, а затем спонсировав слабохарактерного отца...

В это время гостинестрой-

ными, пьяными голосами закричали: горько! Чудовище, улыбаясь, как жаба, пролинуло свои мокрые лапы к цветку...

Радиэт окончил свой рассказ и поглядел на слушателей. Все молчали. И никто почему-то не смеялся его нелепой свадебной историей...

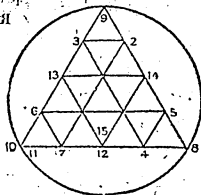
НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 30.

Треугольник в круге (для испытания памяти).

Начав обход фигуры из цифры 1 и следуя по порядку написанных здесь цифр, можно обойти всю фигуру в 14 штрихов, считая круг за один штрих.

Задача № 31.

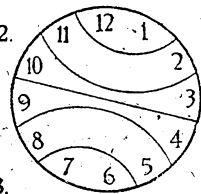
Квадраты из булавки (испытание аналитической способности мышления). Смотрите рисунок. Надо снять девять булавок.

Задача № 32.

Круг с цифрами (испытание в умении комбинировать фигуры).

Решение этой задачи видно из рисунка.

Задача № 33.

Корзины с яйцами (для испытания быстроты счета).

Продавец сперва продал корзину с 29 яйцами, тогда останется в других корзинах 60 яиц, из коих 40 штук куриных, которые лежат в 3 корзинах, содержащих в себе 23, 12 и 5 яиц.

Список лиц, приславших решение задачи № 5 отдела „Переплетенные Слова“ (реш.—см. № 7 «Мир Прикл.»).

Подпрятова 3, Рысев—, Каспаров 20, Арутюнова 30, Соловьевич—, Головченко 20, Тарасов—, Андреев 67, Рыбинский—, Фридрих 37, Поредский 5, Прусовский—, Ахметьев 70, Киселева—, Николаев 10, Полонина 45, Горбытев—, Когтев—, Сулейман—, Багрова 11, Солидев—, Нишолитов 120, Майский—.

Всего 23 правильных ответа. Остальные — не верны.

Премии получают: В. Головченко (Харьков), А. И. Арутюнова (Баку) и А. В. Каспаров (Баку), как указавшие наиболее точно вероятное число могущих быть признанными правильными решений.

Вонючка

Рассказ К. КЛАУЗЕНА.

С немецкого пер. Г. А. ЗУККАУ.

Леон Пэджи, директор-распорядитель компании «Космо-Фильм», бросил письмо, которое он только что прочитал, в проволочную корзинку на письменном столе и взялся за следующее, лежавшее перед ним. Но его рука, нахоленом толстом среднем пальце которой виднелся скромный, чистойшей воды, трехкартник в платиновой оправе, в нерешительности повисла в воздухе и затем снова вынула письмо из проволочной корзинки. Тень неудовольствия пробежала по румяному лицу директора. Он надел черепаховое пенсне, висевшее на черной тесемке вокруг его короткой, толстой шеи, и в третий раз прочел:

Господину директору-распорядителю компании «Космо-Фильм». Голливуд.

Милостивый Государь,

год тому назад я послал вам сценарий для фильма под названием «Месь во время бури». После трех месяцев получил от вашей драматической секции обратно за непригодностью. Вчера я видел в здешнем кинематографе кино-драму постановки компании «Космо-Фильм», в которой встречаются многие места из моего сценария. Без сомнения, вы лишь по ошибке не послали гонфрара, причитающегося мне за мой сценарий. Буду ждать Вашего чека в течение десяти дней. С совершенным почтением Стефан Кардиган.

Цедар-Крик (Калифорния).

Господин Пэджи опять нахмурил брови. Потом он нажал кнопку электрического звонка. Явился Мустдарсон, главный режиссер компании «Космо-Фильм».

— Прочтите-ка это! — сказал директор и бросил письмо через стол.

Мустдарсон своими воспаленными глазами быстро пробежал его.

— Ерунда! — сказал он, — плевать нам на это!

— Как так плевать? — возразил Пэджи. — Но вы, ведь, знаете, что нельзя пользоваться чужими идеями, если нет в том крайней надобности, а если уж это делать, то надо быть твердо уверенным, что это не обнаружится. Ведь, есть много умерших авторов, которые не могут воспользоваться своим авторским правом... К чему же быть неосторожным?

Главный режиссер Боб Мустдарсон стряхнул какую-то воображаемую пылинку со своих серых брюк. Во времена оны он был гладильщиком брюк у одного портного в Истсайде в Нью-Йорке, и артистически выглаженные брюки он считал и посейчас высшим проявлением шика. Он ловко перевел разговор на другую тему.

— Новую драму мы можем начать со следующего месяца. Это будет боевик сезона.

Директор сердито кусал свою потухшую сигару.

— Что ж, будем надеяться, что наш боевик побьет конкуренцию. И не забудьте, что нужно еще туда вставить столкновение двух поездов или что-нибудь в таком роде. Да, и вот что я еще хотел сказать: название фильма мы изменим. «В раю маковых цветов» публике ничего не говорит. Мы назовем фильм «Коканнисты».

Мустдарсон не соглашался, его художественное чувство было возмущено.

— Но, ведь, «В раю маковых цветов» — это известный роман, благодаря которому автор его прославился! Мы, ведь, приобрели у него эту книгу, чтобы использовать ее для фильма.

Пэджи успокаивающе поднял свою толстую руку.

— Уоррэн — славный парень, и его фамилию, как автора, мы будем достаточно рекламировать, но он не имеет понятия, какие названия более заманчивы для фильма. «В раю

маковых цветов»—это ботанический, натуралистический фильм! «Коканписты», Боб, вот такое название гарантирует успех!

— Уоррен взбесится, если он об этом узнает,—сказал Мустдарсон.

— Пусть бесится,—воскликнул Пэджи.—Он уже получил тридцать тысяч долларов за эту вещь, которую мы сами можем перекроить для себя на все пятьсот.

После этого он отпустил режиссера и обратился к своей корреспонденции. Но перед тем он еще раз взял письмо Стефана Кардигана, разорвал его с презрением на мелкие клочки и выбросил их в корзину.

Десять дней спустя директор Пэджи, усталый и расстроенный, вошел около двенадцати часов в контору. Ему пришлось все утро ссориться с писателем Уорреном из-за измененного названия кино-драмы. Потом выяснилось, что расходы по постановке последней пятиактной драмы вдвойне превысили первоначальную смету. Пэджи был вне себя. Он бегал взад и вперед по комнате. Вдруг он остановился, увидя на своем письменном столе желтую обложку телеграммы. Она ее вскрыл. Она была из Цедар-Крика в Калифорнии и гласила:

— «Деньги не получены, выезжаю сам. Прошу приготовить сумму. Буду пятницу семнадцатого три пополудни ателье. Везу ассистента.

Стефан Кардиган».

Пэджи с беспомощным выражением в выпуклых, как у лягушки, глазах, обвел глазами свой шикарный кабинет. Календарь показывал как раз семнадцатое июля. Злобно скомкал он телеграмму и швырнул ее в угол. Потом надел шляпу и пошел завтракать. Но аппетита у него не было. Даже коньяк, который ему потихоньку подали в кофейнике, не мог его утешить. Угрожающая, непонятная телеграмма волновала его. Что хотел сказать этот калифорниец своими словами—«веду ассистента?» Он вспомнил о всех грабежах и убийствах, о которых он читал за последнее время в газетах, и ему стало не по себе.

Кардиган смотрел весело и насмешливо.

Вернувшись после завтрака, он сказал своей секретарше:

— Если сегодня или завтра меня захочет видеть кто-нибудь чужой, то скажите, что меня тут нет, поняли? А если явится некий Кардиган, заметьте себе это, Стефан Кардиган, то скажите ему, что я на несколько месяцев уехал в Галифакс.

— Хорошо, господин директор,—сказала секретарша и усмехнулась.

Он прошел в свой кабинет, углубился в подсчет расходов и почти совсем позабыл Стефана Кардигана из Цедар-Крика, как вдруг его всего передернуло от внезапного страха. Невольно схватился он за свои платиновые, усеянные бриллиантами, часы, находившиеся в кармане нежно-вишневого цвета жилета, и его опять пробрала дрожь, когда он увидел, что стрелка показывает без двадцати три. С беспокойством огляделся он вокруг, как будто угрожавший ему визитер внезапно, как привидение, появился перед ним из-за складок портьеры. Он потихоньку взял шляпу и через боковую дверь пошел в ателье.

Когда в три часа явился Стефан Кардиган и пожелал видеть директора-распорядителя, секретарша прервала свою работу,—составление кино-сценария по одному известному, ставшему даже классическим, роману, автор которого имел глупость умереть за де-

сять лет до того, как вошел в силу закон об авторском праве.

— Директор-распорядитель третьего дня уехал в Канаду и будет в отъезде несколько недель, — ответила она ему. — Может быть, вы хотите поговорить с кем-нибудь другим?

Кардиган возразил, что никто из членов компаний не может заменить ему директора и что раз он уже совершил это путешествие, то пробудет в Голливуде еще несколько недель, чтобы, в конце концов, поговорить с директором. Секретарша посмотрела на этого большого, широкоплечего молодого человека, с энергичной головой и вьющимися волосами, с подбитыми гвоздями сапогами номер сорок пять, и нашла, что он выглядит, как человек, который привык добиваться своего. Хотя он, повидимому, принадлежал к трудящемуся классу, он был одет довольно элегантно. Кроме того она еще заметила, что правый карман его брюк сильно оттопыривался. Она испуганно дышала, но старалась сдерживаться и любезно ему улыбалась.

— Если вы скажете мне свой номер телефона, то я позвоню вам сразу же, как господин Пэджи вернется из Канады, — улыбалась, сказала она.

Кардиган тоже улыбнулся и показал при этом двойной ряд таких чудных зубов, за которые маленькая секретарша охотно отдала бы десять лет своей жизни.

— У меня нет телефона, — ответил он. — Мне тогда придется от времени до времени навещать вас, пока я не застану директора.

Секретарша сдалась.

— Как вы желаете, господин Хартиган.

— Кардиган! — поправил ее посетитель, — Стефан Кардиган из Педар-Крика.

— Да, да, хорошо, господин Кардиган.

Стефан Кардиган наклонил голову на бок, и его веснучатое лицо смотрело на нее насмешливо и весело. Правую руку он медленно приблизил к своему правому карману, но потом он вдруг круто повернулся и вышел из конторы.

— Вот нахал! — промолвила секретарша, когда он закрыл за собой дверь.

Когда Кардиган проходил мимо ворот двора, где помещалось ателье, из-за угла как раз показался большой фургон для перевозки мебели. Увидеть это и сообразить, как поступить, — было для Кардигана делом мгновения. Когда фургон проезжал мимо, он одним прыжком вскочил на него, снял пиджак, зажег папиросу и, весело болтая ногами, проехал мимо сторожа во двор.

Стефан Кардиган не был литературным гением и не считал себя Шекспиром кино-драмы, но он видел приблизительно около семисот фильм, из которых шестьсот девяносто пять укрепили в нем убеждение, что он сам сумел бы сочинить гораздо лучше. Он не имел понятия о кинотехнике, но прекрасно, как оказалось впоследствии, чувствовал драматизм нарастаний и комизм положений. Кроме того, он умел придумывать удивительнейшие трюки.

Когда фургон остановился во дворе, Кардиган снова одел пиджак, соскочил и огляделся. Из дверей большого стеклянного дома как раз вышел молодой человек в спортивной рубашке, белых брюках и артистическом галстуке. Судя по его рано состарившемуся лицу, казалось, что его угнетают заботы многих тысячелетий. Это был третий помощник оператора, искавший пропавший объектив.

— Простите, — сказал Кардиган, — не можете ли вы мне указать, где я найду директора-распорядителя?

Помощник оператора указал своим грязноватым пальцем через плечо.

— 6-е ателье! Сцена № 3! — буркнул он.

— Да разве он не в Канаде? — как ни в чем не бывало спросил Кардиган.

Третий помощник оператора заморгал глазами и, казалось, будто он только сейчас пробудился от сна.

— Кто? Пэджи? Я желал бы, чтобы он был там, — сказал он с чувством и принялся искать пропавший объектив.

Стефан Кардиган взобрался по ступенькам в ателье. Он долго путался

среди кулис, мебели и целых батарей прожекторов, пока, наконец, не встретил одного человека с молотком в руке, указавшего ему, как пройти в шестое ателье.

— Вот туда, прямо,—сказал он,—только смотрите, не подходите к броненосцу. Я его только что заново выкрасил.

Стефан Кардиган отправился дальше.

Он прошел через шикарную спальню с мебелью в стиле рококо, потом мимо церковной ризницы, в которой около самого алтаря четверо мужчин без пиджаков играли в карты, потом пересек балкон дворца в венецианском стиле, потом еще одну спальню и попал, наконец, в шестое ателье, на инсценировку игорного зала в Монте-Карло. Удивленно и восторженно Кардиган осмотрелся кругом, оглядел чудные портьеры, мягкие персидские ковры и тяжелую резную мебель. Сбоку и сверху шипели и струились потоки света из прожекторов и освещали сцену яр-

ким белым светом, без всяких теней.

— Выключить свет!—заорал какой-то огромного роста мужчина.

Откуда-то повторили это приказание и внезапно прожекторы потухли.

— Мисс Лэк! Где мисс Лэк? Чорт возьми, неужели никто не видал мисс Лэк?—снова заорал тот же самый человек.

— Иду, иду, мистер Бюз,—крикнул женский голос.

Кардиган удовлетворенно вздохнул. Значит, это-то и была знаменитая звезда экрана, Софрония Лэк, а мужчина в коротких рейтузах был ни кто иной, как не менее известный режиссер Бюз. Таким образом, он попал как раз в самую середину неприятельского лагеря.

Мягкое кресло по левую руку от него было свободно. Кардиган уселся туда и с большим интересом стал наблюдать за репетицией. Это была как раз большая сцена, которая впоследствии еще значительно больше про-

славилась как примадонну, так и ее режиссера. Мужчины во фраках и дамы в бальных платьях теснились вокруг игорных столов и изображали, под руководством помощников режиссера, игорный притон в Монте-Карло, в то время как на первом плане герой драмы ставил миллион за миллионом. Но тут героиня драмы положила свою знаменитую белоснежную ручку на его руку и шепнула ему на ухо:

— Довольно на сегодня, Вальтер!

Быстрым движением смахнула она лежавшие на столе деньги, прыгнула на стул, поставила свою ножку в серебряной туфельке на стол и воскликнула:

— Мошенники! Подлецы! Канадлы!—и, охваченная своим собственным волнением, рыдая, упала в раскрытые объятия героя.

— Выключить свет!—закричал режиссер.

— Ну, как вы это находите, господин Пэджи?—спросил он потом и повернулся к маленькому толстому господину, который широко,

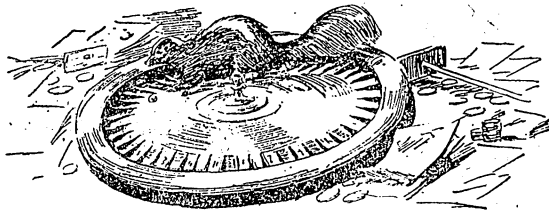
точно лягушка, развалился в кресле.

— Хорошо, очень хорошо!—сказал Пэджи.—Люди с ума сойдут, когда это увидят!

— Я это тоже думаю,—сказал писатель Уоррен, который сидел, наполовину спрятавшись, в боковой кулисе, откуда он мог хорошо наблюдать, как метр за метром умирала его первая кино-драма.

— Давай свет!—закричал режиссер.—Все на места! Мисс Лэк, если вы теперь положите свою руку на руку Вальтера, смыкайте пальцы совсем медленно, один за другим. Я делаю увеличенный снимок вашей руки. Все готово? Снимай! Что? Как? Кто? Эй, вы там, отойдите, неужели вы не видите, что вы мешаете съемке? Разве вы не видите, что мы хотим снимать?

Человек, к которому обратились с этими словами, был огромного роста, рыжий, веснушчатый мужчина; который, уютно вытянув ноги, расселся на резном стуле, как раз перед самым

Маленький зверек прыгал за шариками рулетки.

аппаратом. Режиссер уставился на него.

— Кто это такой, чорт бы его побрал?—спросил он, ни к кому не обращаясь. Ответа не последовало.

Он повернулся к директору, который встал и в упор смотрел на незнакомца. На мгновение наступила полная тишина в шестом ателье и было лишь слышно, как катился шарик в рулетке.

Режиссер Бьюз с шумом втянул в себя воздух и намеревался наброситься на непрошеного гостя, но что-то в глазах этого человека заставило его остановиться. Его смутило также и выражение лица Пэджи. И он сказал лишь с легкой иронией:

— Если вам безразлично, то, пожалуйста, отойдите в сторону, пока мы снимаем эту сцену.

— Нет!—коротко и деловито ответил незнакомец.

Режиссер растерянно посмотрел на директора.

— Что это,—ваш знакомый?

Владыка фильм ничего не ответил; он сидел на краю своего стула и в упор смотрел на незнакомца, который опустил руку в карман и вытащил оттуда что-то меховое, черное с белым. Он погладил этот меховой шарик и посадил его на край игорного стола. Там этот шарик развернулся, присел на задние лапки, открыл розовую мордочку и стал поглядывать своими блестящими, маленькими, как сапожная пуговица, глазками на свет проектора.

Мисс Софрония Лэк, которая в дни своей молодости носила скромное имя Софии Липской и была продавщицей в меховом магазине Левинского («продажа в рассрочку без надбавки!») взвизгнула лишь одно слово и без чувств упала в объятия Вальтера. Она выкрикнула только одно слово, но действие его было магическое! В десять секунд ателье опустело; остался только рыжий незнакомец и его зверек. Маленький зверек, и не подозревавший о том смятении, которое из-за него произошло, забавлялся тем, что прыгал за пестрыми шариками рулетки.

Режиссер Бьюз опустился на свой стул. Рупор выпал у него из рук и с

шумом покатился по полу, в то время как из-за боковых кулис донесся истинно дьявольский хохот.

— Ха—ха!—смеялся писатель Уоррен,—что вы скажете? Скунс, американская вонючка, в Монте-Карло!

Пэджи вскочил.

— О, боже, моя инсценировка, если она... о, боже милостивый!—Он в ужасе поднял руки.

— Что же вы не ловите ее, пока она еще не успела...

Широкоплечий плотник сделал было шаг вперед. Стефан Кардиган угрожающе посмотрел на него.

— Не дразните ее, а то она это сделает!—И, как бы оберегая зверька, он погладил его.—В прошлом месяце, в одной гостинице, где я жил, его хотела укусить собака. Им пришлось снести всю гостиницу!

И, ласково улыбаясь, он нежно почесывал свою вонючку по спинке.

— Малютку зовут Эби,—сказал он.

Эби сгорбился, ему, повидимому, было приятно, когда ему почесывали спину. Плотник же наверно показался ему менее симпатичным, так как он уперся своими четырьмя лапками о стол, оскалил зубы и тихо, злобно зашипел.

— Отойдите лучше прочь,—сказал Кардиган,—она ненавидит чужих. Я не могу поручиться за нее, когда она волнуется. Она брызгает на десять метров, и запаха ничем не устранить—он остается на многие месяцы.

Плотник потихоньку удалился.

— Да, кто же вы, наконец, чорт бы вас побрал, и что вы делаете тут со своей тварью во время моей съемки?—спросил режиссер.

— Спросите его, он знает. Неправда ли, господин директор, вы, ведь, знаете славного старого Стефана,—Стефана Кардигана из Цедар-Крика?

Пэджи облизнул свои засохшие губы языком и хрипло спросил:

— Что вам надо?

— Вы хотите сказать: сколько?—ответил Кардиган.—Ровно 2.500 долларов.

— Вот еще! Идите к чорту!—закричал Пэджи.—За три кино-сцены он требует 2.500 долларов. Такой мошенник!

Кардиган вытащил из кармана старый револьвер.

— Эби, мне кажется, ты должен исполнить свой долг!—обратился он к вонючке.

Он вздохнул.

— Мне очень жаль, что я должен теперь тебя испугать, потому что ты так боишься треска выстрела, но не голодать же нам с тобой зимой.

Задумчиво осмотрел он всю роскошь шестого ателье, открывая револьвер и вкладывая патрон в магазин.

— 1.000 долларов!—закричал директор с дрожью в коленях.

Кардиган взвел курок и стал возле самой мордочки зверька целиться в потолок.

— 2.000 долларов!—воскликнул Пэджи и капли холодного пота выступили у него на лбу.

Кардиган осторожно притянул маленького пушистого зверька к себе.

— Иди же прочь, Эби, а то прищимишь себе нос. Итак, раз—два...

— Ладно, пускай 2.500 долларов,—взвизгнул Пэджи и тяжело повалился в кресло.—Пусть кто-нибудь сбегает в контору и принесет мне чековую книжку.

— Стойте! — воскликнул Кардиган.—Чека я не принимаю. Прошу

наличными, сейчас без пяти три. Если вы поспешите, то вы еще получите в банке напротив необходимую сумму.

— Ладно!—буркнул Пэджи.—Бьюз, позвоните сейчас в контору, чтобы моя секретарша принесла сюда 2.500 долларов.

Четверть часа спустя Стефан Кардиган сел в свой старый, пыльный двухместный автомобиль и собирался пустить машину, как вдруг к нему, запыхавшись, подбежал какой-то человек без шляпы.

— Эй, вы, вы там! Мистер Кардиган!—воскликнул Уоррен, автор, еле переводя дух,—сколько вы бы взяли с меня за то, чтобы

одолжить мне на один день вашу вонючку?

Кардиган усмехнулся, поглаживая длинную острую мордочку зверька, выглядывавшую из его кармана.

— Наш ветеринар в Цедар-Крике вырезал у Эби железы, когда он был еще совсем маленьким.

И, помахав рукой, дал машине ход.

— Эби, ты должен исполнить свой долг,—обратился Кардиган к вонючке.

ЛЬВЫ — АРТИСТЫ

Очерк М. Н.—ого.

До 80 животных, вскормленных козьим молоком и дрессированных без кнута,—участвуют в качестве артистов кино.

В Калифорнии последнее время приобретает крупную известность пятиакровая львиная ферма, ежегодный доход которой приводит в изумление более прозаических фермеров. За шесть лет львиная ферма превратилась в одно из необычных американских предприятий.

Некто Чарльз Гей, единственный и доныне львиный фермер, начал дело, раздобыв одного льва и двух львиц. Сейчас его предприятие располагает наличным ассортиментом живых и вполне ручных животных числом от 80 до 90 экземпляров, не считая десятков животных, распроданных им в различные зоологические сады, зверинцы, цирки и проч. Всего несколько лет назад он вместе с женой высадился в Лос-Анжелесе, имея всего 10 дол. в кармане. Его другой актив—профессия укротителя зверей.

В настоящее время его львы работают почти во всех кино-студиях знаменитой столицы кино Голливуда или в им же самим насаженных на ферме джунглях. Каждый из его львов, позирующий для кино, зарабатывает до 50 дол. в день, что, при большом и разнообразном спросе, дает Гею довольно кругленькую сумму. Кроме того, мистер Гей ежегодно сбывает часть приплода и подростка в зоологические сады и зверинцы, а наряду с этим сотни посетителей несут ему входную плату за то, чтобы получить возможность наблюдать животных в количестве в десять раз большем, чем в каком-либо из самых больших зоологических садов или зверинцев.

Успех львов м-ра Гея, как артистов—приписывается его особому ме-

тоду дрессировки и тренировки. Животные его такие же ручные, как и обыкновенные котята, и даже, когда они уже достаточно взрослые, с ними,— правда под наблюдением самого м-ра Гея,—может легко иметь дело самый маленький кино-артист.

Никогда не зная кнута, или действия раскаленного железа и холодных патронов, львы совершенно не боятся людей, в худшем случае относятся к ним совершенно индифферентно. При дрессировке львов, Гей употребляет небольшой хлыстик в 12 дюймов длиною и, если ему необходимо войти в клетку, наполненную этими на первый взгляд свирепыми и кровожадными животными, то никаких помощников вне помещения или каких-либо приспособлений в целях безопасности совершенно не требуется.

Помимо специального обслуживания кино, цирка и сцены, за последнее время наблюдается все возрастающий спрос на молодых львят—ценного возраста. Лев-щенок расценивается в 350—400 долларов и таким образом одна только торговля детенышами, воспроизводимыми на ферме в довольно большом количестве, дает доход от предприятия. По наблюдениям мистера Гея, львиный район Соединенных Штатов может поглотить ежегодно до 200 экземпляров животных.

С точки зрения американцев—большая заслуга Гея заключается в том, что, устраняя ввоз полудиких животных, обычно добываемых в Африке, он полностью обеспечивает рынок, поставляя ручных, воспитанных на ферме животных. За вполне взрослого и выдрессированного льва он берет от 30 до 50 тысяч долларов и несколько менее за львицу, у которой не так благородна голова, менее бо-

гатая грива и менее внушительная внешность по сравнению с ее товарищем самцом. «Нума» — король львов Гея, оценивается в 50.000 долларов и берется нарасхват фотографами и художниками для позирования, как самый великолепный экземпляр в Америке.

На ферме нет обычного типа клеток с железными брусками. Вместо них животные живут и резвятся в больших загородках-пригонах. Прочные столбы поддерживают крепко сплетенную проволоку, концы которой глубоко укреплены в земле, обычно на несколько футов, чтобы устранить возможность подкопать и выйти наружу, хотя бы из шалости. Расположенные недалеко от арены низкие оштукатуренные строения, разгорожены на помещения для каждого животного в отдельности. Они и являются его убежищем и жилищем. Одна из арен предназначена для вполне взрослых и тренированных животных, а другая для «группы средней школы», т. е. полувзросших животных и, наконец, третья — кишит визжащей и кубыркающей массой детенышей. С первых дней рождения каждое животное получает свою кличку и за ним наблюдают в отношении особенностей его характера.

«Нума» и некоторые другие из «патриархов» — составляют особую группу спокойных, степенных и величавых, всегда полных сознания собственного достоинства львов. «Плут» и «Ваиради» — самые живые, игривые звери и полны дружелюбия. «Плут» весьма искусен в борьбе и боксе со своим тренером. Всего только трех лет отроду, он весит около 400 англ. фунтов и, становясь на задние лапы во время борьбы, достигает восьми футов. «Ваиради» — изящная, очень чуткая, постоянно мяукающая, но ужасно ленивая самка. «Рози», одна из ее сестер, замечательна тем, что принесла сразу четырех детенышей, что так необычайно для львиц.

Щенки детского класса очень похожи на домашних кошек, они так же, как и котят, игривы и подвижны. Они находятся под непосредственным наблюдением жены Гея — миссис Гея. Тотчас по рождении они быстро отнимаются от матери, так как львица, выросшая и воспитанная в условиях неволи, совершенно утрачивает материнский инстинкт и, беспомощная, не знает, что ей делать с детенышами. Детенышей помещают в теплые ящики, которые располагают на солнце, и кормят козьем молоком из рожка три раза в день. Несколько позднее к молоку добавляются сырые птичьи яйца. Как только детеныши доживают до возраста обычного отлучения от груди, они переходят в школу следующей ступени, уже к м-ру Гею, где начинают сразу же получать мясную пищу, но не более одного раза в день. Продовольствие столь оригинального населения фермы — составляет довольно дорогое удовольствие. Взрослый лев получает около 15 англ. фунт. конского мяса, что в среднем к каждому полудню требует забойки одной лошади. Мясо дается сырое и парное, тогда как в цирках, зверинцах и зоологических садах животные получают мясо старой забойки, изредка подогретое. Эта разница в характере и свойстве корма заметно отражается как на развитии животного, так и на его общем состоянии.

При заснятии фильм для кино львы обычно окружены группами артистов, больших и маленьких, которые гладят и теребят их без боязни. Однако такое отношение к животным всегда беспокоит владельца, так как, по мнению Гея, на льва все же положиться нельзя.

Как только животное начинает проявлять признаки утомления при позировании, оно возвращается само в свою клетку-карьеру, в которой было для сеанса, и возвращается на ферму, где уже весь этот день его не беспокоят. Животных никогда не тревожат за два часа до и после еды.

ОТ ФАНТАЗИИ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

ПЕРЕВОРОТ В КНИГОПЕЧАТАНИИ.

Свет и электричество взамен свинца.

Китайцы, еще за несколько веков до нашего летоисчисления, придумали вырезать текст рукописи на деревянных табличках и, намазав их краской, делать с них оттиски на бумаге. Таким простым способом начали «печататься» в Европе уже с XII века различные листовки с жизнеописаниями святых, календари, зубочные картлики и пр. (т. н. «ксилография»).

Но в середине XV века начинается новая эра в области письменности. Иоганну Гуттенбергу из города Майнца пришла в голову, казалось бы, простая мысль вырезать текст не на сплошной доске, а составлять его из отдельных, резных букв. Первые опыты Гуттенберг произвел с деревянными буквами, а потом начал отливать их из особого сплава, куда входил главным образом свинец. Первой книгой, напечатанной в 1450 году по новому способу, была Библия, составляющая сейчас величайшую редкость, и этот год должен считаться началом книгопечатания, открывшего собою новую эпоху культурного развития человечества. Книгопечатание как бы разорвало оковы, тяготевшие над мыслью человека, сделал книгу и заключенные в ней знания доступными самым широким читающим массам.

Но—странное дело!—искусство книгопечатания надолго застыло и осталось в тех самых формах, в которые облек его гениальный Гуттенберг. Те же шрифт-кассы с соднатыми отдельными значков, та же верстатка и наборная доска, тот же печатный станок—красуются в большинстве современных типографий, так же, как это было четыреста слишком лет тому назад.

Только с начала XIX века появляются машины для скоропечатания, т. наз. ротационки. Сущность их работы такова: с законченного набора делают слепок из особой массы (матрицу) и с него в свою очередь отливают из типографского металла т. наз. стереотип. Печатание производится тогда уже не с набора (последний может быть разобран и пущен в дело), а именно с этого стереотипа. В ротационной машине стереотип наворачивают и укрепляют вокруг особого барабана; на поверхность стереотипа

валиком наносится краска, барабан приводится в движение и при каждом своем повороте отпечатывает содержимое стереотипа на автоматически подаваемые листы бумаги. Идея чрезвычайно остроумной машины принадлежит Фридриху Кеннгу, построившему свою первую ротационную машину в 1811 году и дававшую до 800 оттисков в час. В настоящее время машины эти достигли высокой степени совершенства и могут давать в час десятки тысяч отпечатков.

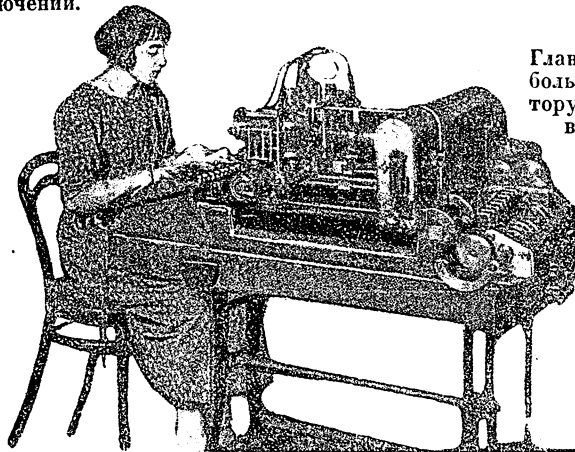
Что касается техники изготовления шрифта и производства набора, то здесь прогресс шел еще медленнее,—лишь с середины прошлого столетия появились словолитные машины, механически отливающие буквы шрифта в особых формочках, откуда выпадают уже готовые буквы. Некоторые из новых машин этого рода (печатная словолитная машина Вайкса) могут отливать до 1.000 букв в минуту.

Попытки заменить вредный для здоровья труд наборщика работой машины делались уже довольно давно, но только с семидесятых годов XIX века начали входить в употребление сколько-нибудь практические наборные машины (Фрезер, Кастенбейн, Грин, Мокки и др.). Устройство этих машин довольно сложное и мы здесь лишены возможности дать их описание.

Благодаря поразительному остроумию и обдуманности всех частей, машина «Линотип», изобретенная Мэргенталером, может набирать за час до 10.000 букв, заменяя собою труд нескольких наборщиков и потому неудивительно, что, несмотря на свою высокую цену (около 6.000 рублей), она нашла себе самое широкое распространение во всех крупных типографиях Европы и Америки.

Не менее остроумны по своей конструкции наборные машины «Типограф» и «Монотип», но описание их устройства отняло бы у нас чересчур много времени и места.

Совершенно новые пути в печатании открыла нам фотография. Если можно печатать рисунки и автотипии, снятые фотографическим путем, то естественно напрашивается мысль:—нельзя ли печатать

Главной частью новой машины является небольшая фотографическая камера, через которую проходит сматывающаяся и наматывающаяся на двух барабанах (2) фильма-ключ длиной 10 метров с прозрачными буквами и значками (3), напечатанными в 3 ряда, при чем для каждого образца приходится участок длиной около 35 сантиметров. Позади фильма имеется яркая электрическая лампочка, позволяющая отпечатывать на светочувствительной ленте то или иное изображение буквы. При нажатии на клавиши, барабаны с фильмом-ключом (заменяющей собой запас свинцовых шрифтов) автоматически поворачиваются таким образом, чтобы на светочувствительной ленте мгновенно отпечатался нужный знак

(операция, аналогичная отливке матрицы). Катюшки с фильмом можно приподнять, и тогда на светочувствительной ленте будет отпечатываться шрифт желаемого рисунка: латинский, петит, нонпарель, курсив цидеро и т. д., словом, все образцы шрифтов, помещенных на фильме. В аппарате имеется приспособление, которым можно передвинуть фильм по салазкам (4) вперед или назад, так что на светочувствительной пленке, заключенной в особой камере (5), будут при помощи телескопического объектива (6) отпечатываться буквы различной длины и ширины. Иначе говоря, при работе можно пользоваться любым количеством шрифтов, фактически располагая одной лишь основной фильмой со значками.

Все это очень хорошо—скажет читатель,—но для получения изображения набора все-таки надо этот набор сделать?

Для офсетного способа это обязательно—снимок набора можно сделать и с текста, отпечатанного на пишущей машинке.

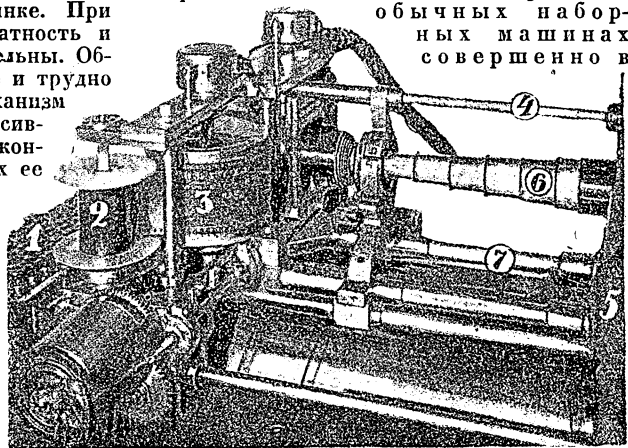
Двум английским инженерам—И. Р. Огюсту и Е. А. Хентеру удалось построить совсем недавно замечательную фото-наборную машину, которой, повидимому, суждено будет произвести настоящий переворот в печатном деле.

В этой машине, заменяющей собою целую типографию с десятками наборных касс и сотнями пудов шрифта, нет ни одной капли свинца и работа на ней не труднее и не вреднее, чем на пишущей машинке. При этом простота, точность, аккуратность и скорость работы прямо поразительны. Общай вид ее изображен на снимке и трудно поверить, что этот небольшой механизм способен заменить любую массивную наборную машину прежней конструкции и ряд обслуживающих ее шрифт-касс.

Общее устройство этой замечательной машины таково: подобно другим наборным машинам, новая машина имеет клавиатуру (рис. 2, цифра 1) с 90 различными знаками, но этим и кончается сходство. В дальнейшем на помощь наборщику или, как изображено на фотографии,— наборщицы—приходит электричество и фотография.

В нижней части последней имеется еще участок с перфорацией, т. е. с пробитыми отверстиями, которые посредством ряда электрических контактов дают возможность, одновременно с производством набора, изготовлять ленту с такими же отверстиями (патрон наборных машин, о которых было сказано выше) и производить ею набор на других наборных машинах.

Более того, передавая сигналы «набора» электрических контактов посредством телеграфа или радио, можно производить самый набор и изготовление лент на обычных наборных машинах совершенно в

другом городе. Так, например, можно набирать телеграммы в центральном учреждении, а отпечатывать их в любом отдаленном пункте.

Особое внимание конструкторов было обращено на то, чтобы придавать набираемой строке совершенно одинаковую длину — условие, обязательное при всяком печатании. Изобретатели весьма удачно справились и с этой задачей, совершенно избавив наборщика от труда ломать себе голову — сколько и каких шпаций надо вставить между словами и буквами, чтобы получились ровные строки. Машина все это делает совершенно автоматически, после того, как установлена форма набора и ширина столбца. Для этой цели машина имеет ряд сложных приспособлений, действие которых напоминает работу счетных машин (арифмометров) — машина сама как бы вычисляет нужные промежутки между отдельными знаками.

Когда в строке остается 8 букв, слышится сигнальный звонок, и наборщик должен подумать, как оборвать строку. Кончив строку, наборщик ударяет по особой клавише, и машина начинает тогда автоматически устанавливать ширину букв и промежутки между ними и, только «выровняв страницу», отпечатывает ее на светочувствительной пленке.

Набираемый текст, особой пишущей машинкой, печатается на бумажной ленте, видимой наборщику, поэтому, если он заметит в строке ошибку, он может вернуться к ней, нажав «клавишу ошибок», и ударить по верному значку.

Так, строчка за строчкой, получается готовый набор в виде негатива на пленке, которая, кстати сказать, здесь же сама собою проявится, фиксируется и сушится. Набранные строчки идут затем к корректору. Последний вырезает неверные места, исправленная строчка печатается заново и затем снова вклеивается в общий набор.

Этим операция набора закончена. В дальнейшем с негатива делают клише и печатают его обычными способами.

Пока этот замечательный аппарат еще не получил большого распространения; ему, несомненно, придется выдержать ожесточенную конкуренцию с современными типографиями, в оборудовании которых вложены уже огромные капиталы, но те преимущества, о которых мы говорили выше, несомненно, сулят новому изобретению самое широкое распространение.

Исчезнут тогда дорогие, шрифты, отравляющие своей свинцовой пылью десятки тысяч наборщиков, упростится вся техника печатного дела, подшевеет книга и станет еще более доступной широким массам.

Инж. В. Д. НИКОЛЬСКИЙ.

Муха — пуля.

Тропическая природа с ее бесконечным разнообразием форм продолжает нас дарить неожиданностями своего животного и растительного мира. Американскому энтомологу Шарлю Тоунсенду удалось недавно обнаружить во время своей экспедиции в Бразилию замечательное насекомое, названное им Сефеномией. Насекомое это, напоминающее своим видом обыкновенную муху, — только несколько более крупных размеров, отличается поразительной скоростью полета, достигающего 1200 фут. (около 365 метров) в секунду, т. е. почти скоростью пули охотничьего ружья.

Напомним здесь, что скорость лучшего бегуна человека около 10 метров в секунду, лошади — около 20 метров, поезда — около 30 метров, автомобиля — около 70 метров, дачки — около 80 метров, аэроплана — около 130 метров. Быстрее сефеномии совершают свой полет лишь винтовочные пули (850 метров в секунду) и артиллерийские снаряды (до 1.500 метров в секунду).

Удалось обнаружить, что муха эта кладет свои личинки в ноздрях олгеей и антилоп, но с какой целью — неизвестно.

Наибольшую загадку в этом насекомом составляет еще не изученное устройство его летательного аппарата и источник двигательной силы, сообщающей мухе ее колоссальную скорость. Нельзя забывать, что сопротивление воздуха, оказываемое летящему телу, растет пропорционально квадрату скорости. Вычисления показали, что эта муха развивает силу, равную около

$\frac{1}{4}$ лошади силы. То обстоятельство, что у этой загадочной мухи вес мускулов крыльев достигает 60% веса всего тела (у обыкновенной мухи он равен около 35%), все-таки ничуть не объясняет их загадочного механизма. Высказываемое кем-то предположе-

ние, что муха черпает свою энергию из ультрафиолетовых лучей солнца — так же ровно ничего не объясняет. Разгадкой тайны источника силы этого удивительного насекомого заинтересовались уже некоторые физики, мечтающие извлечь здесь ряд полезных указаний для нужд авиации и техники моторостроения.

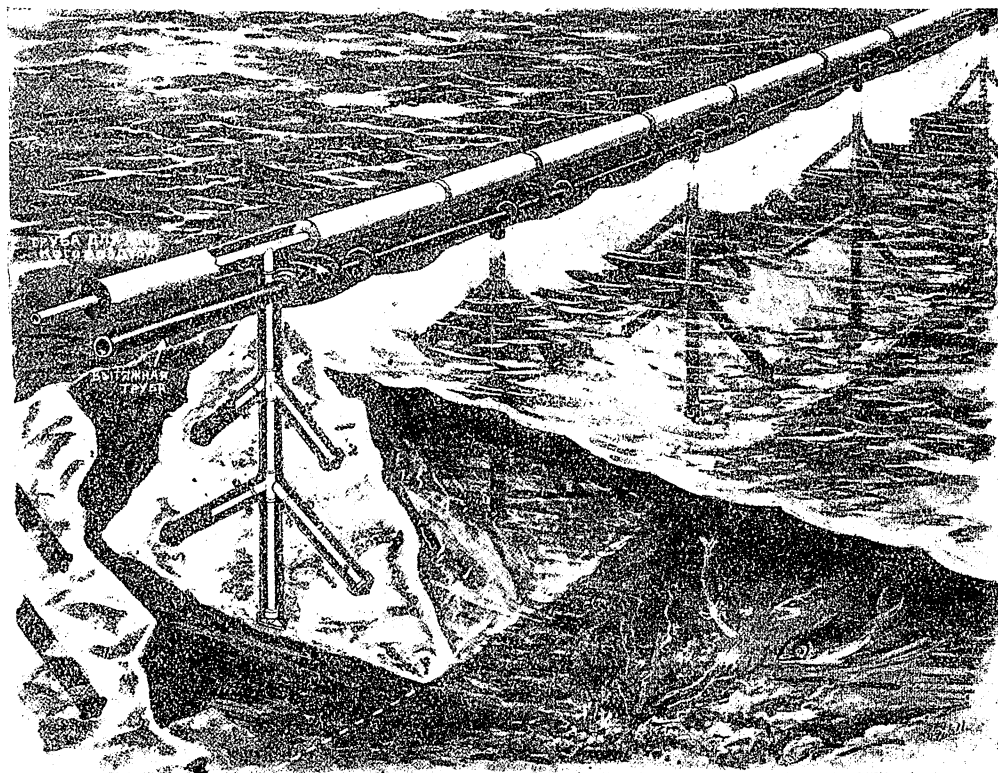

Отвоевание земли у моря.

Одной из наиболее увлекательных страниц в истории борьбы человека с природой, несомненно, может считаться его борьба с грозной стихией моря и завоевание у него новых земельных пространств, годных для жизни и земледелия. Такова история Голландии, маленькой трудолюбивой страны, сумевшей на протяжении веков не только отстоять свое побережье от разрушительной силы морского волнения, но и значительно расширить свою территорию посредством многочисленных дамб, тянувшихся на

Однако совсем в недавнее время в Германии изобретен совершенно новый способ постройки морских и речных дамб, которому, повидимому, суждено в несколько раз удешевить и ускорить работы. При прежних постройках сильная буря иногда уничтожала в несколько часов работу многих лет, — тогда как новый способ уже через несколько дней создает надежную защиту ведущимся работам.

Способ этот заключается в следующем: место, которое предназначено к осушению,

тысячи километров, за которыми была выкачана вода и где на осушенном таким образом дне возникли города, поля и селения...

Постройка таких оградительных дамб, подчас на глубине нескольких саженей, представляет собою далеко не легкое дело, требующее, кроме технических навыков, так же затраты значительных денежных средств и времени. До сих пор работы эти производились двумя способами: мощными драгами и экскаваторами со дна моря вычерпывался грунт и отвозился при помощи шаланд с откидным дном, через которое вынутый грунт проваливался в воду над выбранным местом будущих дамб.

Другой способ заключается в том, что сперва строят на дне деревянную эстакаду, возвышающуюся над уровнем моря, и вагонетками сыпят с нее в воду землю и камни, взятые на берегу.

окружается редким «забором» из вертикально поставленных труб, укрепленных в дне и связанных между собою двумя продольными трубами. На каждой из вертикальных труб имеются 4 или более, — смотря по глубине — боковых отростков, косо направленных книзу и напоминающих собою в целом ель с раскинутыми ветвями. Трубопроводы эти двойные и состоят из внутренней тонкой и наружной толстой трубы.

Затем где-нибудь на берегу устраивается небольшой завод для получения жидкого воздуха, стоимость которого сейчас, при значительном масштабе производства, обходится не дороже 2—3 копеек на литр. Полученный жидкий воздух, обладающий чрезвычайно низкой температурой — около 140 ниже нуля, — особыми насосами прогоняется по описанной выше системе подводных труб, охлаждая при этом окружающую их

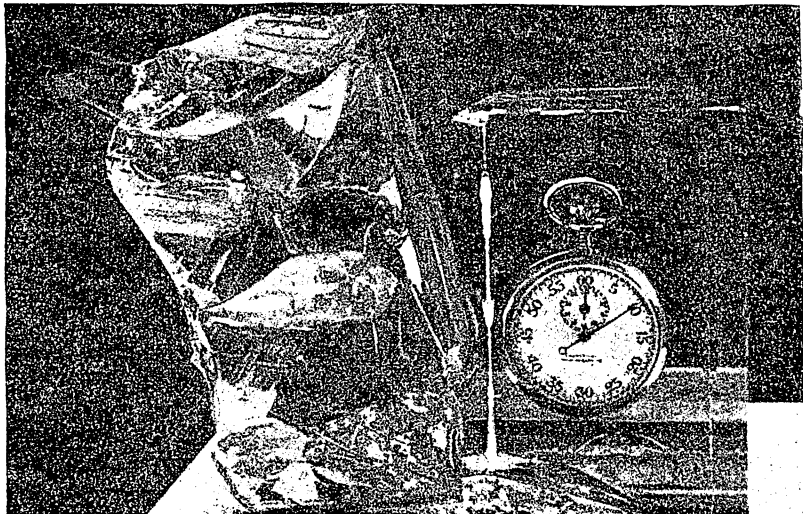
Стекло, прозрачное, как воздух.

Украшения из стекла и стеклянная посуда еще в эпоху древнего Рима делались так высоко, что, например, за знаменитые Муренские вазы из цветного стекла уплачивались целые состояния. Стеклянные окна были сперва лишь в богато изукрашенных церквях и только с 16-го века стали появляться в частных домах состоятельных граждан, а затем, вместе с удешевлением производства, стекло постепенно делается необходимым материалом при постройке жилищ у всех культурных народов. Но еще больше значение стекла приобрело, когда появились первые оптические инструменты, когда Галилей, при помощи своего телескопа, расширил границы звездного мира, а Левенгук микроскопом обнаружил скрытый для европейцев до того времени мир мельчайших существ...

С этого времени успехи астрономии идут тесно связанными с успехами выделки стекла. Самое трудное в этом производстве (из смеси песка и различных солей) заключается в получении больших кусков совершенно однородной прозрачной массы, которая затем подвергается сложному процессу распиловки и шлифования. Чем крупнее должна быть линза для теле-

скопа (в настоящее время существуют телескопы с диаметром в 40 дюймов), тем труднее получить нужную для ее изготовления безукоризненно чистую стеклянную глыбу.

Рисунок дает некоторое понятие о том,

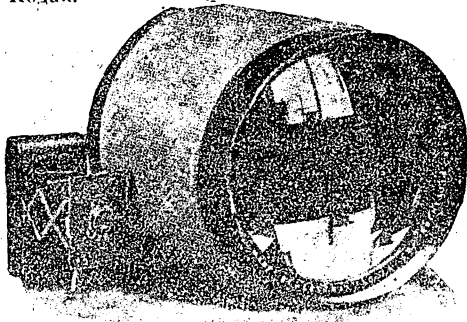

что в этом направлении достигнуто современной стекольной техникой. Слева — кусок необделанной стеклянной массы, прямо из плавильного тигля, весом в несколько пудов. — а справа этот же кусок, но уже отшлифованный и отполированный. Никто при этом не скажет бы, что часы, видимые на фотографии, находятся позади стеклянной призмы, а между тем это так: прозрачность этого куска настолько велика, что, несмотря на свою 9-ти дюймовую толщину, стекло почти не поглощает проходящие через него световые лучи.

Гигантский объектив фотографического аппарата.

Фотографическая съемка с аэронавов для составления подробной карты снимаемого района, о чем мы говорили на стр. 141 нашего журнала, потребовала постройки новых, значительно более мощных фотографических аппаратов и объективов, чем в обычных приборах этого рода. В виду того, что снимки производятся при этом с довольно значительной высоты, объективы эти обладают большой светосилой и имеют очень крупные размеры. В настоящее время построены объективы, напоминающие по своей величине линзы для телескопа и достигающие 9-ти дюймов в диаметре, вроде изображенного на рисунке. Таким объективом удалось с аэронава снять город Детройт на расстоянии более 200 верст. Для

наглядности рядом с этим объективом-великаном снят обычный карманный аппарат Кодак.

Молчаливый проводник.

Всякому, побывавшему в чужом городе известно, как иногда трудно бывает толком разузнать у прохожих верное направление в поисках необходимой улицы и

ной степени может облегчить для приезжего задачу ориентироваться в лабиринте улиц большого города.

Прибор представляет собою прозрачную

карту под стеклом со значением улиц и учреждений, список которых приведен сбоку на особой таблице, при чем против каждого названия имеется небольшая кнопка.

Если нажать кнопку против места, которое ищешь, то на карте под стеклом вспыхивает красный кружок различных цветами загораются улицы, по которым идут трамваи с их номерами.

учреждения. Хотя поговорка говорит: — «язык до Киева доведет», — но справедливость этого утверждения очень сомнительна в стране, с чуждым путешественнику языком... Новый прибор, поставленный в различных частях Лондона, повидимому, в силь-

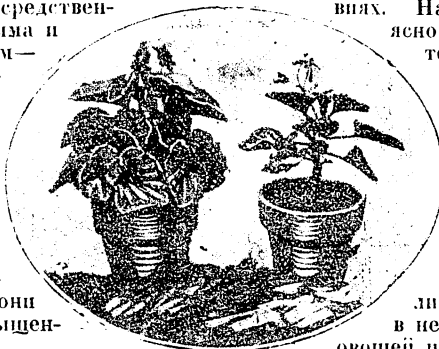
Белым цветом загораются линии автобусов, синим — трамваи, красным — улицы только с пешеходным движением. Если вы ошиблись и проехали мимо, то достаточно найти на любом крупном перекрестке такой же автоматический указатель.

Пропадавшее богатство.

Ничто не теряется бесполезно в природе... Даже выражение «пустить дымом по ветру» далеко не может служить синонимом бесполезной потери. Лишь несколько лет назад додумались непосредственно получать выгоду из дыма и газа заводских труб. Дым — эти мелкие частицы несовершенного угля, — их научились улавливать в особых приемниках и снова пускать в дело, а газы до самого последнего времени без пользы улетали в трубу, пока их не попробовали направить в оранжереи с растениями, где они создали атмосферу, насыщенную углекислотой.

Для живого существа эта атмосфера безусловно смертельна, т. к. уже при содержании 1—2% углекислоты люди и животные погибают, но зато растения, освещенные

солнечным или сильным электрическим светом, чувствуют себя настолько хорошо, что в несколько раз обгоняют в росте своих соседей, растущих в обычных условиях. На помещаемом рисунке ясно видна разница между теми и другими растениями.

Опыты, произведенные в лаборатории дали поразительные результаты: так, вновь посаженный клевер в углекислой атмосфере уже через один месяц начал давать цветы, тогда как обычно это происходит лишь через год. Кроме того, в несколько раз возрос урожай овощей и некоторых фруктов. Нормальному способу предсказывают блестящую будущность, особенно в угольных и металлургических районах, где есть большие количества терпящей пока углекислоты.